

Annotation

Основное содержание книги – проблема личности, воспитание в нем душевных свойств, ценных для себя и для общества.

В книге рассказывается о том, что такое всесторонне гармоничный человек – достойный член общества, о месте его среди людей, о воспитании долга перед другими, сознательной одухотворенности в труде, мужестве, целеустремленности, чувстве красоты и т. д.

- [ВЛАДИМИР КЕЛЕР](#)
  - [О чем эта книга](#)
  - [НАХОДКИ НА ПЛАНЕТЕ «Я»](#)
    - [Человеком не рождаются, им становятся](#)
    - [Сны на рассвете](#)
    - [Мало-чувствовать: надо переживать](#)
    - [Что значит «добиваться»](#)
    - [Волшебные отражения](#)
    - [Превращение невидимого](#)
    - [Кузница идей](#)
    - [Великая симметрия](#)
    - [«Познай самого себя»](#)
    - [Незримый дар эволюции](#)
    - [Сила совести](#)
    - [Климат изящного](#)
    - [Секреты Амариллис](#)
    - [Возвращение красоты](#)
    - [Действительность и грезы](#)
    - [Обязательность необязательного](#)
    - [Цельный человек, цельный мир](#)
    - [Воля только умная хороша](#)
  - [КОДЕКС РЫЦАРСТВА](#)
    - [Познавай людей](#)
    - [Матрос из Чарджуя](#)
    - [Один за всех, все за одного](#)

- [Кто на свете всех сильнее?](#)
- [Зеркало, которое говорит](#)
- [Пробуждение достоинства](#)
- [Поэтическая проза](#)
- [И знание – сила. И сознание – сила](#)
- [Где лежит край света?](#)
- [Звездные минуты](#)
- [Звездная жизнь](#)
- [Талант и неусыпный труд](#)
- [Человек человеку брат](#)
- [Как дать сдачи?](#)
- [Человек по имени «Ты»](#)
- [Искать в людях хорошее](#)
- [Магия приличий](#)
- [Маленькие ключи от большого сада](#)
- [Воспитание порядочности](#)
- [Идеал – гармония](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
-

ВЛАДИМИР КЕЛЕР

ДРУГ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

*Посвящаю дорогим моим племянницам Вере,
Нине, Наде, Люде и Ирине Келер*

О чем эта книга

«Друг на все времена»... Да разве есть такие? С друзьями расстаются, ссорятся, их так или иначе иногда теряют. «Все времена» значит – жизнь. Вся жизнь, включая старость. А ведь чего только не бывает за долгие ее годы: перемены в возрасте, окружении, интересах. Все это влияет на выбор друзей и отношение к ним. Влияет и на то, как они к тебе относятся.

И все же один такой друг возможен. Это – моя личность. Не всякая, а когда она мой добрый капитан, ведущий меня так, чтобы раскрыть мое хорошее, научить лучшему служению людям. Если личность иная, она друг сомнительный. Допустим, учит эгоизму. Тогда это просто враг. В беде такая личность не поможет, сил, когда надо, не придаст.

Как же завести себе настоящего, преданного друга?

Прежде всего надо поверить в свои силы сделать это. Затем – понять свою ответственность за это. Наконец, разобраться – где и что искать, как создавать своего невидимого капитана.

Книга, что у вас в руках, – попытка показать, как иногда решаются задачи.

Единого решения нет. Его и быть не может. Ведь личность неповторима, такой, как «у меня», не встречалось и никогда не встретится. «Мой капитан» не может походить ни на одного «чужого». Его создание есть в то же время и открытие. Открытие, доступное только мне – и никому другому.

...И все же помощь от других возможна. Практический совет. Пример. Толчок к какой-то мысли. Задушевный разговор, рождающий раздумья.

Всем этим, я как мог, старался наполнить свою книгу. Особенно примерами. Мне хотелось поговорить с читателем как бы с глазу на глаз. Не знаю – получилось ли. Во всяком случае категорических советов: «Будь обязательно таким, поступай лишь так, а не иначе» – он

здесь не встретит. Помня, что друга не навязывают, каждый выбирает его сам, единственное, что я себе (довольно часто) позволял, это повторять намек: «Задумайся над тем и этим, заглядывай в себя, старайся лучшее в себе улучшить, а худшее подавить».

Моя книга – о нравственном самовоспитании, о воспитании в молодом человеке чувства полноценности, настоящей личности, об отношении отдельного человека с другими и, если можно так выразиться, с самим собою.

Задача не всегда легкая. Ну и что?! Главное – разрешимая. Разрешимая для всех.

Поверьте только прежде в собственные силы...

Несколько слов о том, как люди иногда переживают личные недостатки, мечтают их преодолеть.

Вспоминаю два примера.

Ученица восьмого класса из Перми прочитала мою книгу о призваниях^[3] и написала:

«Хорошо Вам советовать, как искать призвание у кого оно есть. А как быть никчемучкам вроде меня, таким круглым дурочкам, у которых ничего нет? Мне бы только целый день бегать и скакать...»

Письмо было искренним. Видно, девушка хотела найти себя, только пока не знала – как.

Школьника-москвича пристыдили за насмешки над малышами. Он стоял понурый, молчал. Позднее признался отцу, что его терзало. Оказывается, бесхарактерность. Мальчика жег стыд, что он дразнит малышей лишь только потому, что так другие делают...

Не по одним далеким берегам томятся люди. Как часто они всматриваются в себя и грезят: «Найти бы свой талант...», «Стать лучше...»

Огромный яркий мир окружает человека: деревья, звезды, люди, предметы их труда. Этот мир кормит человека и украшает его жизнь. В нем люди создают себе удобства и ищут знаний.

Прекрасный мир с детства наполняет человека: его порывы, мысли и мечты, нравственные стремления. Этот мир не кормит и обычных знаний не дает. Но и в нем можно искать и создавать. Искать что-то настоящее, достойное. Создавать из лучшего, что в человеке есть, богатую, привлекательную личность.

Как же искать в себе? Забыть обо всем на свете и погрузиться в свое «я», в свои мысли и ощущения?

Когда-то так и думали. Восточные мудрецы учили, что для познания себя человеку надо «предаться самосозерцанию».

Но созерцать себя, чтобы раскрыться, недостаточно. «Свое» можно найти и среди «чужого»: изучая законы природы и общества, частью которых человек является.

Гёте писал: «Человек знает самого себя лишь постольку, поскольку он знает мир, ибо он осуществляет мир только в себе, а себя — только в нем. Каждый новый хорошо изученный предмет открывает в нас новый орган».

Принимая мысль Гёте, мы скажем: чтобы найти в себе побольше, надо искать и в себе и во внешнем мире. Познание дает нам как бы новые глаза и уши, с их помощью мы и свое лучше видим и слышим.

А как «создавать себя»? Как поднимать свою человеческую ценность, развивать дары «своей природы»?

Создавая вещь, человек старается сделать ее из добротного материала и придать ей лучшую форму.

Создавая самого себя, он думает, по существу, о том же.

Есть в каждой личности глубинный мир моральных ценностей. Этот мир раскрывается не сразу, но управляет человеком, его знаниями и прочим «внешним» преимущественно он. Чем, как говорится, дышит человек, тем определяются его поступки.

В конечном счете человек не столько знаниями ценится, сколько тем, как ими распоряжается: с умом или бестолково, заботясь о других или эгоистично.

Что же в человеке самого дорогого? Что в нем и для него самого и для его окружающих ценнее?

Один скажет:

– Ум, образованность, порядочность, воля.

Другой:

– Внимательность и терпимость к лицам, самообладание и чувство юмора, включающее бесценный дар смеяться над самим собою.

Даже великие мыслители в разные времена отвечали разное.

Философ Древней Греции – Платон, например, относил к «первым добродетелям», как он это называл, мудрость, мужество, справедливость и благоразумие, подразумевая под последним чувство меры и самообладание.

Известный американский физик и просветитель Бенджамин Франклин всего больше ценил и воспитывал в себе умеренность, молчание, порядок, решительность, трудолюбие, искренность, справедливость, трезвость, опрятность, спокойствие, целомудрие, скромность, воздержание.

Лев Николаевич Толстой просто говорил, что для того, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они больше обращали внимания на себя, на свою внутреннюю жизнь.

Я попытаюсь рассказать о некоторых общечеловеческих чертах личности, но в первую очередь остановлю внимание читателя на чертах, свойственных личности социалистического общества.

Книга из двух частей. Первая – «Находки на планете «Я» – посвящена духовным ценностям, извлекаемым из себя же. Вторая – «Кодекс рыцарства» – о поисках своего же, но не в себе, а в обществе. Конечно, это деление условно, тем более что «личность – не только индивид, но всегда и социальный тип, в свойствах которого так или иначе выражаются идеология и психология борющихся классов, в конечном счете – их интересов»^[4]. Эта особенность отражена и моей книге, адресованной советской молодежи.

В обеих частях книги подчеркнуты преимущества нашего, социалистического строя, возможности, которые созданы здесь для развития отдельной личности и тем самым – всего общества. Ведь оно, наше общество, помогает раскрыться личности каждого человека. В новой Конституции СССР приведены известные слова К. Маркса и Ф. Энгельса: «...свободное развитие каждого есть условие свободного

развития всех». Наше социалистическое государство было первым, которое записало эти гордые слова в свою Конституцию.

В книге «Друг на все времена» использованы (в переработанном и дополненном виде) некоторые примеры из моей книги «Океан в нас самих», вышедшей в издательстве «Детская литература» в 1970 году.

Приношу глубокую благодарность доктору педагогических наук Юрию Петровичу Азарову и старшему научному сотруднику Института философии Академии наук СССР Вадиму Михайловичу Межуеву, взявшим на себя труд прочитать эту книгу в рукописи и давшим мне ряд ценных советов.

Моя книга – книга размышлений, она не популяризирует никакую науку. Но если мой читатель пожелает познакомиться с тем, как проблемы личности освещает марксистско-ленинская наука, можно посоветовать ему прочитать популярные труды по социологии, социалистической этике и эстетике, работы о принципах коммунистической нравственности и воспитания, о взаимоотношениях личности и коллектива в социалистическом обществе.

НАХОДКИ НА ПЛАНЕТЕ «Я»

Человеком не рождаются, им становятся

*Два мира есть у человека:
Один, которым нас творил.
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.*

И. Заболоцкий^[5]

Долг перед собою

В одной семье хранится фотография: лобастый симпатичный мальчик с густой шевелюрой. На обороте – надпись: «Самый умный мальчик нашего класса, академик Коля Басов, май 1941 года».

Надпись была сделана девочкой, соученицей.

Прошло не так уж много лет, и самый умный мальчик класса превратился в одного из самых умных физиков планеты. Надпись оказалась пророческой. Сегодня и взрослые говорят: «Академик Николай Геннадиевич Басов, создатель квантовых генераторов».

В чем причина успехов Басова?

– Природное дарование, – утверждают одни. – Родился физиком, вот им и стал.

– Окружающая среда, – возражают другие. – Родился в Советском государстве, рос в благоприятных условиях общества – вот и показал себя. Помогло и непосредственное окружение.

Басов сам признавался как-то: «Мне крупно повезло, что я стал работать в Физическом институте Академии наук». Сперва хорошие родители, учителя, потом хороший институт, – талант и развернулся.

А спорили напрасно. Каждый был прав лишь наполовину. Учитывал обстоятельство успеха: среду, природное дарование, а личности не видел, не видел ее участия в создании таланта.

Но ведь так не бывает! Одних удачных внешних обстоятельств, даже при врожденных дарованиях, мало. Нужна еще активность личности. Когда она значительна, она преодолевает и неудачные обстоятельства.

Ломоносов рос в семье крестьянина-помора. Ходил с отцом на судах за рыбой в Белое море и Северный Ледовитый океан. К науке это не приближало, хотя, правда, по выражению Г. В. Плеханова, что-то полезное дало: «благородную упрямку». Но Ломоносов-юноша к науке рвался и добился цели, несмотря на трудности пути.

В скромной фермерской семье, вдали от крупных городов, рос Ньютон. Сперва мешала заниматься в школе природная лень. Но он ее преодолел и благодаря стараниям и воле раскрыл природную одаренность, стал Ньютоном.

Чтобы вырастить сад, мало почвы и семян, нужен еще садовник. Чтобы вырастить талант, недостаточно одних природных данных и благодетельных влияний. Без воли обладателя таланта – главного садовника! – возможности природы и доброго влияния окружающих не развернутся.

В одной из лучших книг XIX века – «Обломов» – описана судьба героя, хотя и литературного, однако похожего на иных живых.

Сколько по-настоящему хорошего было заложено в Обломове: богатые способности, знания, разумные проекты, красота души... Но не было самого себя, и слабое оказалось в нем сильнее сильного. И погиб прекрасный человек, погиб для себя и для окружающего общества. Единственным результатом жизнедеятельности стала бездеятельность.

Нет слов: сыграли роль и отрицательные влияния. Обломов жил в помещичьей среде, ее паразитизм оказывал на него свое действие. Басов рос и развивался в социалистическом обществе, его окружали труженики. Ему было проще открыть в себе Басова.

Так же любому юноше и девушке, каждому подростку в нашей стране легче себя открыть. Отсюда, однако, не следует, что себя не нужно особенно искать. Напротив!

Не о том надо думать, что из-за хороших условий окружения молодой советский человек вправе якобы дать себе послабление в развитии своих способностей. А о том, что именно ему-то полезно воспользоваться хорошими условиями. И искать, искать!..

Как начинается в человеке Его Собственное?

С понимания долга перед самим собой и с выполнения этого долга. «Пытайся исполнить свой долг – и тогда ты узнаешь, что в тебе

заключено», – писал Гёте.

А выполнение долга перед самим собою, возникающее как отражение долга перед другими людьми, обществом, начинается с поиска своего призвания.

Увы, не все это понимают...

У мальчика нет и намека на математическую одаренность, а он упорно просится в математическую школу. Просто там его друзья учатся.

Девочка любит вязать – и явно в этом преуспела бы. А открыто признаться стыдно: скажут, немодно, назовут, поди, старушкой...

Следуя за модой, девочка записывается в кружок «Балет на льду» (хотя коньки ее не манят и заниматься она будет скверно), а рукоделие забрасывает.

Бывает: не видно, что человек не на своем коньке.

А бывает иногда и худшее: к своему человек не пристал и живет чужим – тоскливо, одиноко...

...Мы сидим за столом, перегруженным книгами, и академик Николай Петрович Дубинин, наш знаменитый генетик и биолог, рассказывает о своем детстве:

– С двенадцати лет я остался без семьи, самостоятельным. Попал в сложные условия детдома в голодающей Самаре 1919 года. Сперва был хаос – во мне и в детском доме. Столпотворение, эмоции!.. Казалось – все пропадает, пропадает и моя жизнь. В 1921 году, в разгар голода, вывезли в Жиздру – маленький городок бывшей Брянской губернии. Именно тогда коснулась меня впервые жажда познания. Загорелся любовью к знанию, стал много читать. Стал учиться очень напряженно. За три года прошел всю среднюю школу.

Как это ни странно, в конце 1923 года (мне тогда было шестнадцать лет) сразу четко определились мои «научные» интересы. Произошла, так сказать, моя «профессионализация». Страшно потянулся к вопросам эволюции, проблемам жизни в целом. Когда стал вопрос – куда посылать меня дальше, я без колебаний выбрал университет. Чтобы заниматься дальше вопросами эволюции и наследственности...

– Выбрали? Из чего? Вам предлагали что-нибудь иное?

– Да, всё упорно посылали меня в театральную школу: детдом, комсомол. Отличился в самодеятельности. Большую борьбу пришлось выдержать...

Приехал в Москву. С собой – одно одеяло и десять рублей денег. Больше ничего и никого. Поступил в университет.

Как учился, готовился к экзаменам? Не делал расписаний дня, не воспитывал самодисциплины. Однако учиться была потребность, которую никак нельзя было насытить. Когда жил с тремя другими товарищами в общежитии на Смоленском бульваре, они говорили, что я для них феномен, непонятное явление. Приходя домой, я не занимался больше ничем, не терял ни одной секунды: сразу погружался в книги и писания. Так всю жизнь...

– Не признавали самодисциплины, но не давали себе спуску?

– Кто же поработает за меня?..

Действительно: кто же поработает за меня?

Хорошо иметь талант, иметь условия для его развития. Но если нет долга перед самим собою – получится ли что-нибудь?

Конечно, не получится.

Не получится, потому что за тебя никто не станет работать.

И снова мне вспоминаются слова той девушки из Перми: «А как быть никчемучкам вроде меня?..»

Способны ли действительно все выполнить свой долг перед собою: найти свое призвание? А если его нет?

Вот в это я как раз не верю. Л. Н. Толстой сказал однажды:

«Не думай, чтобы мудрость представляла из себя свойство только особенных людей. Мудрость необходима всем людям и потому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его».

Заменим слово «мудрость» словами «призвание», «врожденный дар». Способности есть в каждом. Важно лишь их открыть. И развить, как полагается. А это дано каждому. «Способности, как и мускулы, растут при тренировке», – остроумно разъяснил академик Владимир Афанасьевич Обручев.

Да, неправы утверждающие, что человека создает лишь наследственность и среда. Многие недооценивают силу внутренних порывов. А ведь она бывает иногда сильнее первых двух. Она

способна повлиять на них, исправить ту из них, что связывает способности человека.

...Девочка Оля из небольшой деревушки на Украине заболела менингитом и потеряла сначала зрение, потом и слух. Нарушилась и речь. Но вот в специальной клинике-школе больная девочка прошла при помощи пальцев курс обучения по всем школьным предметам и получила среднее образование. Потом она получила и высшее образование, стала кандидатом педагогических наук по психологии. В 1972 году в Москве вышла замечательная ее книга «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир».

Она стала не только ученой, но и поэтессой. Вот строчки из опубликованных ее стихов:

Я услышу запах и росы прохладу:
Легким шелест листьев пальцами ловлю,
Утопая в сумрак, я пройду по саду,
И мечтать готова, и сказать «люблю»...

У Ольги Ивановны Скороходовой оказалась невероятно могучей воля, «третья» сила.

Еще пример.

Школьнику Льву Понтрягину было четырнадцать лет, когда от взрыва примуса он потерял зрение. Но сила воли у шестиклассника была такова, что он продолжал учиться. Родные читали ему уроки, часто их не понимая, особенно по математике. Понтрягин оканчивает школу, университет. Двадцати семи лет он профессор, а тридцати одного года – член-корреспондент Академии наук СССР. Сейчас он академик, один из крупнейших математиков мира. Его книги, математические открытия приобрели всеобщую известность.

Льва Семеновича Понтрягина жестоко обидел несчастный случай. Ослабились возможности «второй» – воспитательной – силы. Но как же зато развилась его воля, «третья» сила! Как помогла восстановлению «первой» силы – природного дарования!

Нет слов, развивать «третью» силу часто посложнее, чем по отдельности первые две. Ведь она не так приметна, как врожденные

задатки, не так сравнительно проста и популярна, как обычные приемы воспитания.

К тому же у «третьей» силы нет таких помощников, как у первых двух. Кто только тем не помогает! Родители, учителя, воспитатели, пионерские и комсомольские организации, ученые, врачи, книги, просто люди, умудренные житейским опытом. Подскажут – что́ лучше развивать и как развивать. Объяснят – с чем и как бороться и (например, с дурными влияниями разнузданных дружков, слабостью характера). Дадут добрые советы и окажут помощь.

Конечно, все взаимосвязано. Любая сила влияет на другие две. Внешние воздействия оставляют свой заметный след на «третьей» силе.

Сны на рассвете

Приобретай в юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причиненный старостью. И, поняв, что пищей старости является мудрость, действуй в юности так, чтобы старость не осталась без пищи.

Леонардо да Винчи^[6].

Зоркость

Знаете ли вы историю близнецов из книги «Мери Поппинс» английской писательницы П. Л. Трэверс^[7]?

Это очень, очень поучительная история. Начинается она так:

«Солнце врывалось в окно, его лучи играли на побеленных стенах и танцевали над кроватками малышей (а малышам было далеко до года).

– Эй, ты, отодвинься! Ты мне прямо в глаза залез! – сказал Джон громким голосом.

– Извини! – отвечал солнечный луч. – Ничего не могу поделать. Волей-неволей я должен пройти сквозь эту комнату. Приказ есть приказ. Мой дневной маршрут – от Восхода до Заката, а ваша детская как раз по дороге! Так что уж прости. Закрой глазки – ты меня и не заметишь.

Золотой сноп солнечных лучей пересекал комнату. Он явно старался двигаться как можно быстрее, чтобы выполнить просьбу Джона.

– Какой ты нежный, какой ласковый! Я так тебя люблю, – сказала Барби, вытянув руки навстречу теплоте сияния.

– Молодчина! – одобрительно сказал солнечный луч и коснулся ее щек и волос легким, ласкающим движением. – Так ты говоришь, что я тебе нравлюсь? – спросил он, видимо, не прочь снова услышать похвалу.

– Уж-жасно! – сказала Барби, вздохнув от удовольствия.

– Опять болты-болты-болты! В жизни не слышал столько болтовни, как тут! Вечно кто-нибудь трещит в этой комнате! – прозвучал с окошка чей-то пронзительный голос.

Джон и Барби посмотрели в окно.

Там сидел Скворец, который жил на верхушке трубы...»

Сказка? А как похожа на действительность!

Не тем, конечно, будто пяти- или шестимесячные малыши в самом деле разговаривают с птицами и солнечными лучами.

А тем, что как-то окружающий мир уже воспринимают. Остро его чувствуют и познают. Какой-то, пусть доразумной, но все же «понимающей» жизнью живут.

Делали, например, так. Трехмесячного малыша усаживали в маленькое кресло и, чтобы он не упал, привязывали к креслу пеленками. Потом перед ребенком медленно раскачивали красный шарик с красивыми черно-белыми кружочками и полоской блестящих жемчужинок. И что бы вы думали? Малыш тянулся к шарiku, когда тот к нему приближался! То есть он уже понимал, что такое «близко» и что такое «далеко», он уже что-то знал о пространстве и положении предметов в них.

Понаблюдав за недостигнутыми и месяца, выяснили, что они прекрасно разбираются, когда одни предметы заменяются другими. Соображают, что такое «разное», хотя такого слова еще нет в их сознании. Как ни одного другого. Значит, и без помощи речи, слов младенец верно постигает действительность.

Как же познают без разума?

Чувствами. Или, лучше сказать, ощущениями, которые тесно связаны с нашими органами чувств: слуха, зрения, обоняния, осязания, вкуса.

Младенчество проходит скоро. Около года (чуть раньше или чуть позже) ребенок начинает произносить первые слова и вступает в пору сознательной жизни. Он начинает постигать мир не одними чувствами, но и разумом. Конечно, этот разум еще не развит и сам по себе познанию дает немного. Но, действуя не один, а с яркими чувствами детей, он резко увеличивает чувства и наслаждение, приносимое ими малышам. И тогда-то в тех последних возникает зоркость или, точнее, детская зоркость. Зоркость золотого детства.

Золотое детство... Сейчас почему-то редко применяют это выражение. А жаль! Как точно оно передает главный цвет времени, какими живет человек, когда ему от 4–5 до 11–12.

Оно золотое, потому что именно таким – чистым, радостным и благородным – выглядит для маленького человека мир. Чувства ребят в этом возрасте превосходно выразила 6-летняя ташкентская поэтесса Нина Галицкая в своем стихотворении «О солнечном зайчике».

«Зайчик, зайчик, ты куда?»
«Я скачу за облака.
Солнце я хочу поймать
И к себе домой пригнать.
А потом пушу я солнце –
Пусть-ка выпрыгнет в оконце. –
Будет на небе сиять,
Будет детям помогать».

Зоркость золотого детства помогает также давать такие определения окружающему, которые часто поражают взрослых своей выразительностью и своей точностью. Все сразу видишь: и каков предмет, и какова душа ребенка.

Я однажды видел, как у маленькой девочки Греты из глаз покатались слезы, когда она сообщила папе о внезапно заболевшем коте:

– У Рыжика мурлыкатель сломался!

«У нее доброе сердце, – подумал я тогда. – Сегодня в ней проснулась жалость. А завтра она станет взрослой девушкой, и в ней проснется сострадание к людям».

Детская зоркость – это и небывалая любознательность, и острая впечатлительность, и радостное удивление всему увиденному. А еще это невероятная память, о которой писательница Марина Цветаева сказала как-то: «Да, что знаешь в детстве – знаешь на всю жизнь...»

Не знаю более яркого, более сильного описания детской зоркости, чем в стихотворении «Детство» поэта Николая Алексеевича Заболоцкого:

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво-ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый шмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отобразен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес.
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес
И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придет. Но и жена и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.

Звóнок, очень звóнок колокольчик чувств в начале жизни.
Отголосок его порою слышится и тревожит, и подсказывает что-то, и
зовет куда-то даже в зрелом возрасте.

Удивительная история обошла газеты всех стран. Она могла бы
показаться выдумкой, если бы в ней не назывались имена живых
людей, если бы она не произошла на глазах у десятков очевидцев.

Б журнале «Нёк Лапья» был опубликован рассказ венгерской
журналистки Семеш, озаглавленным «Шандор ищет родное село». В
рассказе шла речь о судьбе шахтера из поселка Токод Шандора
Мольнара. Однажды Шандор увидел во сне почти такой же поселок,
как Токод, только с большими мазанками, а невдалеке от селения —
озеро, в котором купались мальчишки.

Сон этот был не случаен.

В годы войны в лагере для перемещенных находился русский
мальчик. Как многие другие дети, он забыл не только свой язык, но и

свое имя. Потом ребенка, получившего имя Шандор Мольнар, приютил и усыновил венгерский солдат.

Как же узнать то, чего не помнил Шандор? Рассказ журналистки взволновал многих, и вот венгерский врач Штолар предпринял необычный опыт. На нескольких сеансах гипноза он попытался помочь Мольнару восстановить забытые картины детства.

Это удалось врачу. Кое-что прояснилось. Шахтер стал вспоминать русскую речь, родные места, имена некоторых близких.

Выходило, что в детстве он жил под Луганском.

И вот Шандор Мольнар вместе с женой, доктором Штоларом и журналисткой Семеш прибыли в Луганск. Затем – в поселок Ольховка, предполагаемое место рождения Мольнара. Все жители поселка помогали ему искать свою улицу и родной дом. Вскоре он стал вспоминать места детства: дома, дороги, озеро...

Первой узнала в нем родного брата Таисия Редькина. Потом нашелся дядя. А когда в помещение, где были гости из Венгрии, вошла Елена Ивановна Поварова, Мольнар бросился к ней с криком: «Мама!...»

Взрослый ли отыскал дом детства?

Нет, его нашел ребенок, сохранившийся во взрослом. Не обладай ребенок необыкновенной памятью, взрослый не вспомнил бы.

Великое это свойство – детская зоркость!

Не одни художники и поэты сохраняют иногда его. Есть люди более практических профессий, проносящие его через всю жизнь.

В настоящем человеке детская зоркость помогает в труде, подвигах, творческих открытиях. Кто эти грезы сохранил – пусть бессознательно, – тот сохранил могучую пружину действий.

Вероятно, моему читателю интересно разобраться в ценности сокровища, которым он располагал, когда был маленьким, и которое наверняка не успел существенно растратить, став взрослым.

Мало-чувствовать: надо переживать

На животное производят впечатление только непосредственно для жизни необходимые лучи солнца, на человека – равнодушное сияние отдельных звезд.

Л. Фейербах^[8]

Впечатлительность

Свойство детской зоркости – волновать – отлично объясняет, почему малыш приобретает столько знаний, сколько ни один взрослый за тот же отрезок времени. Кто не умеет волноваться, познавая, тот не умеет познавать. Волнение – радостное или печальное – усиливает отражение событий и вещей и тем как бы приживляет его к человеку.

А что волнует?

Например, открытия неискнушенной юности. Первые картины мира, вспыхивающие перед человеком.

Как поражают, например, в ученические годы рассказы о далеких странах, о событиях глубокой древности! И как из-за этого все усвоенное прочно укладывается на полках памяти!

Не удивительно, что самые восприимчивые к знаниям – малыши. Знают они мало, и весь мир для них полон неожиданностей и чудес. Сама сказка для них не сказочней действительности. Они удивляются всему и бурно выражают свои эмоции.

Взволнованность помогает малышам все превосходно запоминать, усваивать. И все их обогащает. Не только поучения – любая жизненная мелочь. И пылкая радость открытия – куда мама прячет варенье, и громкий рев познания, что иногда за радостным открытием следует шлепок...

Какие же изменения претерпевает человеческая чувствительность с годами?

Сперва она только усиливается. Этому способствует всевозрастающий запас слов ребенка. Вот как это происходит.

Если к концу первого года жизни малыш знает не больше двух-трех десятков слов, то к концу второго года его словарный запас достигает 250–300 слов, а к концу третьего – доходит до тысячи.

Трехлетний возраст считается самым «разговорчивым возрастом» человека: за день он произносит в среднем 15 тысяч слов, а в неделю столько, сколько слов встречается в большом романе.

Из страстной любознательности малышей нельзя, правда, сделать вывод о глубине приобретенного познания. Оно – поверхностное. Тараторят малыши много, и много спрашивают, но интересуются преимущественно «верхушками». «Корешки», то есть собственно знания, вернее, основательные знания обычно им безразличны.

Все же, несмотря на поверхностность своего знакомства с миром, малыш, как говорилось, приобретает столько, как никогда потом, став большим, за такой же короткий отрезок времени.

Наслаждение от познания окружающего обычно так велико, что человек стремится испытать его вновь и вновь. Он жадно всматривается и вслушивается в окружающее. Он обретает не только первый свой житейский опыт, но и первые – сознательные или бессознательные – стремления выразить себя.

Правда, не все умеют обращать чувства не только к познанию окружающего мира, но и к выражению себя. Но природа обеспечила всех решительно возможностями делать и второе: пытливая любознательность дошкольников, их острая чувствительность и радостное удивление увиденному – первые инструменты, при помощи которых пятилетний может хоть смутно начать догадываться – с чем он родился.

С годами чувствительность слабеет. Особенно это заметно, когда, выйдя из дошкольного возраста (то есть приблизительно семилетнего), он начинает карабкаться по уступам повзросления:

от 7 до 11 лет – младший школьный возраст;

от 11 до 15 лет – подростковый (возраст отрочества);

с 15 до 18 лет – юношество.

Не страдает ли человек от притупления чувствительности, взрослея? Если «нет» – что вознаграждает его за подобную утрату?

Вознаграждает прежде всего огромность познаваемого им мира и то, что чем больше видит человек, тем ему легче увидеть еще большее.

Даже с меньшей чувствительностью он может приобретать и впредь много духовных ценностей.

Вознаграждает также постепенное развитие в человеке чувствительности другого рода, так называемой впечатлительности.

Впечатлительность – это взволнованность не столько внешняя, за счет обычных органов чувств, сколько внутренняя, глубинная. Это не просто «умение чувствовать». Это – умение переживать.

Недостаточно иметь чуткое ухо, сказал кто-то, чтобы получить глубокое впечатление от «Лунной сонаты» Бетховена. Надо чуткую душу иметь. Впечатляется – кто переживает.

Ничем подобным не располагают другие существа Земли, хотя и обладают чувствительностью тоже.

Животные испытывают удовольствие и страх, ярость и настороженность. Но они куда равнодушнее к содержанию и виду окружающих предметов. Если предмет не пища, не защита, не угроза, не что-нибудь иное столь же важное для существования животного, оно его и не заметит.

Ребята поймали в лесу ежа. Поймали, принесли домой, и началась у зверька непостижимая городская жизнь. Недели две он прятался за холодильником, ночью бегал по квартире. Носили его в школу, с недельку он пожил в другом доме.

Подчиняясь строгому родительскому приказу, ребята отвезли, наконец, его снова в лес. Там пленник был выпущен на свободу, а мальчик в заключение сострил:

– Вероятно, думает: «Здорово я от них удрал!»

А я смотрел на улепетывающего зверька и думал: «Сколько приключений перенес! А где они все? Вернется к своей ежихе и рассказать ничего не сможет».

Умей он различать хотя бы такие вещи, как дом, кровать, холодильник, поезд, ребята, он, может быть, придумал бы, как их назвать на собственном ежовом языке. Ежиха его заслушалась бы. А что он видел, кроме, как «чужие», «не лес», «пища» (молоком-то он с удовольствием питался), что-нибудь еще столь же простое? Да и то, несомненно, не так глубоко его затронуло, чтобы остаться в памяти.

Вот потому и получается, что школьник о приключениях ежа расскажет больше, чем сам еж. Хотя наверняка у ежа есть чувства,

каких нет у школьника. Человек расскажет больше потому, что видит тысячи вещей, которые для животных недостижимы.

«Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла», – говорил Энгельс.

Конечно, и человеческий глаз не подметит многого. Если бы Землю посетили обитатели планет более высокой ступени цивилизации, они могли бы, пожалуй, разглядеть у нас немало нами незамеченного.

Но люди тянутся к тому, чтобы завтра видеть больше, чем сегодня. И всякий человек чего-то добивается. Способности отдельного человека обнаруживать детали растут с образованием, с умом, до некоторого возраста и с годами.

Занятный пример приводила педагог А. П. Семенова.

Три мальчика разных возрастов посмотрели картину «Максимка» по одноименному произведению К. М. Станюковича. Потом ребят спросили, про что они видели фильм?

Пятилетний малыш ответил:

– Про Максимку, как он веревку тянул и пирожное давал, ешь, говорит, и смеется.

Ученик второго класса:

– Про то, как американец его бил, а наши советские моряки отняли Максимку, оставили на корабле и бескозырку со звездой дали.

А вот ответ старшего, девятиклассника:

– Показана судьба негров в капиталистической Америке. Произведение старое, а звучит современно. На судьбе Максимки видна жизнь угнетенных народов.

Как меняется видение мира с возрастом, можно показать и на примере одного человека. Для этой цели каждый мог бы вспомнить хотя бы, как он читал одну и ту же книгу в разные годы.

Лично мне довелось, более или менее случайно, перечитывать «Войну и мир» каждые 5–6 лет. И всякий раз я читал ее по-новому, всякий раз передо мною была совсем другая книга. Более содержательная и глубже меня захватывающая.

Сперва я погрузился с головой просто в увлекательный приключенческий роман. В другой раз любовался яркими картинами русской жизни начала прошлого столетия. Читал «Войну и мир» как

философское и историческое исследование (и потом не удивился, узнав, что Толстой изобразил ход войны с французами точнее, чем историки того времени). Читал роман и угадывал знакомых, поэтому читал его как повествование о судьбах близких и родных мне людей...

Все знают знаменитое выражение древнего философа Гераклита: «Никто дважды не вступал в одну и ту же реку». Мол, вода будет другая, значит, и река не та. А «вступал ли» кто дважды в одну и ту же книгу?!

Еще два слова об изменении цепкости впечатлений с годами.

Впечатлительность людей с возрастом растет, а вот запоминается ими обычно меньше из прочувствованного, чем малышами (детской зоркости не хватает!). Очень ли это и всегда ли это плохо?

В чем-то (и кому-то) плоховато, но не всегда. Пожалуй, иногда в этом даже больше хорошего, чем плохого. Уменьшение запоминания всего прочувствованного оберегает человека от разбросанности, а мозг его от перегрузки. Уж слишком много видит он с какого-то момента, а остро впечатляться всем увиденным ему, скорее, ни к чему. Остатки детской зоркости важны, но обращенные преимущественно «в свое дело».

Как изменяется цепкость впечатлений: скачком или постепенно? Когда это приблизительно начинается?

В народе есть такое выражение: «девичья память». Смысл – память слабая, дырявая. Не знаю, почему «девичья», – ведь и юноши склонны забывать многое. Но верно подмечено одно: заметное ослабление памяти в юношеском возрасте.

Житейский опыт говорит: такое продолжается недолго. К тому же и забывчивость не полная: что-то и тогда запоминается прекрасно. (Полезно, впрочем, об этом свойстве возрастном не забывать. Стало что-то непрочнo удерживаться в сознании – напруги волю. Занимайся вдумчивее и упорней, старайся преодолеть препятствия.)

Все же провал памяти бывает. От чего он? Не от внезапности ли больших открытий на пороге жизни? Не от рассеянности ли перед новым миром?

По-видимому, то и это роль свою играют. Малыш жил-жил и всем интересовался, обо всем расспрашивал. Но расстилалась перед ним в основном только одна часть природы: внешняя. О другой – внутренней своей природе он и не догадывался.

Но вот раздался бой Больших Часов: малыш стал любознательным подростком. Незаметно превратился в юношу, девочка, оставившая скакалку,— в задумчивую девушку.

Словно второй горизонт открылся перед человеком: горизонт внутреннего мира.

Есть от чего и растеряться: так много нового, удивительного открывается перед неискушенным, но уже впечатлительным сознанием.

Что значит «добиваться»

- *Что всего приятнее?*
- *Достигать желаемого.*

Фалес^[9].

Целеустремленность

От чего зависит духовное развитие человека?

Многое в человеке начинается со стремлений. Больших и маленьких, временных и постоянных, порожденных личными интересами и связанными со службой обществу и так далее.

Как выглядят стремления?

По-разному: от стремления хорошо сдать экзамен или завоевать чью-то дружбу до главного стремления разумного существа – найти и с честью выполнить свое жизненное назначение. Каждый мог бы применить к себе слова моряка Виллиса, переплывшего на плоту в одиночку Тихий океан. Он объяснил свой подвиг просто:

– Должен же человек хоть раз в жизни переплыть океан.

Как приходят к людям стремления?

Дошкольный возраст и возраст младшеклассников – это целый взрыв стремлений: так много их и так настоятельно они выражаются! Большинство их забывается.

В нечеткости порывов детства рождаются томления без адреса, сладкая тоска по невыразимому. Об этом можно говорить, как о появлении в сознании «смутного, неясного влечения».

Хороша ли эта неясность?

Скорее «да». Потому что так готовится почва для последующих стремлений.

Происходит накопление духовных сил. Что ж, что они противоречивы! Значит, гибки. Значит, когда-нибудь скорее приспособятся к «главным направлениям».

Мне кажется, был прав отец, обрадованный тем, что его непутевый сын-двоечник увлекся вдруг хоккеем.

– Пускай хоть на хоккее поймет, что значит «добиваться»! – воскликнул отец, сам спортом не увлекавшийся. – Может быть, и в математике пригодится.

Однажды в школу пригласили писателя. Сперва ему задавали вопросы, потом задавал вопросы он. Он спросил своих тринадцатилетних собеседников – задумывались ли они над будущим, кем станут, когда вырастут?

Ответы его озадачили. Оказалось, что большинство ребят манила профессия цирковых артистов и клоунов. Второе место заняли «путешественники», «космонавты» и «фехтовальщики». Один мальчик сказал, что станет физиком, один – профессором (правда, он не решил пока – «чего»), двое – шоферами. Девочки в большинстве заявили, что пока не выбрали профессий.

Писатель комментировал:

– Нельзя поверить в то, что это серьезно, если чуть ли не половина класса заявляет, что хочет быть циркачами и фехтовальщиками.

Но, по-моему, он ошибся.

Ответы были серьезные.

Не в том смысле, что многие и впрямь пойдут по пути Юрия Никулина, я в этом тоже сомневаюсь. А в том, что ребята поняли: надо стремиться к хорошему. Не к безделью, не к пустой или порочной жизни.

Глубокий перелом обычно наступает у школьников в старших классах: у большинства – в десятом или девятом, у некоторых – в восьмом.

Здесь собственные склонности впервые обретают «зримость». Цель жизни становится отчетливей, человек все реже фантазирует, все чаще обосновывает стремление стать механиком, врачом, учителем.

Ему наконец-то открывается, что не так уж важно, – *кем именно быть*, как важно обязательно *быть кем-то*. Потому что хуже всего на свете – стать *никем*.

Он уже догадывается, что украшает не название профессии, а то, как себя в ней проявляют. И что в тысячу раз лучше прослечь хорошим слесарем, чем бездарным физиком. И что способный электросварщик куда почетнее плохого конструктора.

Важное условие для достижения цели – сила стремления. Но иногда девушки и юноши останавливаются в нерешительности перед манящими горизонтами Большой Жизни и начинают терзать себя сомнениями.

Когда кишиневскую десятиклассницу Люду спросили, кем она хочет быть, она ответила:

– Не знаю. Стремления у меня есть, но боюсь, что не выдюжу. Мало знаю о настоящей жизни. В школе мы учим много, но все мне кажется каким-то ненастоящим. В жизни все выглядит иначе: и физика, и ботаника, и география...

Вот, оказывается, в чем дело! «Физика в жизни» – это атомные электростанции, полеты в космос, лазеры, другие чудеса техники; «физика в школе» – параграфы из учебника, знакомые приборы физического кабинета. Ботаника «там» – чудесные сады Средней Азии, тропическая растительность Кавказа, величественная тайга Сибири; ботаника «здесь» – школьные гербарии, картинки на стенах классов, уроки на дом.

Первые – такие романтические, манящие! Вторые – обыкновенные, порою даже скучные...

Но ведь и в школе обучают тем же законам, по которым строится Большая Жизнь. И не марсиане, не кудесники ее строят. Строят Большую Жизнь вчерашние школьники.

Как практически добиваются цели?

Когда Магеллан отправлялся в первое кругосветное путешествие, он знал о существовании Молуккских островов. Но к Молуккам плавали тогда лишь на восток. Он же плыл к ним на запад. Плыл, не только необычный путь свой в воображении видя. Он видел и трудности своей задачи, и средства, чтобы их преодолеть.

Образно говоря, он смотрел на далекую цель через близкую мушку. Поэтому и направление к цели видел, и хоть при трагических обстоятельствах (из 265 человек экипажа, отправившегося с Магелланом, кругосветное путешествие завершило всего лишь 18; сам Магеллан был убит на острове Матан на Филиппинах), но миссию сполна высокую исполнил.

Не судьба ли Магеллана породила подкрепленный другими схожими историями знаменитый девиз португальских и испанских

мореходов-первооткрывателей: «Жить не необходимо, плыть – необходимо»?

Возьму пример поближе: из современной жизни, пример «рядовой».

В Институте инженеров транспорта один студент вдруг воспылал неугасимой страстью ...к паровозам. Век космоса и паровоз! Какое несоответствие! Профессора уговаривали студента: «Смотри в настоящее и в будущее железнодорожного транспорта, а не в его прошлое! Не чуди!» То есть готовься к работе с тепловозами и электровозами, даже, может быть – с сооружениями на воздушной подушке, забудь о паровозах.

Ничто не помогало, студент был непреклонен.

Он верил, что есть условия, где паровоз полезен и что из него «не все еще выкачали» конструкторы и машинисты. И что же! Он достал необходимую литературу, прошел всю нужную ему практику и убедил кого-то из профессоров вести с ним индивидуальные занятия.

В конце концов он окончил институт и уехал работать туда, где сохранились дедовские паровозы и где они нужны.

Закончу главу небольшой этимологической справкой.

Любопытно, что в немецком языке, откуда заимствовано слово «цель» (от почти также звучащего «Ziel»), уже более столетия для обозначения предмета стремления употребляется не одно слово, а два: цель дальняя, окончательная («Ziel») и цель близкая, *промежуточная* («Zweck» – первоначально «мушка»).

В сущности, эта вторая – *средство*. Средство, чтобы достичь главного. Но и ее уважительно называют целью, если эта «Zweck» не совсем проста. Подчеркивают, что уметь достигать надо и ее.

Далекого добивается лишь тот, кто может прежде добиться близкого.

Как помогает людям эта простая истина!

Волшебные отражения

...Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни^[10].

В. И. Ленин

Наблюдательность

Можно смотреть на лилию, а можно и на ее отражение в озере. Увидится разное, и разное впечатление на смотрящего произведет.

Что вид предмета и отражение его не совпадают, прекрасно знали еще древние. В известном мифе о сражении Персея с Медузой – крылатым чудовищем с лицом красавицы и со змеями вместо волос – герой победил, потому что смотрел не на Медузу (ее взгляд обращал все в камень), а на ее отражение в своем щите. Оно оказалось слабее чудища.

Как выглядят наши внутренние отражения?

Зажмурь покрепче глаза, посиди немного, и странный, чем-то знакомый мир заколышется перед тобою.

Вглядишься, разве это не Волга, не тетя Нина из Ташкента, не тот самый урок истории, на котором ты вдруг заработал двойку?

Вот вид из твоего окна. Только сейчас зима, а ты почему-то видишь лето: пасмурное небо, косой дождь, мальчишки босиком шлепают по лужам.

Навряд ли будет в тех видениях отчетливость. Они, как правило, расплывчаты: то вспыхивают, то угасают, то лезут назойливо вперед, то растворяются в глубинах фона. Зажмурившись, ты не увидишь таких же явственных домов, людей, неба, деревьев, дождя, дыма из труб, как с открытыми глазами.

И все же есть почти у всех людей в их «мировидении» общая черта: прямые отражения природы отдельными людьми похожи на

отражаемое, а тем – между собою. Смотря на окружающее, люди видят приблизительно одно и то же.

Один художник рисовал портрет знаменитого ученого Рентгена: изображения, с которого можно было бы срисовать открывателя лучей, у художника не было, а предстоял какой-то юбилей, и художник торопился. И что же?! Мастер справился с задачей! Он срисовал Рентгена по памяти, как видел его внутренне. Позднее проверили – все совершенно точно: борода, богатая шевелюра, общее сходство черт. Похоже на Рентгена, на все его хорошие портреты.

Примерно то же, что о зрительных отражениях, можно сказать об отражениях слуховых, обонятельных, вкусовых, осязательных. И все незрительные образы природы, с одной стороны, неотчетливы, с другой – похожи на действительность.

Как часто внутри нас, когда мы в хорошем настроении, неслышимо для других, но очень слышно для нас самих оркестр играет «летку-енку» или другой зажигательный мотив.

Достаточно напрячь немного воображение, и можно почувствовать, как пахнут мамины любимые духи, или море возле Гагры, или тайга у Томска, или свежий ржаной хлеб.

Нетрудно вызвать в памяти и вкусы: молока, лимона, ореховой халвы, горчицы, клюквенного морса. Разве, просто перечитывая эти слова, человек не испытывает смутно, как его язык будто касается кончиком то одного, то другого названного?

Даже «потрогать» в мире воображения можно! Уж так ли разве трудно вспомнить, как крепка чугунная батарея, мягка подушка, горяч кипящий чайник?

От чего зависят все эти – столь разнородные – живые отражения?

От *наблюдательности* людей, отчасти данной им природой, а отчасти воспитанной каждым человеком.

Наблюдательность – это ви́дение (и слышание, и всякое иное чувство) деталей. По определению ученых, наблюдательность заключается в умении подмечать характерные, но малозаметные особенности предметов и явлений.

Чем наблюдательнее человек, тем ярче и богаче картины его внутреннего мира. Чем больше отражений окружающего вмещает отдельный индивид, тем, значит, он наблюдательней.

Но разве не отражают и животные?

Отражают. Только не то, а главное – не так, как человек. Мир их отражений имеет мало общего с обычными человеческими отражениями.

...В номере гостиницы остановился приезжий. Вот он осматривает комнату, что же видит? Большую пышную кровать, два кресла, коврик под ногами, письменный стол, тумбу, шкаф, будильник, репродуктор, горшок с цветами, отопительную батарею, дурную копию с «Медведей» Шишкина.

Теперь допустим, с приезжим оказалась вдруг собака. За породу и за хороший нрав ей разрешили поселиться со своим хозяином. Что увидит собака?

Она не заметит ни будильника, хотя он тикает, ни картины на стене, ни стола, ни шкафа, ни репродуктора, ни горшка с цветами. Собака «согласится» с человеком только в том, что в комнате есть кровать, коврик перед нею, кресла, батарея парового отопления.

Однако, сверх того, в собачий внутренний мир войдет еще то, чего наверняка нет у хозяина. Возможно, она обнаружит невидимую щель в стене, сквозь которую проникает запах сарделек из расположенного этажом ниже буфета. Возможно, заметит небольшое отверстие в углу под потолком: отверстие ведет в вытяжную трубу. и по ночам через нее в собачьи ноздри проникает запах разгуливающих по крыше котов.

Получится картина, весьма отличная от человеческой. Вид комнаты, изображенной псом, если бы он научился рисовать, не походил бы на рисунок, сделанный хозяином.

Но человек видит по сравнению с животными не только иное. Он видит все иначе.

Главное не в содержании человеческих картин, а в качественных их особенностях.

Человек в отличие от животных обладает даром сохранять отражения природы в себе, носить их в своем сознании. Причем он носит отражения природы не как мертвые слепки или фотографии, он носит их живыми и движущимися.

«Отражение» природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», – говорил В. И. Ленин^[11].

Человек как бы оживляет свои образы. Отрываясь от того, что их породило, они словно обретают самостоятельную жизнь в мыслях, чувствах, стремлениях и переживаниях человека. Они звучат в нем и

благоухают, движутся и сталкиваются, волнуют своего владельца и побуждают его к действиям.

Такие чисто человеческие отражения называются репликациями.

Буквально это слово значит: копирование, реплика, ответ. Поскольку «отвечают» только люди (в буквальном смысле: словами), то в слове чувствуется намек на отражение разумное – в отличие от всех иных; например, от сразу исчезающих зеркальных или от недолговечных отражений; свойственных животным.

Репликации наполняют внутренний мир людей, как материальные тела – их внешний мир. Репликации – это как бы отражения отражений, живые производные души. Поэтому их мир богаче, чем просто мир накопленных человеком знаний. Ведь репликации не только знаниями рождаются; их порождает и подсознание.

Репликации – могучий инструмент познания природы. Без них нельзя утолить человеческую любознательность.

Превращение невидимого

Человек стремится к знанию, и, как только в нем угасает жажда знания, он перестает быть человеком.

Ф. Нансен^[12]

Любознательность

Как к человеку приходят знания?

Достаточно ли что-то хорошо понять, а потом запомнить, чтобы считаться овладевшим ими?

А может, главное – запомнить больше? Правы ли считающие, что первенство за всезнайками? Мол, кто больше нахватал и может обо всем говорить часами, тот и на самом деле знающий?

Нет, для настоящих, глубоких знаний этого недостаточно.

«Если ученика будут накачивать знаниями, как пузырь воздухом, – говорил академик И. К. Кикоин, – то пользы не будет».

Пассивно приобретенные знания – хотя бы уйма их – еще не настоящие знания.

Только любовь к знаниям оживляет отражения природы (может быть – через учебники), превращает их в репликации. Только истинная любознательность наделяет человека дивным даром:

не просто отражать, но и усваивать все, делать частью своего внутреннего мира и отчетливые предметы (вещи), и предметы, не имеющие физической наглядности (свойства, понятия, суждения);

долго хранить репликации;

творчески преобразовывать репликации: видоизменять их, сливать одни с другими, вызывать к жизни не существовавшие прежде образы и сочетания.

Способность человека познавать и преобразовывать природу основана как раз на способности широко распоряжаться репликациями.

Поговорим о каждой из трех особенностей человека отражать реальность.

Что значит: отражать и усваивать все?

Как член своего биологического вида, человек, естественно, наделен определенными отражательными возможностями и ограничениями.

Возможности не малы: их создают довольно развитые органы чувств. Но и ограничения существенны: человек не чувствует большую часть того, что проникает в его тело отовсюду. Не чувствует миллионов запахов, прекрасно различающихся животными, не слышит ультразвуков, при помощи которых «разговаривают» дельфины, не видит ультрафиолетовых красок природы, какие видят пчелы, и много другого.

Благодатные «барьеры чувств» – понятно, каждый раз особые – природа установила и перед слоном, и перед орлом, и перед любой букашкой.

И только человек наделен возможностью выбраться за свой барьер.

Разум и его технические творения, например тонкие физические приборы, позволяют человеку видеть для него невидимое, слышать биологически неслышимое.

Если человек захочет, он может посмотреть на мир глазами паука, верблюда, существа размером в электрон и сверхгиганта, для которого и звезды – песчинки.

Мировидение человека – это скорей «всевидение», во всяком случае – движение к нему. Во внутреннем мире людей прекрасно уживаются «переведенные» на доступный ему язык (рисунками, схемами, объяснениями преподавателей, сравнениями, формулами, преобразованиями в приборах, десятками других средств) ультразвуковые голоса дельфинов и летучих мышей, радиоволны и инфракрасные лучи, картины недр Земли и обратной стороны ее естественного спутника, эпизоды из жизни Спартака и полет на дирижабле к Северному полюсу Умберто Нобиле.

Неясно во внутренний мир одного порой проникает даже толчок невыраженной мысли другого человека. Многие ощущают присутствие людей, остающихся невидимыми, чувствуют взгляд в спину. Говорят даже о чтении чужих мыслей, и хотя это сильно

преувеличено, но что-то похожее между очень близкими людьми бывает.

Вторая особенность человеческих репликаций – их долговечность – тесно связана с первой.

Практически человек носит в себе репликации всю жизнь. Даже когда они хранятся где-то глубоко и кажется, о них забыли. Но что о них не забывают никогда, показывает тот факт, что временами – бодрствуя или во сне – люди их вспоминают. Чаще всего это происходит, по-видимому, со стариками, что объяснить несложно: мозг молодых больше занят грезами.

«Старцам снятся сны, а юным видятся виденья», – говорится в очень древней книге.

По долговечности своих отражений природы человек тоже резко отличается от других земных существ.

Даже собственные детеныши непрочно запечатлеваются в темном полусознании животного. Когда же они расстаются с матерью, та быстро перестает тосковать о них.

Мать способна забыть их и до того, как они вырастут. Если же схитрить, то провести нетрудно даже такое умное животное, как собака.

Ничего не стоит, например, положить ей взамен собственных щенят других. Не обязательно даже собачек. Можно тигрят, львят, волчат, шакалят. Лишь бы они были «надушены», как ее детеныши, пахли, как ее щенята.

«Для самки, по крайней мере млекопитающих, – писал директор Варшавского зоопарка Ян Жабинский, – собственным ребенком является тот, кто обладает соответствующим запахом. Полосатая ли на нем шерсть или одноцветная, выдвижные ли у него когти или нет, напоминает ли его писк лай или кошачье мяуканье – все это играет второстепенную роль в распознавании потомства. Запах же, как известно, легко можно переносить...

Переведя сказанное в сферу человеческих отношений, собака или кошка должны были бы рассуждать так: «Переодеты дети, и иного цвета рубашечки, ну, и голос у детей немного изменился... Мои ли это? Но ведь пахнут одинаково! Надо им дать поесть, а то уж больно кричат. Полюбуйтесь, сосут по-прежнему. Ясно, что это мои дети. Совершенно зря беспокоилась»^[13].

А вот как отражает своим сознанием и чувствами человек. Он смотрит на что-то, и вместе с парой его глаз на предмет смотрит и его память со всем, что в ней находится. Происходит незримая для самого человека работа мысли. Мысль сравнивает новую репликацию со старыми, перебирая их одну за другой и каждый раз прикидывая: «А вот с этим не получится ли чего-нибудь путного? А если взять вот эту новую комбинацию и повернуть ее такой-то стороной?..»

Благодаря невероятной живучести отражений в сознании человека образуется своего рода волшебный фон, на котором любой пустяк увеличивает свою значительность.

Так увеличивает вероятность выиграть любой номерок лото для того, у кого много карт на руках.

В этой игре приближает выигрыш и большее число карт, и больше выкликов.

То же наблюдается и в жизни: чем больше «выкликов» (различных внешних возбудителей, интересных фактов), а главное – больше «карт» (способностей, знаний, труда, воли), тем ищущий скорее находит то, что ищет.

...Однажды русский химик К. Фальберг сел обедать с нематыми руками и вдруг почувствовал, что все блюда имеют сладковатый привкус. Он тщательно проанализировал тот сосуд, куда выливал остатки после опытов, и открыл сахарин, вещество в 500 раз слаще сахара.

Английский инженер Самюэль Броун прилег в знойный летний день под деревом, над ним оказалась паутина. Он впился в нее глазами и убедился, что перед ним та самая схема моста, которую он тщетно искал длительное время. Инженер срисовал паучье сооружение и построил мост.

Конечно, здесь и устремленность знаний играет свою роль, иначе говоря, тот факт, что в голове одного кишмя кишели «химические репликации», а в голове другого – «строительные репликации» (открыл ли бы новое вещество для ничтожного умственного толчка не химик? Создал бы схему моста по подсказке природы не инженер? Едва ли.). Но накопил бы свои знания специалист, если б эти знания не были так живучи?

Любой пример хорошей выдумки – пример долговечности репликаций. Не в меньшей степени он иллюстрирует и третье свойство

человеческих отражений: свойство одних отражений преобразовываться в другие.

Что можно сказать о третьем свойстве?

То, например, что им пользуются не одни ученые и конструкторы.

Собственно, нет человека, который не превращал бы одни свои образы в другие каждодневно, в самых будничных обстоятельствах. При этом не только зрительные – в зрительные же (скажем, при виде домика Петра Великого в Липецке человек вспоминает портрет знаменитого царя по картинам классиков). Любой образ одного рода может запросто превратиться в любой образ совсем другого рода.

Особенно наглядный пример повседневного, будничного преобразования репликаций – это чтение.

Читая что-нибудь, особенно читая с восторгом, увлеченно, человек погружается в мир удивительных видений. Материально перед ним как был, так и остается томик – весомый и объемный и отчасти раскрашенный предмет. Но в то же время он исчезает, читатель не видит его больше.

Читатель видит бурный океан и рыбаков на утлом суденышке, терпящем бедствие. Может быть, он даже сам воюет с ордами Чингисхана, хлынувшими на родную землю. Или, напротив, вдыхает аромат весны и слышит шум листвы подмосковной березовой рощи.

В самый далекий край, в самую невероятную обстановку способна книга перенести человека: в Африку и на Марс, в глубь молекул и на дно океана.

Один понял закон природы так отчетливо, как если бы стоял с молекулами рядом и срисовывал карандашом с натуры их сцепки и расцепки.

Другой словно пожил немного рядом с героями «Капитанской дочки». Даже вымышленные Гринев и Швабрин и семья Мироновых отныне для него вроде личных знакомых.

Не обладай человек даром преобразовывать свои репликации, он не смог бы ничего познать, ничего усовершенствовать.

Может быть, он что-нибудь и строил бы. Но так, как строят пчелы и бобры: лишь повинаясь голосу инстинктов.

Приобретая знания и творчески преобразуя их, человек затем использует их на практике, утверждает свое господство над природой.

Тем подтверждается правота трех аксиом средневекового алхимика-ученого Остан-Мага:

Природа любит себя на природу.

Природа властвует над природой.

Природа торжествует над природой.

Кузница идей

*В нас самих, говорю я, скрыт тот
таинственный делатель чудес:*

*В нас, а не в Тартаре он живет; не небесные
звезды,—*

*Дух, обитающий в нас, сильный, он чудо
творит.*

Агриппа Неттесгеймский^[14].

Ум

Удивительный мир окружал писателя Ивана Александровича Гончарова, когда он работал.

«Лица не дают покоя,— признавался он,— пристают, позируют в сценах, я слышу отрывки их разговоров, и мне часто казалось, прости господи, что я это не выдумываю, а что все это носится в воздухе около меня и мне надо только смотреть и вдумываться».

Алексей Николаевич Толстой высказывался в том же духе. Он был убежден, что писатель должен до галлюцинации видеть то, что пишет. Он говорил, что обладает сам такой способностью, и сообщал о своих героях: «Я физически видел их».

Интересно, как реагировал на свои образы знаменитый сказочник Гофман. Он настолько ярко представлял своих героев, что его охватывал страх, и он просил в такие минуты свою жену быть рядом.

Гёте мог мысленно видеть перед собой расцветающие одну за другой розы (причем для него они пахли, все были как натуральные). А музыкальные образы у Бетховена иногда так обрушивались на композитора, что тот вынужден был обливать себя холодной водой.

Иногда творческие люди видят не галлюцинации, а просто сны, но сны с глубоким содержанием, с находками важных решений.

Вот несколько примеров.

Известный итальянский композитор XVIII века Джузеппе Тартини во сне услышал мелодию, которая поразила его красотой.

Когда он проснулся, он стал ее вспоминать. Потом записал и назвал сонатой «Трель дьявола».

Французский математик Анри Пуанкаре во сне увидел вывод – интегрирование – сложного уравнения. В своих записках он так вспоминал об этом:

«После нескольких неудачных попыток проинтегрировать уравнение, я... лег спать пораньше. Под утро я увидел во сне, что читаю лекцию студентам по тому же вопросу, который я тщетно пытался решить вечером, и что я на доске интегрирую соответствующее уравнение. Проснувшись, я осознал, что видел сон, но, припомнив его содержание, зажег свет и записал тот вывод, к которому пришел бессознательно во сне».

Вероятно, многие – не одни писатели и ученые, – подумав, вспомнят что-нибудь свое, похожее.

Читая о подобном, иной вообразит, пожалуй, что есть люди, которым попросту везет. Какая благодать: не делаешь ничего, а творческие образы сами просятся на бумагу!

Конечно, это не так. Все новые идеи создаются в голове, с помощью упорного труда.

Что может представиться случайным натиском идей и мыслей не столь уж и случайно. Когда над чем-то много думаешь, чего-то напряженно ищешь, мир, теснящийся внутри, словно сам стремится сложиться во что-то новое.

Недаром многие мыслители подчеркивали роль тренировки ума – источника любых открытий, в том числе художественных, – в его развитии.

«Старайся дать уму как можно больше пищи», – говорил Л. Н. Толстой. А знаменитый итальянский художник и ученый Леонардо да Винчи объяснял: «Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя применения, чахнет».

И все же те – наивные – не совсем неправы.

Ум человека работает не по одному приказу. Как верный, все понимающий слуга, он часто (очень деликатно) дает толковые советы своему хозяину и не ожидая его вопросов.

Даже не гении могут убедиться, что картины их внутреннего мира почти всегда «умны».

Ничего подобного обычно не замечают в картинах окружающей природы. О ландшафте говорят: «Как он красив» или, напротив: «Как уныл, безрадостен». Но не поэту просто невозможно выразиться: «Какие понимающие деревья», «Какая бестолковая река».

Только о творениях людей – о фабриках и плотинах, о домах и стадионах – говорят порою: «Здесь виден ум!» Так это ведь не об уме природы говорят. А об уме строителей и проектантов, об «уме» их репликаций, творческих находок.

Люди практических профессий постоянно заглядывают в себя, как бы советуясь со своим умом, со своими репликациями – как разрешить ту или иную задачу. Врач, осматривая больного, ищет мысленно разумные объяснения болезни. Слесарь, ремонтируя станок, рисует в воображении, как должны быть пригнаны детали.

Так поступают люди и любой другой профессии, включая творческие. Даже произведения искусств, литературы строятся *по законам*, то есть покоятся *на умном* основании. Известный композитор Игорь Стравинский правильно сказал однажды, что «искусство требует от художника прежде всего полноты сознания» (то есть разума). В таком же духе выразился и французский художник Пабло Пикассо: «Для меня творчество начинается с размышлений».

Почему же внешний мир мы вначале преимущественно *ощущаем*, а внутренний, как кажется, сперва *осознаем*?

Почему картины окружающего проникают в нас по каналам чувств (даже формулу мы должны прежде увидеть, чтобы потом понять), а когда мы хотим что-то сделать (неважно что: сыграть ли на скрипке, или выточить деталь), мы должны сперва собраться с мыслями, направить замысел по каналам чувств.

Вероятно, добрая Мать Природа просто старается этим облегчить взаимопонимание и взаимосвязь между обоими мирами человека: внутренним и внешним.

Когда мы смотрим в себя, то обнаруживаем там много от *окружающего*. Но это окружающее, отраженное сознанием: оно невидимо и неосознано. Желая же что-нибудь сотворить – «вывести часть своего внутреннего наружу», сначала надо *осознать*, как это сделать, пустив в ход разум. «Выводя наружу» свою выдумку (в виде мелодии, изобретения, проекта), мы тем самым «вводим» в

окружающее свой ум, свое сознание. Это как бы роднит нас с внешним при помощи нашего ума.

Когда же мы обращаем взор во внешнее, то невольно обнаруживаем там и *себя*. Ведь буквально все вокруг рисуется моими глазами. Группа экскурсантов, любующихся горами, увидит не только их. Родившийся на Кавказе может вспомнить детство, загрустить. Художник оценит природные краски и мысленно встанет за мольбертом. Альпинист прикинет трудности подъема, а влюбленный пожалеет, что рядом нет любимой. Каждый увидит *то же*, что другие, но одновременно и что-то свое личное.

Такое неповторимое личное видение как бы роднит нас с окружающим при помощи наших чувств: создает тот интерес и ту симпатию к увиденному, без которых невозможно настоящее познание.

Какое это благо для каждого из нас – «ум» наших репликаций. Ведь так природа как бы удлиняет сроки нашей жизни: с умом мы больше думаем, а чем больше думаем, тем богаче живем.

Хорошо кто-то сказал: можно быть моложе по годам, но старше по часам, если не терять их попусту. Только такое «постарение» обычно совсем не страшно, приносит с собою не горечь, а нравственное удовлетворение. Особенно когда человек душою остается юн и богатство своих часов использует для творческих находок.

В конце главы давайте чуточку помечтаем.

Не создадут ли когда-нибудь такой прибор или такую пилюлю, чтобы человек с их помощью, не теряя ясного сознания и не в ущерб здоровью, смог бы вызывать любые сны? Как много в творческом отношении дало бы сочетание всех преимуществ чародейской власти над внутренними образами с трезвым разумом.

Человек, сохранивший способность рассуждать во сне, смог бы, надо думать, продолжать во сне без всякого утомления умственную деятельность дня.

Образно мою идею можно было бы назвать «кузницей снов».

Почему «кузницей»?

Очень просто. Кузнец размягчает нагревом сталь, чтобы выковать из нее деталь нужной формы. А сон размягчает действительность.

Во сне утрачиваются законы физики. Любое рождается из ничего (в материальном смысле) и столь же просто исчезает полностью. Все связи расслабляются во сне, предметы и события парят вне времени и пространства.

А вдруг да и научатся такими связями в какой-то мере управлять? Как научились той же «гипнопедии» – обучению языкам во сне: тоже «умному» занятию, а в бессознательности!

Не буду спорить с теми, кто назовет это чепухой. Может быть.

Но подумай, дорогой мой скептик, как было бы интересно разбудить во сне природный «ум» репликаций!^[15]

Великая симметрия

...Едва есть ли высшее из наслаждений, как наслаждение творить.

Н. В. Гоголь

Жажда творчества

Мы разобрали, как воображение влияет на ум, а ум – на воображение и творчество. Теперь – подробнее о том, чем эти влияния вызываются (и разливаются). Короче – о прекраснейшей жажде творчества.

Однажды известного советского химика-органика Ивана Людвиговича Кнунянца спросили: способно ли искусство повлиять на развитие научной мысли? Академик ответил:

– Конечно. Потому что природа одаренности в науке и искусстве схожи. Искусство дает нам образцы шедевров, образцы гармонии и совершенства. И я часто сравниваю свои замыслы, и те, которые были осуществлены, и те, которые не осуществлялись, по красоте с той красотой, которую дают произведения искусства. И так оценивают свою работу многие ученые. Для одних таким образом может быть музыка, для других – поэзия, для меня идеалом служат произведения живописи и скульптуры. Искусство меня вдохновляет, дает толчок творческой мысли.

Любопытно, что ту же мысль о сходстве природы одаренности в науке и искусстве высказывает и большинство художников: поэтов, музыкантов, скульпторов и т. д. Только они подчеркивают обратное: благотворное влияние на художественное творчество научных знаний, мысли, логики, словесных споров и рассуждений.

Почему жажда творчества ученого распаляется искусством (и вообще всем способным пробудить поэтическое вдохновение, например любованием природой, рассказом о чьем-то подвиге), а жажда творчества художника – умом и рассуждениями? То есть почему

вдохновение ученого, вызванное наукой, разжигается силой красоты, а вдохновение художника, зажженное красотой,— наукой, мыслью?

Это связано с особенностями человеческого мозга. В каждом из нас живут как бы два человека: мыслитель и художник. Один преобладает. Но другой никуда не исчезает, он активно помогает первому. Великая симметрия отличает творческую активность.

На двух примерах замечательных людей попробую показать, как в чем-то разное, а в чем-то и похоже развивается творческое вдохновение ученого и поэта.

«Разгадчик тайн»

— А дракон-то как сюда попал? — спросила шепотом соседа женщина, усаживаясь в кресло кабины самолета и указывая глазами на человека в маске.

— Да он вовсе не «дракон»,— так же шепотом ответил сосед. — Это, кажется, ученый. Говорят, крупный ученый из Москвы.

Сосед не ошибся. Это действительно был крупный ученый: академик Игорь Евгеньевич Тамм, возвращавшийся домой из Тибета. В стране лам он приобрел ритуальную маску и, не зная, как ее лучше сохранить, чтобы не сломать во время полета, надел ее. Так и летел.

Юношеский задор отличал этого удивительного человека, одного из величайших физиков двадцатого столетия. Физик В. Я. Френкель, с отцом которого Тамм дружил, как-то писал: «Я помню, как они на спор с отцом боролись на ковре гостиной, как соревновались, кто быстрее, прыгая на одной ноге, доскачет до площадки второго этажа».

Игорь Евгеньевич родился 8 июля 1895 года во Владивостоке, детство и юность провел на Украине.

В начале первой мировой войны Тамм поступил на физико-математический факультет Московского университета. Он — активный участник революционного движения в России, а после Октября — делегат Первого съезда Советов в Петрограде.

В 1918 году Тамм закончил университет. Работал некоторое время в Симферополе, Одессе. Затем возвратился в Москву и преподавал физику в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. В

1930 году он стал профессором и возглавил в МГУ кафедру теоретической физики. Именно здесь был написан ставший классическим труд «Основы теории электричества».

Что же сделал для науки Игорь Евгеньевич?

Он работал преимущественно в самых сложных, самых тонких областях физики: теория относительности, квантовая теория, теория ядерных сил и элементарных частиц. Его заслуги были признаны не только в родной стране, но и во всем мире. Он дважды удостоивался Государственной премии, а в 1958 году Шведская академия наук присудила ему Нобелевскую премию.

У Тамма была удивительная способность «разгадывать» физические загадки. Как-то студенты физфака МГУ увидели в вестибюле факультета объявление, извещающее о лекции академика Тамма. Тема – американская атомная бомба.

Сегодня схема атомного оружия известна любому старшекласснику. Но тогда – в ноябре 1945 года – она была не известна никому, кроме ее создателей. Даже видные ученые, узнав о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, высказывали предположение, что это – не атомная бомба, а просто оружие с новой, более мощной взрывчаткой.

И вот Тамм читает лекцию. Первую публичную лекцию о том, как устроена атомная бомба. Потом выясняется: все так и было.

Он очень любил поэзию, музыку, изобразительное искусство. Но как многие глубоко чувствующие люди, черпал вдохновение и в природе, там, где поэзия живет без вмешательства художника. Его страстью был альпинизм. Он побывал во всех высокогорных районах СССР, в горах Шотландии и Тибета. Заразил своей страстью многих друзей, в том числе знаменитого английского физика Поля Дирака, с которым путешествовал по Шотландии и Кавказу. Характерно собственное признание Игоря Евгеньевича: «Горы в моей жизни играли большую эмоциональную роль. Нетронутая природа приносит ни с чем не сравнимое духовное умиротворение».

Никогда не забуду, с каким увлечением и знанием всех подробностей Игорь Евгеньевич рассказывал мне (в начале 1957 года) одну легенду о кладе, якобы оставленном триста или четыреста лет назад на Памире. Под конец рассказа Тамм извлек из шкафа два дореволюционных издания.

– Вот почитайте-ка! – сказал он. – Здесь подробности. Не утверждаю, что клад и поныне там, но до пещеры добраться попытаюсь. Кто знает, что там есть!

И вскоре в той пещере побывал. Кажется, ничего легендарного не обнаружил. И все же что-то новое сообщил географам. Одному пику в горах Алтая было присвоено имя академика И. Е. Тамма.

...12 апреля 1971 года Игоря Евгеньевича не стало. Болезнь была мучительной и долгой, но он трудился и в постели. В обычные часы принимал друзей и учеников, терпеливо ожидавших очереди в коридоре. В промежутках между приемами включал музыку или погружался в чтение книг о горах, любил повторять слова популярной песни: «Лучше гор могут быть только горы».

«Мир должен быть прекрасным»

Ученый Тамм находил свое вдохновение не в одной науке: ему помогали любовь к природе, музыке, искусству. Поэт и сказочник Вильгельм Гауф обращался не к одной фантазии: во всех его произведениях ощущается прекрасное знание жизни разных народов (этнографии), а также истории и научного литературоведения.

...Глаза у девочек горят. Они сидят на маленьких стульях и с упоением слушают брата, чуть постарше. Тот торжествующе заканчивает:

– Наконец, Ганс вернулся домой и разложил на столе сокровища, вынесенные из пещеры разбойников. Родители, однако, и не смотрели на сокровища. Они плакали от радости, обнимали сына и без конца расспрашивали о доброй фее, подарившей ему туфли-скороходы, чтобы помочь бежать.

...С детских лет жил в необычном, сказочном мире Вильгельм Гауф, знаменитый немецкий писатель начала XIX века. Жил, увлекая в этот мир и своих очарованных слушателей. За яркий, удивительный талант рассказчика друзья называли его любимцем богов. Казалось, у него все было для счастья. Увы, он умер, не дожив нескольких дней до двадцати пяти. Ушел из жизни, едва в нее вступив, оставив людям изумительные книги...

Вильгельм Гауф родился 29 ноября 1802 года в Штутгарте в семье чиновника. Отрочество пришло к Вильгельму с острым увлечением книгами. Он глотал запоем романы про рыцарей и разбойников, произведения Шиллера и Гёте, Вальтера Скотта и Вольтера. Читал, не отрываясь, сказки: шотландские и французские, братьев Гримм и другие. Пожалуй, больше всего волновали Гауфа волшебные сказки «Тысяча и одной ночи».

Когда Вильгельм подрос, он поступил в Тюбингенский университет. Окончив его в 1824 году, он стал сначала гувернером в одной семье. Но само по себе учительство его не увлекало, и Гауф все больше погружался в литературное творчество.

Сочинять сказки он начал еще в период гувернерства. Сперва, как и в ранней юности, Гауф лишь рассказывал. Потом записывал свои импровизации. Пестрые сказочные картины связывал с живой природой и с общественной жизнью людей. Мораль всех сказок: «Торжествует доброе». *«Мир должен быть прекрасным».*

Сейчас сказки Гауфа – любимейшее чтение детворы самых разных стран. В них много от действительности, от жизни. Любопытно, но получилось так, что каждый том имеет сказки с ярко выраженной ошутимостью. Один том наполнен больше *живописью*, другой – ш, третий – *музыкой*.

Вот первый том – «Караван». Весь ход изложения соответствует названию. Идет караван, и по мере неторопливого его шествия сказка следует за сказкой. Читатель сразу попадает под обаяние живописного восточного колорита: «Прекрасные кони, разряженные всадники; бесчисленные шатры в песках пустыни; птицы и рыбы в бурных морях; тихие леса и многолюдные площади и улицы; битвы и мирные кочевья»... Можно подумать, что Гауф прекрасно знал Восток, пользовался личными впечатлениями. В действительности он никогда там не был. И жаркое слепящее солнце тех стран, и прохладные мечети, и красивые сады с фонтанами, и мудрые визири в чалмах с остроконечным верхом – все это отчасти заимствовано писателем из «Тысяча и одной ночи», отчасти рождено причудливой фантазией.

Второй сборник сказок «Александрийский шейх и его невольники» лишь по названию тоже восточный. В действительности восточная рамка здесь окаймляет в основном немецкие сюжеты.

«Карлик Нос»... Не знаю, есть ли на земле человек, который не читал бы этой сказки. Герой – немецкий мальчик Якоб, сын сапожника и скромной торговки овощами и плодами. Похищенный злой старухой-волшебницей и превращенный ею в уродца карлика, он много пережил.

Эта сказка вся пронизана запахами. Сначала – запахи ранних груш и абрикосов, душистых трав и кочанов капусты, которые мать Якоба, аккуратная Ганна, продавала на рынке. Потом – восхитительные запахи кухни на фоне блестящей сказки:

– «...Сейчас сварю тебе такого супцу, что ты его всю жизнь помнить будешь. – Так она сказала и снова свистнула. Сначала прибежало много морских свинок, одетых по-человечьи; ...за ними прибежала вприпрыжку толпа белок; ходили они на задних лапках, на них были широкие шаровары, а на голове зеленые бархатные шапочки. Это, верно, были поварята... Теперь огонь затрещал веселей, сковородка задымилась и зашипела, по комнате распространился вкусный запах. Старуха бегала взад и вперед, белки и морские свинки вслед за ней, и каждый раз, когда она проходила мимо очага, она совала свой длинный нос в котелок. Наконец все закипело и заклокотало, от котелка повалил пар, и пена брызнула на огонь. Тогда она сняла котелок, вылила содержимое в серебряную миску и поставила ее перед Якобом».

Третий том «Харчевня в Шпессарте» содержит одно из лучших произведений Вильгельма Гауфа – сказку «Холодное сердце». Эта сказка не только событиями волнует. Но и своей музыкальностью. Она не просто сказка, она – симфония.

Все начинается со светлой, нежной, чуть насмешливой мелодии, напоминающей немецкие народные песни: автор описывает свою родину, лесистую Швабию и жителей Шварцвальда. Затем чуть элегическое повествование о бедном угольщике Петере Мунке. Потом грозные мотивы: Петер Мунк встречается со злом, с Голландцем-Михелем, и читатель слышит явственно сопутствующие звуки: громовой бас лесного духа, гулкий топот его ног, его проклятья и ругательства. Гроза сменяется чистым, звонким, хрустальным перебором: герой встречается с добрым Стеклянным Человечком. В дальнейшем грозные и нежные звуки перекликаются – идет борьба

добра со злом за сердце Петера. Мягкий, умиротворяющий финал: добро все же победило...

...Вернувшись из своих странствий по Европе, Гауф женился на девушке, которую любил. Но счастье их было недолговечным. Внезапно он заболел тяжелой болезнью. А 18 ноября 1827 года поэта-сказочника не стало...

Похороны Гауфа показали, как его любила молодежь. В последний путь провожала толпа юных почитателей. Над могилой говорили речи известные писатели Людвиг Уланд, Густав Шваб и другие.

Уланд оплакал Гауфа в выразительном стихотворении, назвав его «прекрасной весной, у которой не было осени».

Как смог человек, проживший так немного, так много после себя оставить?

Удивительного в этом нет: счастливым, рано познавшим себя, все свое дается плодотворно. Их будоражит собственный талант и вечно манят вперед радости свершений. При всех своих печальных судьбах, они – счастливейшие!..

Прекрасен мир для тех, кто живет неуемной жаждой творчества!

Легко работается и много радостен побед у тех, кто окружен воздухом своих грез. И кто не забыл поисков своего детства.

«Познай самого себя»

Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей.

Н. Г. Чернышевский^[16]

Умение видеть себя

У человека два видения существующего. И оба разные.

Мировидение учит его одному, а самовидение – другому.

Нет в природе явления, не способного человека хоть чему-нибудь научить. И всегда, учась, он приобретает полезное. Его обогащает познание внешнего мира, обогащает и познание мира собственного.

Не только в том простейшем смысле обогащает, что помогает найти призвание. Мы видели, что природными склонностями к тому или иному делу не ограничивается то, что нас наполняет. Огромный край непечатых духовных и нравственных ценностей есть в каждом. Даже у человека, уже много в себе открывшего. Искать и находить в себе все время – порою непредвиденное – не менее важно, чем найти призвание.

Поняли это давно. «Познай самого себя» – было написано две с половиной тысячи лет назад над входом в храм Аполлона в Дельфах (был такой город в Древней Греции). Сколько воды утекло с тех пор, а люди и поныне повторяют тот совет, следуют ему, как могут.

Оно не удивительно: в нем много мудрости. Размышляя над ним, Гёте сделал вывод как познать себя: надо не просто смотреть в себя, но и работать над собою. Отрицая, как мы помним, возможность узнать себя без знания мира, он приводил еще одно условие самопознания: пытаться исполнить свой долг. Мы приводили в предыдущих главах примеры подобной деятельности.

Дельфийский совет указывает на важность самопознания. Вряд ли можно оспорить мнение Гёте о том, *как* этого добиться.

Посвятим же настоящую главу не тому, как познать себя, а что именно каждый человек может найти в себе, самопознавая.

Найти он может личность (она есть и у тех, кто не создал еще себе Настоящего Капитана). А что такое «личность»?

Непременная черта всякой личности – своеобразие. Заглядывая в себя, человек обязательно познает нечто такое, чего никто другой, кроме него, не имел и не имеет.

Откуда эта особенность?

Причины внешние в том, что никто не получает в точности такого же воспитания, как кто-нибудь другой. Для одинакового воспитания надо прочитать – причем с равным вниманием и пониманием – лишь то, что прочитал другой. Услышать слово в слово, что тот услышал. Пройти во всем совпадающую школу у одних учителей. Испытать одинаковые приключения. Перенести одни и те же болезни и так далее.

Причины внутренние – невозможность полного физического повторения какого-либо другого человеческого тела. В Галактике меньше звезд, чем в каждом из нас простейших органических «кирпичиков»: клеток. Немыслимо представить хотя бы только двух человек, пусть близнецов, с одинаковым набором клеток, вдобавок – одинаково расположенных. А ведь от клеток, от их числа и сочетаний – как и от их форм и жизнедеятельности – тоже зависит индивидуальность существа, личные его особенности.

Не удивительно, что, даже воспитываясь вроде бы в одних условиях, люди никогда друг друга не повторяют.

В одном из своих стихотворений Евгений Евтушенко говорил:

Что знаем мы про братьев, про друзей,
что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
мы, зная все, не знаем ничего.
Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать.

И все же человек так или иначе ставит на свои дела печать своего своеобразия – нечто вроде личной «фабричной марки». Из-за нее все

дела одного какого-то человека неуловимо схожи между собой. Они похожи на своего мастера.

Если бы в какой-нибудь семье поселился немой, но активный невидимка, то через месяц все прекрасно знали бы, какой он: добрый или злой, возвышенный или ничтожный, умный или глупый. Его дела раскрыли бы его душу нараспашку. Его поступки лучше всяких слов твердили бы ежедневно: «А я такой-то, я такой-то, я такой-то».

Что же еще обнаруживается в личности и, значит, должно быть также введено в ее характеристику?

Еще, например, борьба чувств. Или, если поточнее,— борьба двух видов сил, действующих на человека: внутренних и внешних.

Нет человека, в ком не было бы этой борьбы. Возьмем повседневность.

— Валерка! — кричит подросток в окно другому. — Пошли погоняем мяч!

— Не могу, никак сейчас не могу! — страдальчески отвечает тот. — Уроки делаю, завтра контрольная.

Борьба чувств оканчивается победой долга, внутреннего чувства.

Человек всю жизнь живет среди своих противоречий. Он слушает два голоса, сравнивает их доводы и поступает сообразно с тем, что перевесит: приказ извне или приказ, из души идущий.

Лишь в самых редких случаях один голос звучит единственно, ничем не заглушаясь.

Вообрази: зашел человек в столовую пообедать. Зашел и призадумался: какой кусочек хлеба взять — белый или черный? Какой бы он ни взял и сколько бы хлеба ни съел — заплатит одинаково. В этом случае нет внешнего голоса, решает только внутренний, борьба отсутствует.

Пример противоположного. На человека из-за угла внезапно выскочила автомашина. Тут, не раздумывая, надо бросаться в сторону. Здесь человеческий поступок полностью определен приказом внешней силы.

К чему же человек прислушивается чаще? Какие силы внешние или внутренние — действуют на него решительнее?

Если речь идет о всей жизни человека — внешнее превышает. Ведь внешнее — это все его воспитание, которое он получил среди людей.

А если иметь в виду жизнь повседневную, то здесь обычно превышает внутреннее.

Но очень ли оно на самом деле «внутреннее», независимое от окружающего, от внешнего?

На первый взгляд может показаться, что в этом случае проявляет себя полная «свобода воли». Повседневность, мол, та область жизни, где индивид способен самостоятельно, независимо от общественных влияний, формулировать для себя требования нравственности, поступать сообразно с ними.

В действительности полной свободы воли нет и здесь. Все прошлое воспитание, то есть влияние внешнего, те или иные – часто совсем невидимые – силы окружающего накладывают свой отпечаток на любой поступок человека, ограничивают его «свободу». И все равно в условиях нормального здорового общества степень свободы личности оказывается наибольшей.

Как-то советские ученые проделали такой опыт. Записали в большую тетрадь сотни три поступков нескольких нормальных людей, затем сравнили совершенное по побуждениям: число поступков, сделанных по внутренним побуждениям, с числом поступков по побуждениям внешним. Получилась удивительная цифра. Вышло, что в девяти случаях из десяти нормальный человек в нормальной обстановке поступает так, как сам считает *надо поступить*. Только в одном случае он уступает внешним силам.

Правда, в опыте этом и исполнение долга и подчинение дисциплине отнесено к проявлению внутренних сил. Людей, поступки которых исследовали, только потом спросили: считают ли они разумным не опаздывать в школу или на работу, подчиняться правилам уличного движения и так далее? Значит: добровольно ли делают они все это? Все ответы гласили: «да».

Но ведь так и есть в действительности. Ошибаются считающие исполнение долга и подчинение разумной дисциплине чем-то внешним. Человек, мол, не опаздывает на работу потому, что боится, как бы его не выгнали; солдат лишь из страха наказания выполняет приказ командира, и так далее.

Долг – великая потребность души, а дисциплина – нравственная сила.

Какими механическими – даже просто страшными – стали бы люди, если бы вдруг все их действия начали совершаться без участия внутренних сил. Только по приказу сил внешних.

Исчезла бы инициатива. Люди перестали бы выдумывать, открывать, находить. Поступки и вся жизнь людей приобрели бы унылое однообразие, никакие новшества никого больше не волновали бы.

Исчезли бы старания, заслуги. Все слепо выполняли бы свои обязанности. Жить так – то есть не потому, что я и сам этого добиваюсь, а потому, что мне так приказали, – не заслуга. Это только послушание, вроде послушания дрессированных медведей.

С другой стороны, исчезло бы и понятие вины, пришлось бы отказаться от всяких наказаний за действительные проступки. Ведь будь общество за каждого в ответе, кого в отдельности можно было бы судить?

Он скажет: «Мое хорошее вы не считаете моим, говорите, что я его делаю под влиянием приказа. Тогда признайте, что и мое плохое – не мое!»

И ничего никто ему возразить не сможет.

К счастью, и заслуги человека признают, и от ответственности он не спрячется. За хорошее скажут: «Прими спасибо», а за дурное: «Понеси заслуженную кару».

В обоих случаях выражают совершенную уверенность, что личность – главный автор всех поступков.

Высматривая свое лучшее, человек и сам того не замечая уже высматривает Друга. Какое счастье, когда удастся хорошо начать еще в юности, особенно – в ранней. Друг, обретенный в детстве, растет вместе с человеком, толково помогает потом и взрослому.

«Видно, правда, что вся вторая половина человеческой жизни составляется обыкновенно из одних только накопленных в первую половину привычек», – говорит один из героев Достоевского.

Обретенный в юности невидимый Друг обычно обладателя своего уже не покидает.

Незримый дар эволюции

*И вдруг мне вспомнилось:
Я – царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы!*

Л. Мартынов^[17].

Чувство личности

На чем же основана способность человека управлять своими внутренними качествами, разумно воспитывать такие свойства души, какие нужны, чтобы жить полноценной личной и общественной жизнью?

Она основана на внутренней пластичности человека, на его даре приспособливаться к самым неожиданным изменениям обстановки. В том числе к таким, какие не выдержало бы ни одно животное, ни одно растение. (Пластичный – от греческого «годный для лепки» – способный изменять свою форму, не разрушаясь под действием внешних сил.)

Все живое на Земле (кроме существа разумного) приспособлялось к среде, но *как*? Одни органы росли, другие уменьшались или отмирали вовсе. Развивались передние конечности у крота, чтобы хорошо рыть землю, но животное постепенно слепо. Усложнялись ветви рогов у оленей, утяжелялись бивни слонов, острее становились клыки у хищников; и всякий раз это шло в ущерб каким-то другим органам.

Природа необычно развила свойство внешней пластичности, то есть изменчивости внешних форм у животных (и растений). И до поры до времени все получалось хорошо: животное становилось сильнее, чувствовало себя увереннее в своих условиях.

Но вдруг условия менялись. Для приспособившегося к прежним условиям организма его же развившиеся придатки становились страшным грузом.

«Конечности, развившиеся до крайней степени простоты и совершенства,— писал известный французский ученый Тейар де Шарден,— ветви на головах оленей, лирообразные рога антилоп, украшающие их головы, тяжелые бивни слонов, клыки и резцы крупных хищников — все это изобилие и богатство создано для того, чтобы обречь эти великолепные создания на раннюю смерть, чтобы зачеркнуть эти формы...»

Природа долго, но безрезультатно билась над созданием такого биологического вида, который мог бы приспособливаться к меняющейся среде без особых изменений в строении и функциях собственного тела.

И вот наконец природа «изобрела» человека — первое на Земле существо, обладающее не внешней, а внутренней пластичностью, существо, мало меняющееся внешне от того, где оно живет.

Один человек обитает за Полярным кругом, другой — в долине Занзибара. Что у них принципиально разного, чем они отличаются? Ничего, ничем. Ни анатомией, ни физиологией, ни врожденными способностями усваивать науки и строить лучшую жизнь.

Человека создал труд. Затем, на протяжении всей дальнейшей истории, его духовный мир непрерывно усложнялся и обогащался как под влиянием практической деятельности в обществе, так и под влиянием огромной внутренней работы над собою. Человек непрерывно учился управлять собою, учился тонкому искусству инженерствовать в самом себе.

Дисциплинированность, память, воля, трудолюбие, терпение, наблюдательность, воображение — все это воспитуемо, все может быть улучшено, переведено на новую высоту.

Можно отчетливо представить, какие бездонные возможности самоусовершенствования дала человеку внутренняя пластичность, если вспомнить, как он с ее помощью сумел за короткий эволюционный срок шагнуть из состояния обезьяны в состояние человека эпохи космических полетов.

Как же формировалось свойство внутренней пластичности?

На заре своего развития человек еще мало ощущал себя как существо, отличное от окружающих.

В условиях первобытного общества, говорил Карл Маркс, «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине». Он составляет одно целое с родом, не выделяет себя из него ни в своей деятельности, ни в сознании. Все его права и обязанности являются не личными, а родовыми. С дальнейшим прогрессом общества человек все больше принимает на себя родовые качества, выделяется из слияния с родом, развивает в себе качества субъекта, индивидуальности. Началось историческое усложнение и возвышение личности.

В эпоху древнегреческой и древнеримской цивилизации человек несомненно уже создавал свое достоинство.

Характерен следующий эпизод.

Спасаясь от мести верных Цезарю людей, один из его убийц – Марк Юний Брут во главе собственного войска пересекал Грецию. Войско нужно было кормить и одевать. Брут налагал соответствующую дань на греческие города, мимо которых проходил.

Но один город воспротивился. Он считал себя свободным и гордо отклонил требование полководца. Тогда римляне осадили город и вскоре после неравной битвы ворвались в него. Греки не в переносном, а в прямом смысле дрались до последнего человека. Истощав сопротивление, они подожгли собственные дома и все, от мала до велика, стали бросаться в пламя. Брута это настолько потрясло, что он дал команду солдатам спасать людей. Только очень немногих, отчаянно вырывавшихся, удалось связать и удалить с пожарищ...

И все же в ту эпоху настоящего (с современной точки зрения) самосознания личности еще не было. Не случайно даже не испытывалось потребности в самом понятии «личность». Оно зародилось лишь на закате античности – древней европейской культуры. Ввели его римляне, которые стали употреблять латинское слово «персона» (буквально: маска, роль актера) в смысле «индивид», то есть существо, не являющееся лишь природным организмом, а проявляющее себя в своем человеческом качестве.

Однако и введя понятие «персоны» с ним мало считались. Впрочем, даже сами обладатели «персон» принимали подобное пренебрежение к себе, как вполне естественное.

В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс говорит:

«На протяжении всей древности браки заключались родителями вступающих в брак сторон, которые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность,— не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему»...

«Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в «Песне о Нибелунгах», что Кримхильда, хотя она втайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, когда Гунтер объявляет, что просватал ее за некоего рыцаря, и при этом не называет его имени, отвечает просто: «Вам не нужно меня просить; как Вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать; кого Вы, государь, дадите мне в мужья, с тем я охотно обручусь». Ей даже в голову не приходит, что здесь вообще может быть принята во внимание ее любовь»...

«По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы; в противном случае он это делает сам, советуясь с крупными вассалами (землевладельцами, военными помощниками своего феодала. — В. К.), мнение которых во всех случаях пользуется большим весом»^[18]...

Вот что значило не быть достаточно самолюбивой «персоной», не уважать себя! Естественно, что того, кто не уважал себя сам, не слишком-то уважали и другие.

Однако шли века, и ценность личности возрастала. Человек все отчетливее видел живого человека и в том, с кем он имел дело, и в самом себе.

Предводители крестьянских войн Томас Мюнцер в средневековой Германии (в 1524–1525 гг.), Иван Болотников в России (в 1606–1607 гг.), Степан Разин (1670–1671 гг.) и Емельян Пугачев (1773–1775 гг.) — все они уже осознавали себя личностями. За ними шли и те, кто больше не хотел мириться со своим бесправием, кто желал утвердить личностями и себя...

О росте, о подъеме чувства личности в России в прошлом веке и в начале нынешнего говорил В. И. Ленин. Он связывал развитие личности с материальными условиями общества. Критикуя народников в статье «Экономическое содержание народничества», он говорил: «Можно ли серьезно защищать то мнение, что они (качества личности. – *В. К.*) повлияют случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности»^[19].

В. И. Ленин говорил также, что «...экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности»^[20].

Сила совести

Должно стыдиться самого себя столько же, как и других людей, и одинаково не делать дурного, остается ли оно никому не известным или о нем узнают все. Но наиболее должно стыдиться самого себя...

Демокрит^[21].

Совестливость

Вероятно, бессовестных людей на земле все же меньше, чем людей с совестью. Человеку от природы свойственно подмечать неладное не только в окружающем: покосившийся забор, размытую ливнем дорогу. Каким-то непостижимым чувством он ощущает (к сожалению, не всегда) и свои собственные, внутренние недостатки. Иногда с ними мирится, но чаще все же старается исправить. Он и в себе не любит «покосившегося».

Совесть – одно из лучших украшений человека. А что она такое? Как ее объяснить?

Марксистско-ленинская этика доказывает, что «совесть имеет общественное происхождение, определяется условиями социального бытия и воспитания человека, зависит от его классовой и общественной принадлежности»^[22].

Кто-то назвал совесть «разумом души». Мол, кто ее имеет, у того есть собственный внутренний закон (разум невозможен без признания закона). Тот и «внутри» ведет себя как надо: совесть его чиста, а помыслы благоразумны.

Знаменитый философ Иммануил Кант высказывался в том же духе. Он писал: «Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть, собственно, применение наших поступков к этому закону».

Люди часто поясняют слово «совесть» образом попроще. Например, говорят о «страже в душе», о «внутреннем милиционере».

Был случай (это не выдумка!), когда в контору городского транспорта одного большого города явился человек и, попросив не спрашивать его фамилии, оставил в кассе пятьдесят рублей.

— Приблизительно столько,— пояснил незнакомец,— я вам задолжал, когда мальчишкой ездил «зайцем». Возьмите, очень вас прошу. Меня мой «внутренний милиционер» замучил: «отдай да отдай»...

Хорошее влияние оказывает «спрятанный внутри милиционер» на тех, кто его имеет. С ним человек становится лучше. Такой человек, даже зная точно о личной безнаказанности, уверенный, что никто не дознается о проступке — все равно не возьмет потерянного кошелька, не оставит неубранного мусора в лесу, не подслушает чужого разговора, не сделает пакости другому.

Рассмотрим теперь случай посложнее,— может быть, и поважнее. В какие взаимоотношения с совестью вступает человек оступившийся: сделавший — или даже систематически делающий — что-то плохое?

Вспоминаю спектакль выпускников школы-студии МХАТ им. М. Горького «После грехопадения». Не буду пересказывать содержания пьесы, суть не в нем, а в основной идее автора, которая мне показалась очень интересной.

Пьеса о том, как ряд людей по тем или иным мотивам совершают что-то дурное. Одни творят зло сознательно, других засасывают обстоятельства. Автор задает вопрос: что же делать?

Что делать после того, как зло уже сделано, то есть «после грехопадения»?

Вопрос мучительный, и, кажется, на него нет сразу ясного ответа.

Отпетый негодяй решает просто: зло было, есть и будет вечно. Да здравствует зло, если ты им управляешь, решает он. Берегись только сам попасть под его колеса.

Безвольный плачет, убивается, сгорает от стыда... и продолжает пакостить, как прежде.

Особо совестливый не выдерживает: не видя оправдания себе, он кончает жизнь самоубийством.

...И получается, что нет у человека никакой надежды после совершения проступка. Остается будто только страшный выбор: либо

катиться дальше по наклонной плоскости, либо вечно мучиться, либо кинуться на рельсы.

Но если бы было так, разве жизнь не стала бы кошмаром почти для каждого?

Ведь жизнь любого такова, что временами он – по самым разным причинам – оступается.

Оступается, и это остается в человеке навсегда. Ничего и никогда мы не теряем, что пережили раз. Мы носим все, что с нами было.

«...Итак, что делать?» – задумывается автор.

И ведь ответ писателем находится! Похоже – правильный ответ, ответ всех мужественных и честных.

Поднимись ступенькой выше, говорит писатель своей пьесой. Не усугубляй вины безволием.

Не забывай своей вины, но искупай ее хорошими поступками.

Докажи, что ты все же человек, а то – дурное – было следствием затмения, минутной слабости.

По-моему, это настоящий выход.

Пример другого рода.

Представим соревнующихся исследователей-физиков. Один заведомо победил, хотя итог еще не подтвердили: он новое явление обнаружил.

Что же ему: почить, как говорят, на лаврах? Закрыть рабочий стол и уехать веселиться?

Нет, так не делают обычно. Не позволяет совесть, не позволяет долг ученого.

И победитель... вновь выигрывает: и как ученый, и как человек он поднимается еще на одну ступень.

Климат изящного

Есть еще пропасть людей, которые воображают, что нужно быть изящным только в музеях, в картинах и статуях... Нет, настоящее цельное, здоровое в самом деле искусство существует уже лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художественной внешности простерлась уже на все сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь.

В. В. Стасов^[23].

Чувство красоты

Велико влияние на личность такой среды, такого общества, где много красоты – духовной и физической. Связь человека с такой средой бывает особенно прочной.

Прочна красивая дружба, прочна семья, связанная лаской и пониманием. Патриотизм людей питается красотой истории народа: его литературой, музыкой, памятниками, рассказами о подвигах великих соотечественников.

Красота – один из самых прочных цементах между людьми, и там, где люди дорожат своим единством, они стараются всеми силами сохранить этот цемент, даже по возможности его усилить.

Когда в конце войны немцы оставляли Варшаву, они придумали коварный план – сожгли, разрушили польскую столицу (когда-то римляне так поступили с Карфагеном – столицей враждебного им государства, – и государство то так и не ожило, умерло навсегда).

Поляки поняли, что им угрожает. Поняли не только умом, но и сердцем. По фотографиям, рисункам, схемам, случайно уцелевшим чертежам город был восстановлен почти в первоначальном виде (только, разумеется, просторнее и с дополнительными районами). Восстановили, построив заново, дома, дворцы, памятники, крепостные

стены. Восстановили чуть ли не каждую трещинку на них, каждый вековой дефект, блеклость «выцветших» красок...

Вернулся древний город, вернулись и жившие в нем силы, что сплывали поляков. Конечно, сейчас в Варшаве новая жизнь. Но она будто продолжает расти из древней почвы, поляки остро ощущают это. Она тем кипучей и прекрасней, что в ней участвует энергия прошлых поколений. Современники смотрят на восстановленную старину и словно ощущают присутствие великих зодчих, ваятелей, художников, создававших тысячелетнюю национальную культуру.

Так сила красоты превращается в могучую общественную силу.

Обычно пишут о вкладе человека в красоту. Но и красота вносит свой вклад в человека.

Наш род называют по-научному «гомо сапиенс»: человек разумный. Подчеркивают важнейшую его особенность, воспитанную в общественных условиях. Но только ли разумностью выделился он среди других земных существ? А чувством красоты?

Разве мы превосходим неандертальцев только тем, что учим физику? А не тем еще, что знаем стихи?

Чувство красоты – ярко выраженное человеческое свойство.

Как отмечал Карл Маркс, животное преобразует окружающий его мир, только повинаясь голосу инстинкта. «Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек... формирует материю также и по законам красоты»^[24].

По законам разума и красоты складывался и сам человек. Он никогда не был только лишь «разумным» существом, а всегда «разумно чувствующим» или «разумно эстетическим» (слово «эстетика» – от греческого слова «эстетизис» – воспринимать чувствами).

Не случайно как показывают раскопки, следы изящного и в самые далекие времена всегда шли рядом со следами удобного.

И не случайно «богини красоты» на заре истории чтились не в меньшей степени, чем «боги мудрости»: так древние народы выражали свое уважение к изящному.

Впрочем, часто это были и не богини вовсе. Олицетворяя красоту, люди придумывали ей образы земные, человеческие. Преклонение перед ней носило чаще характер поэтический, чем религиозный.

Для примера приведу образ Амариллис – прекрасной обитательницы полей. Еще у Вергилия и Овидия, знаменитых поэтов Древнего Рима, она была нимфой (нимфы жили долго, но не вечно, как богини). Соотечественник и современник Шекспира английский поэт Эдмунд Спенсер в своей замечательной поэме «Королева фей» дал имя Амариллис пастушке. Прошло еще некоторое время, и Амариллис совсем приземлили... ученые: они назвали ее именем целое семейство полевых цветов. Сегодня уже мало кто помнит нимфу, а амариллисовые – нарциссы, белые подснежники, туберозы, агавы – знают не одни любители природы.

Да, ученые «приземлили» имя. Но само по себе красивое не надо было приземлять: оно всегда было земным. Возвышенное, привлекательное внешне или внутренне, окружало человека вечно, было с ним во всех его делах.

Ласкали взор подъемники воды и колесницы у древних персов и египтян, греков и римлян. На носках судов бесстрашных викингов укреплялись священные деревянные статуи. Разрисовывались, покрывались искусной резьбой или вышивкой предметы древнерусского обихода: скамейки, сани, дуги, наличники на окнах, солонки, ложки, ковши, полотенца, фартуки, рукавицы. Даже оружие – сабли, ружья, пушки – украшалось изысканным орнаментом, рисунком.

Время меняло набор обыденных предметов, менялось и направление художественного поиска. Постепенно в быт людей стали входить предметы, созданные наукой. К изящной мебели в домах добавилась изящная семейная электротехника: радиоприемники, телевизоры, холодильники, торшеры, люстры, телефоны. Все с большим вкусом отделяются помещения для пассажиров в поездах и самолетах, становится все благородней форма легковых автомобилей.

Влияние времени сказывалось и в другом. Любая новая эпоха, любое новое общественное влияние больших масштабов порождали и совершенно новые формы красоты.

Сошлюсь, как на пример, на появление в последние пятнадцать-двадцать лет целой науки о красоте машин и рабочих мест – технической эстетики.

Прислушиваясь к ее советам, сегодня красят в светлые тона потолки и стены цехов. Кабины крановщиков покрывают чередующимися полосами желтого и черного цветов (броско и заметно на расстоянии: уберезет зазевавшегося от столкновения). Цветы, аллеи с золотым песочком, пруды и даже фонтаны появляются на территориях заводов и исследовательских институтов. Обсуждаются проблемы вроде таких, как: «сократить примелькавшийся тополь на заводе, но посадить больше сирени, маньчжурского ореха, белоствольных березок», «создать на заводском дворе дендрарий: собрать туда представителей лесной флоры Сибири, Дальнего Востока, Горного Алтая».

Даже в школы проникает новая наука. Есть классы, где ученики садятся не за черные, а за зеленые парты, пишут мелом по зеленой же доске, занимаются среди стен, выкрашенных в голубое или желтое.

Обычно, когда упоминают слово «красота», на ум приходят произведения художников, архитекторов, актеров, музыкантов, поэтов. Но не одни поэты приобщают человечество к возвышенному.

Творят прекрасное и люди прозаического труда: рабочие, ремесленники, хлеборобы, рыбаки, врачи, ученые, служащие контор, монтеры, почтальоны. Творят, даже если производят то, что не облачается в художественные формы (работники полей, лесорубы), творят, даже если ничего не производят (врачи, служащие).

Творят своим искусством, потому что каждый искусник по-своему художник, у него есть способ украсить дело. Во всяком деле есть свой «секрет красоты».

Творят делами своих учеников, потому что в каждом славном деле ученика есть обязательно доля души учителя.

Творят и просто тем, что объясняют привлекательно, помогают другим познать очарование природы, чужого внутреннего мира, книги, произведения искусства.

Особое обаяние присуще людям подвига, возвышенного поступка. Скромность, доброе движение души, бескорыстная помощь – все это тоже красота, все сравнимо с красотой внешней, зримой.

Необъятно царство Красоты. А подданные ее – все люди. Нет человека, никогда не делавшего красивого. Хоть раз, хоть малым, хоть в нечаянном порыве, но дань ей платят даже плохие люди.

Красота не бессмертна, к сожалению. Много ее рождает, многое и губит. Не щадит безжалостное время. Душат ее расцветающие порою рядом серость и невежество или откровенное уродство.

Это тем чувствительнее, что никакая новая красота никогда не возмещает до конца ущерба, причиненного потерей старой (если «новой» не окажется удачная реставрация). Этресская художественная ваза, раздробленная палицей варвара, не окупается и полотном Рембрандта.

И все же ценности красоты в мире увеличиваются. Их больше создают, чем уничтожают.

Увеличивается красота, воспринимаемая и отдельным человеком. И просто больше ее становится возле каждого, и увеличиваются возможности увидеть «дальнюю» красоту: путешествуя, читая либо с помощью технических достижений, кино, радио, телевидения, магнитофонных записей.

Секреты Амариллис

Простота, правда и естественность – вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства.

К. В. Глюк^[25]

Понимание красоты

Занавес опустился, и я увидел на глазах своей спутницы слезы.

– Что ты плачешь, глупая! Это ведь лишь на сцене, это неправда.

– Нет, это правда! Настоящая правда. Я это чувствую.

А ведь она точно сказала. Есть правда разума, рассудка, а есть правда чувств.

Иначе: можно верить разумом, а можно верить чувствами. Например, в театре. Или читая сказку.

Красота одно из таких понятий в жизни человека, к которому обычно обращаются именно с верой чувств.

К нему, однако, можно обратиться и с верой разума: попытаться его понять, как говорят, логически.

Это тоже чрезвычайно важно, потому что красота и к разуму обращена (хотя обычно люди не замечают этого). Разум помогает проникать в красивое, лучше его чувствовать.

Красота, прекрасное... Много раз мы употребляли эти слова, но что они, в сущности, означают? Что скрывается за ними?

«*Восприятие прекрасного*,– писал известный специалист по марксистско-ленинской эстетике Ю. Б. Борев,– носит классовый характер и связано с политической и этической оценками. Например, Красная площадь, Кремль для нас прекрасны не только архитектурой, но и своим политическим смыслом. Это сердце Родины, это олицетворение Советской власти – здесь происходят парады и демонстрации нашей мощи, здесь руководители партии и правительства встречаются с народом».

Это – восприятие. А само по себе прекрасное? Что это?

Самое поразительное, что на такой, казалось бы, предельно простой вопрос нет столь же простого, ясного и вполне бесспорного ответа.

Лев Николаевич Толстой, например, сравнив между собою разные ответы, порою полностью противоречащие друг другу, пришел даже к выводу, что прекрасное определить и невозможно, и не нужно.

Не все согласятся с этим. Но и сейчас в ходу такая точка зрения: «Сущность прекрасного раскрыть трудно. В жизни и в искусстве прекрасные явления необычайно разнообразны и совершенно не похожи друг на друга. Трудно установить сходство, например, между душевным благородством человека и красивой вазой, радующей человеческий глаз, между прекрасными формами кристалла или древесного листа и тонким произведением искусства».

Впрочем, стоит ли говорить о «разнообразном»? Возьмем одно и то же. Скажем, покореженное дерево в лесу. Два друга подойдут к нему, только один скажет: «Оно прекрасно», а другой: «Оно уродливо».

Временами появляются «мудрецы» и начинают уверять, что кто-то, а они-то знают, как дважды два, что такое красивое. И все, мол, им понятно. Можно дальше их не слушать: самоуверенные почти наверняка станут навязывать свои личные вкусы, а ничего серьезного не скажут.

Амариллис крепко хранит свои секреты!

Все же некоторые из них сейчас открыты (некоторые, не все). Кое-что стало известно о самой красоте, и о чувстве ее, и о том, наконец, что способно дать человеку развитие этой способности.

Начать хотя бы с того, что в красоте, как и в научных истинах, есть что-то бесспорное – «объективное», как говорят философы. То есть такое, что стоит выше не только вкусов отдельных лиц и групп людей, но даже традиций народов.

Почему-то большей частью признанное когда-то и где-то красивым признается таким и тысячи лет спустя, у людей совсем другой культуры: картины, скульптуры, художественные росписи на стенах зданий и других сооружений. Почему? Вероятно, это свидетельствует, что красота больше видовое свойство человека, чем национальное или временное, то есть отражает больше биологическую

природу человека, чем его национальную или культурную принадлежность.

Вывод подтверждается и сегодняшней действительностью: привязанность, привычка к одним стилям красоты не делает нас обычно слепыми к другим стилям.

Возьмем, например, традиционные деревянные фигурки в России и в Африке. Русские матрешки, медведи-пильщики делаются по одним законам красоты, африканские статуэтки – по другим. Но и русским нравится африканское мастерство, а африканцам – русское.

Или еще пример: так называемый «красивый головной убор». Как понимают его люди разных национальностей? Для француза – это мягкий берет, для русского – пыжиковая шапка, для индейца – белая ермолка. Но ведь никто из них троих – если он, разумеется, человек толковый, чувствующий – не скажет, что головной убор другого некрасив, не заслуживает внимания.

О вездесущности красоты. Красота действительно живет повсюду. Она не выбирает себе обстановки изящной или неизящной, богатой или бедной, значительной или пустяковой. Поэтому для художника всюду одинаково раздольно: он и неизящное изобразит изящно, и бедное – богато, и внешне пустяковое – значительно.

Любой художник подпишется под словами Валентина Катаева из его автобиографической повести «Трава забвенья»:

«...Я вдруг узнал, понял всей душой: вечное присутствие поэзии в самых простых вещах, мимо которых я проходил раньше, не подозревая, что они в любой миг могут превратиться в произведение искусства, стоит только внимательно в них всмотреться».

Ведь и любой художник делал когда-то такое же открытие.

Красота не содержанием красива, не тем, как объяснял один поэт, что она «виноград стеной, иль река весной, или нив налив» (это красота плаката). Она красива чувствами, вызываемыми ею.

Как-то на экранах страны шел чудесный фильм по Чехову «Дама с собачкой». Там не было и намека на «нив налив». Там, наоборот, был среди прочего бесконечно длинный, серый – одной сплошной стеной – деревянный забор в заштатном городке, где жила героиня фильма. Забор этот потрясал зрителя. Трудно передать сильнее опустошенность, мертвящую скуку тех, кто строил забор. И ужас жизни героини.

И все же это было прекрасно! Не сам забор, разумеется, а изображение его средствами кинематографии. Оно будило лучшие чувства в человеке: жалость, боль, вражду и ненависть к злу, к серой жизни.

Противоречит ли пример нашему утверждению, что красота всегда добра?

Ни капельки. Ненавидеть зло – не значит быть недобрым. Более того, ненависть к злу всегда служит добру.

И вот еще бесспорное: сходство между художником и его произведением, то есть между тем, кто творит красивое, и этим самым красивым.

Чуть ли не все специалисты по эстетике отмечали, что произведение похоже на своего художника, а художник – на свое произведение. Что бы ни изображал, положим, писатель: природу, город, летчиков, Киевскую Русь, будущее человечества, он прежде всего изображает самого себя: свои настроения, вкусы, взгляды, свое понимание жизни.

Бывает, впрочем, и так, что художник находит в окружающем черты, которые как-то отпечатываются в человеке. Настолько, что говорят: «горожанин похож на свой город», «на крестьянине лежит печать полей и его хозяйства».

Можно понять Михаила Михайловича Пришвина, певца русской природы, когда он, раздумывая о целях своего творчества: «Почему я все пишу о животных, о цветах, о природе?», для многих неожиданно отвечал: «Я нашел себе любимое занятие: искать и открывать в природе прекрасные стороны человеческой души».

Художник может выразить «общее», жизнь даже постоянно требует от него этого. Но только по-своему, как сам его видит.

Он может у других научиться мечтать, может и мечтать о том, о чем мечтают близкие ему люди. Но и тогда мечта будет сугубо его личной.

В заключение несколько слов о развитии чувства красоты.

Просыпается оно, как и разум, очень рано. Уже малыши проявляют его, выражают свои эстетические претензии.

– Не хочу,– хныкала девочка шести лет, не желая надевать тупоносые башмаки. – Знаешь, когда я их на деваю, какое у меня тупое лицо становится.

С годами чувство красоты словно бы специализируется. У человека определяются склонности и вкусы. Они могут быть самыми непохожими на склонности и вкусы других.

Вот случай, описанный в журнале.

В Ленинград приехал знатный иностранец – старый лорд. Едва отдохнув с дороги, он попросил отвезти его к решетке Летнего сада. Там он уселся на раскладной стул и попросил всех удалиться. До утра просидел старик, любуясь переплетениями ограды в призрачном свете белой ночи. А когда за ним пришли, он сказал:

– Везите меня обратно в Лондон, больше я ничего не хочу видеть. Теперь я могу умереть спокойно. Я видел чудо. Я видел совершенство красоты и гармонии.

Не всякий человек увидит «совершенство красоты и гармонии» в чугунной ограде сада. Пожалуй, большинство назовет какой-нибудь дворец либо памятник. Но ничего, конечно, фантастического нет и в том, чтобы выделить решетку. У каждого свое чувство красоты, и здесь не то главное – *к чему* тянет человека, а *то – как сильно* тянет.

Не «незначительность» предмета, а значительность увлечения существенней для воспитания любви ко всему красивому.

Кто-то говорил, что краски на холсте красят не одну картину, но и окружающее пространство. Умный образ заразной способности красоты! Он хорошо показывает, как расширяется мир красоты для человека, очарованного ею (не картина же в самом деле расширяется).

В нем нет лишь одного – ответа на вопрос: «а как красит красота самого человека, что она с ним делает?»

Возвращение красоты

...Искусство оказывает нравственное действие не только потому, что оно доставляет наслаждение путем нравственных средств, но и потому, что наслаждение, доставляемое искусством, служит само путем к нравственности.

И. Ф. Шиллер^[26]

Душевное благородство

Пожалуй, главное, что красота способна дать человеку – это душевное благородство. Но что понимать под этим выражением?

Что значит обладать «душевым благородством»?

Древние наверняка ответили бы: «Значит, просто быть добрым. Потому что красота и добро одно и то же. Во всяком случае, они свободно превращаются одно в другое».

Так учили великие греческие философы Сократ, Платон, Аристотель. За ними ту же мысль повторяли многие другие. Например, китайский искусствовед XIV века Тан Хоу написал под одной картиной, нарисованной на шелке:

Обнажай все глубины твоего сердца –
И твоя кисть станет вдохновенной,
Литература и живопись служат одной цели:
Раскрытию внутренней доброты.

Впрочем, люди и теперь обычно тесно связывают добро и красоту. Говорят «это красиво», а подразумевают «это хорошо». Скажут «некрасиво», а прозвучит, как «плохо».

И все же поставить знак равенства между добром и красотой нельзя.

Душевное благородство украшает человека не просто славой «доброего». Оно придает ему активную доброжелательность к людям, стремление, становящееся привычкой, служить им.

Согласно коммунистической нравственности «под благородством прежде всего понимается сознательное, ставшее привычкой и склонностью служение людям»^[27].

Если человек красив душой, то у него весь климат внутреннего мира благотворен. В таком человеке красота постоянно обращается в возвышенность всех помыслов и дел.

Что же нужно, чтобы окружающая человека красота преобразовалась в его собственную? Просто ее обилие?

Жил в Древней Греции человек по имени Зоил. Он был философом, часто выступал с речами и обучал учеников ораторскому искусству.

Однажды, говорится в мифе, сам Аполлон, бог света и искусств, дал ему задание. Он повелел Зоилу разобрать произведения Гомера и написать на них свой отзыв.

Зоил поручение выполнил и представил богу чрезвычайно язвительный отчет под названием: «Против поэзии Гомера».

Аполлон прочитал придиричивую и мелочную критику «Илиады» и «Одиссеи», затем спросил автора, а что тот думает о красотах произведений?

– Красотами я не занимался, – ответил философ. – Я занимался только недостатками.

Аполлон «наградил» Зоила. Он дал ему мешок непровеянной пшеницы и приказал выбрать за свой труд всю мякину (то есть, по сути, мусор).

Зоил стал символом пустой и злобной критики.

Для Зоила краски на холсте пространства не окрасят. Пожалуй, он и на холсте-то красок не увидит.

Конечно, миф есть миф. Но разве «зоилы» – не живые люди? Разве мы порой их не встречаем: сухих, черствых, не любящих прекрасного, даже будто им оскорбленных?

Красота не может ни обогатить их, ни обеднить: она проходит мимо. Равнодушные ее влиянию не поддаются.

Кого же затрагивает, кого облагораживает красота? Тех, кто ее любит, кто неравнодушен к ней?

Может быть, любовь к красоте – главное условие, чтобы человек был ею облагорожен?

Нет, одной такой любви недостаточно.

Мы видели: по-своему любить красивое способны даже бессловесные существа. А что, кроме ласки, они при этом получают? Окончилась мелодия, и все прошло, как будто никогда и не бывало.

Человек не забывает быстро. Но если что-нибудь его лишь развлекало (неважно: веселя, а может быть, навевая грусть, как при чтении печального рассказа), то оно и выйдет, как вошло – легко, воздушно. Выйдет песней, танцем, умилением, жестом, смехом, может быть, и «легкими» слезами. Что не затрагивает глубоко, то не обогащает.

Что не оставляет возвышенного иероглифа в душе, то не облагораживает.

Чтобы красота что-то изменила в человеке, мало любоваться ею, ею «играть». Надо уметь «вводить ее в себя», воспринимать, усваивать ее.

Мы знаем орган разума – мозг. Он «всасывает» знания о мире, он помогает овладевать чужими мыслями (то есть понимать, усваивать их) и порождать для человека собственные. Что же такое «орган красоты»?

Художник разговаривал со своим сыном, мальчиком лет пятнадцати.

– Как ты думаешь, – спросил отец, – чем люди воспринимают прекрасное?

– Как «чем»? – удивился тот. – Чем всё: глазами и ушами.

– Чудак ты! Глаза и уши – только двери, в них не задерживается ничего. Сердце – вот куда собирается прекрасное.

Художник прав, конечно. Прав, если помнить, что для него «сердце» – образ. Это распространенный и всем понятный образ (в реальном человеческом теле, как известно, всеми ощущениями, в том числе художественными, ведает нервная система, опять же с мозгом во главе).

Только художник не довел объяснения до конца. Он не сказал о разнице сердец, а разница эта велика. Даже обладая чувствительными на красоту сердцами, люди еще не обязательно одинаково

«перерабатывают» ее в себе. И не обязательно извлекают из нее все, что можно извлечь, главные ее возможности.

Пожалуй, по умению чувствовать красоту и совершать под влиянием ее поступки люди различаются между собою больше, чем по умению мыслить.

Возьмем увлеченных.

В отличие от развлекающихся увлеченные – народ куда серьезнее. Первые перед вторыми все равно что первоклашки перед старшеклассниками. Переживания увлеченных сильнее. Глубже чувствуя, они, естественно, и держатся сдержанней развлекающихся.

Если для развлекающихся потребление красоты – игра в камешки, то для увлеченных красота – пища. Духовная пища, она их согревает.

Может быть, в этом и состоит настоящее усвоение красоты? Может быть, увлеченные и есть те самые, которые облагораживаются прекрасным?

Большинство отвечает на так сформулированные вопросы утвердительно. Это явно чувствуется по тому умилению, с которым мамы рассказывают о своих детках: «Ах, как Ваня любит театр!», «Ах, как Таня обожает серьезную музыку, каждый день пластинки Бетховена слушает!» Подразумевается: раз страстно любит театр или обожает Бетховена, значит, дружит с музами, значит: даже если не творит, то все равно обладает возвышенной натурой.

Но, увы, этого мало. Мало пылко увлекаться искусством, чтобы действительно принимать его по-настоящему.

Не спорю, каждый назовет десятки, сотни возвышенных, благородных людей, страстно любящих искусство.

Однако тут же он, если захочет, вспомнит не меньшее количество дурных людей, влюбленных в то же самое...

Не слышал, не читал ни об одном тиране: «он музыки не выносил», «он был равнодушен к зрелищам».

Зато читал и слышал сколько угодно о противоположном.

Римский император-изувер Нерон считал себя артистом, а Иван Грозный пылал страстью к книгам. Порочнейший из римских пап – Александр VI Борджиа (умер в 1503 году) – купался в роскоши искусства, а Гитлер, превративший в развалины Европу, сам малевал картины и преклонялся перед Вагнером. Даже, говорят, собачку любимую имел: Блонди.

Почему ж прекрасное их не облагородило?

Может быть, потому, что перевешивали силы окружающего зла?

Это, разумеется, не объяснение. Тираны потому и назывались тиранами, что были злей и могущественней окружающих.

Пусть так: в эгоистической страсти к красоте нет ничего плохого. Но будем искренни – а что в ней трогательно хорошего?

Невелика была бы ценность красоты, если бы она ни на что иное не была пригодна, как только услаждать. Вряд ли ради этого одного человек так широко и так старательно формировал бы материю «и по законам красоты».

По-моему, в основе жажды красоты скорее другое: исконный человеческий инстинкт преобразовывать.

Человек – неутомимый и могучий преобразователь природы. Он превращает материальное: стихию рек – в электричество, руды – в высококачественные металлы. Но он преобразует и нематериальное; например, одни качества своего внутреннего мира – в другие.

В частности, это можно наблюдать, когда он пользуется таким великим даром природы, как способностью приобретать способности.

Обладая им, человек наделен возможностью и без врожденных данных добиться многого.

Возьмем, например, аккуратность, тщательность в работе. Подобная способность не наследуется, а приобретается. Меньше ли она способности делать творческие находки по вдохновению? Это как сказать. Огромное большинство ученых возьмет в свою лабораторию скорее сотрудника аккуратного и внимательного, чем рассеянного звездохвата.

Или вот еще, тоже не от рождения даваемая способность – трудолюбие. Древние римляне знали ее и ценили так, что в их устах звучало высшей похвалой произведению: «оно написано с трудолюбием удивительным», а не: «это писал гений».

Конечно, римляне ошибались. Гений все же гений и «божьей искры» у него не отнять. Но их похвала свидетельствовала о прозорливости. Даже гении не создают великого, если не обладают трудолюбием. А там поди разберись: что в ценном произведении от пота, а что от врожденной гениальности?

Человек умеет преобразовывать и красоту. Он способен принять ее во внешнем мире, пропустить через собственное сердце и вернуть

людям изменившейся и обогащенной. Красота облагораживает, но не тех, кто просто потребляет ее, пользуется для собственного удовольствия. Красота облагораживает лишь тех, кто извлекает из нее творческую энергию.

А в ней есть творческая энергия!

И не малая.

Где ж она себя наглядно проявляет?

В любом полезном деле, во всяком вдохновенном занятии. Работа внутренней красоты всегда в конечном счете обретает видимость.

Чтобы сразу показать, что это не слова, сошлюсь на науку, на уже знакомую читателю техническую эстетику.

Обращаясь, как ей подобает, к цифрам, она решительно заявляет, что в цехе, где кругом светло, уютно, рабочий меньше утомляется, вдобавок делает деталей на десять-двадцать, а то и на двадцать пять процентов больше, чем в неприглядном помещении.

То же направление эффекта красоты и там, где достижения не измеряются процентами. Положим, в школах. Как часто учителя, энтузиасты всяких классных благоустройств, не без основания утверждают:

– Переводите закоренелого троечника из унылой комнаты в уютный класс, и через месяц вы мальчишку не узнаете: он переселится в страну четверок.

Эмерсон, замечательный поэт Америки прошлого столетия, сказал однажды: «Музыка показывает человеку те возможности величия, которые есть в его душе». Конечно же, не одна музыка: вообще прекрасное.

Сила красоты – в благотворном воздействии ее на чувства, которые в свой черед воздействуют на мысли и на поступки человека.

Ведь человек ничего не делает под влиянием одних лишь мыслей. Он трудится, действует, говорит под влиянием мыслей, окрашенных в те или иные чувства.

По мысленному приказу ученик сел за уроки. Но то, как он их делает, в огромной степени зависит от его настроения. Одно дело заниматься с охотой, другое – с неохотой.

Чувства могут и усилить мысленный приказ, а могут совершенно смять его и уничтожить.

«Самый мощный источник энергии (энергии движения мысли, процесса мышления. – *В. К.*) – чувства»,– писал известный советский хирург профессор Н. Амосов.

Власть чувств велика. Вот почему так важно, чтобы ими управляла красота человеческого сердца.

Вот почему в сердечной красоте так много силы. Причем – доброй силы.

Подытоживая, скажем: красота облагораживает, но лишь тех, кто не употребляет ее впустую.

Красота возвышает лишь людей, принимающих красоту в себя, превращающих ее в реальную часть души. Такой человек внутренне становится иным, чем раньше: более глубоким, человечным.

Все его дела, слова, поступки, мысли, отношение к другим окрашиваются доброжелательностью, высоким уважением к людям.

Действительность и грезы

Мечты! Без мечты человек превращается в животное. Мечты двигают прогресс.

В. И. Ленин^[28]

Мечтательность

Усталый человек сидел в кресле, а вокруг расположилась разношерстная компания. Внезапно солдат с ранцем за плечами; в высокой кирасирской шапке вытянулся по всей форме и отрапортовал, отдавая честь:

– Осмелюсь пригласить присутствующих к столу. С помощью моего огня я могу раздобыть для вас любые блюда. На мой вкус, самая лучшая еда – картофельные клецки с топленым маргарином и лавровым листом да пара кружек мюнхенского пива в придачу.

Стойкий оловянный солдатик с восторгом отнесся к такому предложению. Дюймовочка и принцесса, напротив, были очень недовольны.

– Этот человек намерен угостить нас какими-то картофельными клецками! – возмутились они. – Как можно есть такую грубую пищу!

Человек, сидящий в кресле, испугался, что его гости перессорятся, но тут же нашел выход из положения, предложив им новую сказку.

– Жил-был однажды бедный мальчик, он решил стать знаменитым поэтом и отправился в самый большой город своей страны: он думал, что там найдет свое счастье. Мать его осталась дома одна и горько плакала о сыне: всю жизнь она работала ради него, мечтала, что он выучится какому-нибудь ремеслу.

Но мальчик не думал ни о чем, кроме славы. Он стал ходить в школу, был принят в знатных домах столицы. Через несколько лет написал книгу и сделался знаменит. Когда он был далеко на чужбине, умерла его мать, и он не смог даже положить цветы на ее гроб. И тогда ему вдруг стало холодно, хотя жил он на теплом юге; он почувствовал

себя несчастным, потому что понял: самая громкая слава – ничто в сравнении с материнской любовью. Он потерял единственное сердце, которое билось ради него.

Поэт впал в отчаяние, он больше не хотел работать. И вдруг в один прекрасный день услышал внутренний голос: «Слезы твоей матери пролиты напрасно, потому что ты хочешь творить только ради себя и своей славы, а не ради людей. Не горюй о потере личного счастья, живи ради других. В этом твое призвание...»

Усталый человек умолк. «А ведь голос оказался прав», – подумал он, обращаясь к собственной жизни и забывая, что только что вспоминал ее как сказку. Впрочем, он постоянно путал правду своей жизни с грустной выдуманной сказкой.

Ганс-Христиан Андерсен (кто не догадался, что речь идет о нем!) смотрел на своих гостей с превеликой нежностью и постепенно стал думать о другом: о том, что все же он не так несчастлив, как ему порою кажется. «Разве я одинок? – говорил он теперь самому себе. – А эти мои творения разве не со мною? И не стали ли благодаря им все дети моими детьми? Нет, я должен даже благодарить свои утраты, иначе я не придумал бы ни одной настоящей сказки»...

Примерно так изобразил современный немецкий писатель Фриц Майхнер^[29] жизнь великого датчанина. А ведь он нашел верный ключ! Разве была сочинена хоть одна хорошая сказка, если настроение ее до того не пережил рассказчик.

Самые чарующие выдумки всегда рождаются в обнаженной правде действительности.

Потому-то мы в них и верим. И потому они нас так волнуют.

Когда я стоял на прибрежном камне перед андерсеновской «Русалкой» в Копенгагене (есть такой прекрасный памятник в честь известной сказки в столице Дании), я вдруг забыл, что она придумана. Мне показалось, что она действительно жила и срок испытания для русалки давно закончился. Ей не пришлось ожидать трехсот лет, что сулили ей дочери воздуха. Она обрела бессмертную душу, но вот принца больше нет...

Печаль русалки передалась мне, и ее ожидание без надежды было для меня ожиданием живого любящего сердца.

Мы как-то говорили о правде чувств. Может быть, еще точнее назвать ее *сокровенной правдой*. Потому что она выражает собою «сокровенную действительность»: не то, что происходит в окружающем, а то, что происходит в глубине души того, кто ее каким-то образом высказывает. Невидимо, но в самом деле происходит.

Высказывал сокровенную правду в своих волшебных сказках и Андерсен. Высказывал и высказывает любой другой художник. Каким бы фантастическим ни представляется иной сюжет, он истинен в сокровенном смысле, если будит в читателе – или в зрителе, в слушателе – ощущения, похожие на те, что были у художника.

И вот что еще особенно здесь важно. У сокровенной правды всегда почему-то огромная притягательная сила. Обычно куда большая, чем у правды внешней, очевидной.

Проделай такой опыт. Попробуй описать по памяти какую-нибудь – и тебе, и всем другим – хорошо известную картину. Скажем, «Аленушку» Васнецова.

Начни с очевидной ее правды – с описания позы девушки, фона, цвета платья, цвета воды... Ручаюсь, у тебя получится немного. Хотя бы ты до этого смотрел картину – или копии с нее – раз сто.

А потом попытайся рассказать о настроении картины, о «внутреннем ее сюжете». И ты сейчас же остро все представишь. Ты испытаешь острую жалость к сироте, боль за девичью беззащитность, а вместе – и светлую надежду: спасет, спасет добрый молодец сиротинушку!

Что же влечет к сокровенному? Какая в нем магическая сила?

Имя ей и есть мечта. Мечтающий больше выглядит самим собой, чем размышляющий. Виктор Гюго сказал однажды: «Обладай наше зрение способностью видеть внутренний мир нашего близкого, можно было бы вернее судить о человеке по его мечтам, нежели по мыслям».

Не потому ли любят фантазировать и взрослые (не только малыши), что выдумкой часто лучше высказать свое глубокое, чем рассудительными словами? «Так беден наш язык, когда пытаешься говорить о сокровенном», – высказывался писатель Василий Белов.

Не потому ли люди не спешат пресечь чужую выдумку – даже не замечают, что это выдумка, – если за ней угадывают что-то истинное?

Мы начали главу с фантазии сказочника. Закончим ее фантазиями путешественников. Возьмем примеры из старинных книг, для нас, современных многознаек, особенно наивных.

Вот отрывок из сочинения некоего Бенжамена де Тюделя, совершившего в 1173 году путешествие по Европе и Палестине и решившего, что он объехал вокруг света. В отрывке описывается Русь того периода:

«Размеры сей страны весьма обширны: от Праги до большого города св. Николая, иначе именуемого Пинего и находящегося на далеком севере. Вся страна покрыта горами и лесами, где водятся животные, похожие на куниц и зовомые соболями. Зимой там так холодно, что жители не могут выйти из своих хижин. Они продают своих детей всем народам. Это все, что я могу сказать о Руси».

Любили пофантазировать о далеких странах и наши предки. Так, в одной из первых географических книг, «Книге, глаголемой Козмография» (XVII в.), говорится о «горах стеклянных, две тыщи верст под востоком солнца, а тут человеком несть жилища, много ж тут великих змей крылатых и до тех гор доходил царь Александр Македонский, и возвратился».

Какие-то азиатские острова, скорей всего Индонезия, описываются в этой книге так:

«В той же части Азии остров на восточном море близ блаженного раю, потому что залетают оттуду птицы райские, и птицам имена гамаюн и финикс, и благоухание чюдное заносят. Второй остров под востоком, живут на нем василиски, лица и власы девичьи, а от пупа хобот змиев крылатых. Близ того ин остров, а в нем родит червь песок златой. Есть же еще остров, а на нем человецы песьи главы, велики и страшны зраком».

Занятно «Историческое и географическое описание острова Формозы», вышедшее в свет в Лондоне в 1704 году. Чего там только нет! И прирученные крокодилы, будто выполняющие домашнюю работу, и морские кони, на которых можно пускаться вскачь, и прочая белиберда.

Достойны ли подобные произведения одной иронии, лишь снисходительной улыбки?

Ни в коем случае. Потому что главное в них – не выдумка.

Главное – настроение, которое они передают. А это настроение правдивое, именно его описывал путешественник. Он именно его испытывал, когда впервые побывал на далеком берегу.

Никто не ездил на морских конях, понятно, что это чушь. Но если бы европейский современник автора «описания Формозы» и впрямь там побывал, то он увидел бы вещи настоящие, которые поразили его не меньше дрессированных лошадок на гребнях волн. Он испытал бы настроение, похожее на то, что было у сочинителя.

Мечту будили эти выдумки (как сейчас – талантливые научно-фантастические произведения), а кто, ею увлеченный, отправлялся сам искать чудесное, тот находил его с избытком.

Впрочем, главное и не в том. Главное, что мечта умножает в человеке человеческое.

Обязательность необязательного

Ты никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно.

У. Блейк^[30]

Многосторонность

Глава эта – о пользе полноты, разносторонности человеческой жизни. Мы будем говорить, зачем человеку нужно всё: наука и красота, труд и домашние заботы, учеба и раздумья над смыслом жизни, развитие всех благих способностей и утоление всех здоровых потребностей.

И дружба, и путешествия, и книги, и развлечения, и мечты.

И обязательное для специалиста, и вроде бы необязательное для него.

Начнем с того, что сразу скажем: человек нуждается во всем, потому что он самой своей природой приспособлен к разносторонней деятельности.

Рыба живет в воде, значит, все ее строение должно быть приспособлено к подобной жизни: жабры, плавники, плавательный пузырь, гибкое и обтекаемое телосложение.

Птица живет на земле и в воздухе, в ее строении необходимы крылья, зоркие глаза, могучий клюв для борьбы и добывания пищи.

Стихия же человека – многосторонний внешний мир, и техника, и произведения искусств, и личности других людей, и общество, и собственный внутренний мир, и взгляды в прошлое, и прогнозы грядущего... Какой же иной природой, как не всесторонней, не универсальной, должен обладать представитель человеческого рода?

Людвиг Фейербах, известный философ-материалист, предшественник марксизма, писал:

«Человек... существо универсальное, оно не является ограниченным и... эта универсальность захватывает все его существо».

И дальше:

«Истина в полноте человеческой жизни и существа».

А еще до Фейербаха арабский философ-поэт Абу-ль-Аль говорил: «обязательно необязательное».

Разносторонность – сила человека. И как показал исход борьбы человека на заре существования, эта сила оказалась посильнее могучей односторонности животных – их развитых органов нападения или защиты, клыков, когтей, рогов, копыт, быстрых ног.

Вооруженное универсальностью, первобытное существо выбилось на дорогу разума.

Не все на той дороге было гладко. Человек что-то приобретал, но и терял при этом что-то. Когда возникли классы и появилось, как говорят философы, разделение труда, человек стал утрачивать разносторонность. Это было ущемлением его природы, болезненной утратой части человеческого. Энгельс писал:

«Вместе с разделением труда делится на части и сам человек. Развитию одной какой-нибудь деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет и разделение труда».

Конечно же, так не может продолжаться вечно. Люди превратятся в винтики машин, утратят свои личности, если не научатся бороться со злом чрезмерной специализации оружием духовной полноты, широкими интересами своей жизни.

«Самоцелью» человека, то есть главной его целью, называл Маркс «целостность развития» (всесторонность), жизнь, при которой «человек воспроизводит себя не в одном каком-нибудь определенном направлении, а производит себя во всей целостности...».

Как же в наши дни люди обучаются разносторонности? И что она им дает в практических условиях их жизни?

Обычно все начинается со школы. На мир здесь смотрят широко, смело взбираются по его уступам. Сквозь призмы разных предметов его исследуют со всех сторон, рассматривают детали. В большинстве школ не принята специализация. Мальчик мечтает стать астрономом, а его обучают и биологии. Девочка грезит о халате врача, но ей приходится решать и «несносные» алгебраические уравнения.

Учат в школе и иному. В классах и вне их стараются привить также общественные навыки, культурность, любовь к знаниям,

трудолюбие. Учат просто учиться. Будят тягу к идеалам, наставляют, как искать призвание.

Словом, вся обстановка в школе: уроки, самодеятельность, встречи, речи, игры, споры, ссоры, кружки, экскурсии, стенгазеты, пионерские и комсомольские поручения – все это уроки разносторонности. Все это шаги к полноте человеческой жизни, а значит, и к тому, чтобы называться настоящим человеком.

Во всех направлениях разбегаются после школы пути ее выпускников. Но каждый, кроме знаний, несет с собой обычно еще одно приобретение: привычку смотреть по сторонам, ко всему относиться с уважением.

Обычная средняя школа не дает выпускнику профессии, но сотни глаз она ему дает, и каждый такой глаз хочет что-то высмотреть. Высмотреть в своем поле зрения, может быть и крохотном.

Разве лишь врожденная одаренность производит все значительное?

А увлеченность! Андрей талантлив, но вял. Борис – талантлив менее, но весь горит, влюблен в свою работу. Кто же сделает больше и прекраснее? Не Борис ли?

А воля и трудолюбие! А просвещенность – богатые и разнородные знания!

А долг, верность, любовь!

Одна писательница писала о своей матери: «О, как мать торопилась с нотами, с буквами, с Ундинами, с Джен Эйрами, с Антонами горемыками^[31], с презрением к физической боли... точно знала, что не успеет, все равно не успеет всего, все равно ничего не успеет, так вот – хотя бы это, и хотя бы еще это, и это еще... Чтобы сразу накормить – на всю жизнь!..

Мать точно заживо похоронила себя внутри нас – на вечную жизнь!..»

Могли ли не войти в произведения писательницы не только знания, полученные ею в детстве от матери, но и любовь писательницы к ней?

Конечно, не могли. Не случайно образ матери потом, постоянно встречался на страницах книг писательницы.

Об обязательности необязательного нельзя забыть и в чисто нравственной области. Например, в форме необходимости платить за все хорошее. Даже – и особенно! – когда никто как будто никакой «платы» от тебя не требует.

Мне раз попало в руки письмо. Писал отец сыну-неудачнику:

«...Я не против того, чтобы ты трясся перед проигрывателем. Я против того, чтобы это было единственной целью твоей жизни. Танцы, музыка, вечеринки, другие развлечения, не оскорбляющие других, никому ничем не вредящие, – все это замечательно! Все это призвано давать человеку отдых, разгрузку тела и мозга после труда, заряжать его бодростью и запасом новых сил. А если нет труда? Если человек только развлекается? Тогда это гадко. Гадко потому, что человек что-то берет от других, от общества, ничего взамен не давая. Так поступают только самые жалкие.

Есть святой извечный нравственный закон: за все надо платить. Взял в магазине кусочек сыра – заплати деньги. Тебе подарили книжку – поблагодари. В автобусе кого-то нечаянно задел – извинись немедленно. Так – во всем. За ласку матери – отплати старанием в учебе. Люди о тебе заботятся – заботься и ты о людях.

А разве ты такой? Всю жизнь только берешь, ничего взамен не давая.

Приучившись все брать даром, человек незаметно утрачивает способность видеть ценности людей и вещей. Мир его становится однообразно мутным, человек незаметно превращается в таракана»...

В заключение – удивительнейшая история, которую, мне кажется, полезно знать моему читателю. История, показывающая, что развитие одного дарования в человеке отнюдь не мешает (некоторые считают, даже помогает) развитию и совсем другого, может быть, и нескольких других.

Жила в Москве перед войной талантливая исследовательница, доктор биологических наук Нина Бернардовна Познанская. Сейчас ее считают одной из основательниц космической биологии. Но, кроме науки, она занималась еще и... поэзией. Писала великолепные стихи, делала замечательные стихотворные переводы.

В начале войны Познанская вместе с институтом эвакуировалась из Москвы в Томск. Там, в 1942 году, она заболела брюшным тифом. И

вскоре умерла. В возрасте 32 лет.

Мать Познанской, Нина Герасимовна Яковлева, известная наша переводчица французской классики (Бальзак, Мольер, Жюль Верн, Анри Барбюс и др.) пережила единственную дочь на три десятилетия.

От родственников Познанской я получил кое-что из стихотворного наследства Нины Бернардовны. В том числе – перевод одной из самых знаменитых баллад на свете «Улялюм» Эдгара По. Великий американский писатель написал ее в 1847 году в память своей жены Виргинии, а Познанская перевела мрачные строфы почти сто лет спустя, незадолго до своей смерти.

«Улялюм» переводили многие, в частности на русский язык – К. Д. Бальмонт, Валерий Брюсов и Н. К. Чуковский. Всех привлекла какая-то *светлая* (совсем не подавляющая!) грусть произведения, его бетховенская музыка и ясно ощущаемый «синий» цвет. Но когда я давал специалистам и неспециалистам для сравнения все четыре перевода «Улялюм» на русский и просил назвать лучший, все в один голос называли перевод Познанской. Вот характерная выдержка из письма:

«Огромнейшее спасибо Тебе за переводы «Улялюм». Особенно хорош один: Нины Познанской. Давно я не испытывала от чтения стихов такого глубокого, прекрасного чувства. Синий, синий стих! Чудный! Я даже сделала ассоциацию к нему. Маме понравилась эта картинка...»

Художница О. Галицкая

Прочитайте балладу в переводе Н. Познанской. Не взволнуют ли прекрасные ее строки и тебя, мой дорогой читатель?

УЛЯЛЮМ

Небеса были тусклы от скорби.
Был октябрь безнадежен и сир.

Словно пепел окутывал мир
Этой ночью, поблекшей от скорби.
Был октябрь безнадежен и сир.
Это было на озере Обер,
В очарованном, облачном Вир.
На пустынном, на сумрачном Обер,
В заколдованной области Вир.

Там однажды дорогой Титанов
Я с Психеей, с душою, блуждал,
Я среди кипарисов блуждал
В колыханье холодных туманов,
Я напрасно покоя искал.
Так у полюса пенится вал,
Лава рвется из жерла вулкана.
Так на Янике, в клубах тумана,
Бьются реки о выступы скал.
В занесенных метелями странах
Бьются реки в расщелинах скал.

И забыли, забыли мы оба
Эту ночь, этот год, этот мир,
Этот в звездах затерянный мир.
Где когда-то бродили мы оба
(Был октябрь безнадежен и сир!).
Мы забыли об озере Обер,
О холодном и облачном Вир,
О пустынном, о сумрачном Обер
В заколдованной области Вир.

Так безмолвно во мгле мы блуждали.
Ночь старела, встречая рассвет.
И о том, что подходит рассвет,
Мы по звездным часам угадали.
Но блеснул, возникая из дали,
Полумесяца призрачный свет –
Мы двурогий венец увидали,

Мы Астарты венец увидали,
Заблеставший меж звезд и комет.

Я сказал: «В колыханье туманов
Над мирами всплывает луна.
Над геенной всплывает луна
В легких вздохах прозрачных туманов.
Злоба Льва для нее не страшна
И над логовом всходит она.
Верь, Астарта нежнее Дианы,
Пусть недвижная мгла холодна,
Но дорогою Леты туманной
Уведет нас на небо луна».

Но Психея печально сказала:
«Нет! Луна беспокойна и зла.
В бледных бликах – пророчество зла.
Нам несчастье луна предсказала,
По неверной дороге вела.
Поспешим, чтоб она не догнала!»
И взмахнули два легких крыла –
Тень от крыльев на звезды легла.
Тень от крыльев на землю легла,
И встревоженно пыль прошуршала
Под печальным касаньем крыла.

Я ответил: «Сияньем Сибиллы
Манит нас этот призрачный свет,
Этот бледный, мерцающий свет
Кристаллический отблеск Сибиллы.
О, не бойся, опасности нет!
Пусть дорогу луна осветила,
Проплывая меж звезд и комет.
О, не бойся, опасности нет!
Если небо луна осветила,
В эту ночь сохранит нас от бед
Кристаллический призрачный свет.

Листья падали, в сумраки рея
(Нас тревожил, нас мучил их шум!).
Убегая от горестных дум,
В чашу леса увлек я Психею.
Дикий северный лес был угрюм.
Листья падали, в сумраке рея...
Вдруг увидел я склон... И, бледнея,
Я сказал: «Он забыт и угрюм.
О, прочти эту надпись скорее!»
– «Улялюм, Улялюм, Улялюм –
Здесь могила твоей Улялюм!»

Это имя дыханием скорби
Всколыхнуло души моей мир,
Я узнал эту ночь, этот мир,
И я вскрикнул: «То озеро Обер!
В этот лес, где скитались мы оба.
Запела меня демонов злоба.
Здесь с тобой я расстался у гроба,
Здесь тебя я сквозь ночь проносил...
Был октябрь безнадежен и сир.
Я узнал – это озеро Обер
И туманы холодного Вир.
Я узнал – это озеро Обер
В заколдованной области Вир!»

...Герой тоскует о своей возлюбленной, которую похоронил год назад. Особая скорбь охватывает его в годовщину смерти, и он, почти потеряв рассудок, отправляется в скитание. Смутное сознание – Психея – понимает ужас происходящего и старается остановить осиротевшего. Но тот ничего не слышит. Он идет, идет, пока безумие не оставляет его. Он прозревает и видит себя у могилы Улялюм. Скорбь и печаль охватывают его с еще большей силой.

Так говорят слова. А что говорит их бетховенская музыка? И что – их синий цвет?

Они описывают душевное состояние героя, которое словами не передашь, но которое не менее реально, чем все вокруг.

Многосторонность личности помогает человеку глубже и полнее понять многосторонний окружающий мир. Об этом – в следующей главе.

Цельный человек, цельный мир

Как ни дробите жизнь, она всегда едина и цельна. Говорят: для науки нужен ум и рассудок, для творчества – фантазия, и думают, что этим порешили дело начисто... А для искусства не нужно ума и рассудка? А ученый может обойтись без фантазии?

В. Г. Белинский^[32].

Полнота восприятий

Многолик внутренний мир людей и многоцветен. Но он един. У цельных натур он особенно прочно взаимосвязан.

Многолик и нерушим в своем единстве и внешний мир. И человек его не только «по частям», не только в виде отдельных деталей ощущает (как говорилось выше в главе о наблюдательности «Волшебные отражения»). Он его одновременно как нечто целое воспринимает.

Восприятие – сложный психологический процесс. Восприятие – это отражение предметов и явлений в совокупности их свойств и частей и в совокупности различных впечатлений на человека. Когда человек что-то одновременно и слышит, и видит, и думает, и сердцем чувствует, притом особенно в отдельные детали не вникает, – значит, он воспринимает.

Не просто «ощущает». И не «наблюдает» только.

У Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» есть такие слова: «...все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается».

В таком же духе высказывался и английский поэт XVIII века Джеймс Томсон; у него есть стихи, звучащие (в моем переводе) так.

Все тесно связано вокруг
(Примеры мы не станем множить).

Цветка ты не заденешь вдруг,
Чтобы звезды не потревожить.

Слова эти широко применимы для внешнего мира и его законов, только не в поверхностном, не в примитивном смысле.

Смешно, когда говорят, что химик Бородин сочинил оперу «Князь Игорь», потому что «химия и музыка близки», а английский математик Доджсон (назвавшись Льюисом Кэрролом) воспользовался «родством математики и воображения» и написал свою известную сказку «Алиса в стране чудес».

Что-то общее между своей наукой и своим художественным творчеством и Бородин и Льюис Кэррол бесспорно чувствовали. Но что именно? Сомнительно, чтобы они всерьез ломали себе голову над этим.

В предыдущей главе мы говорили о единстве многостороннего внутреннего мира. Настоящую главу посвятим единству многостороннего внешнего мира.

Крайности, подобные выше названным (наука и сказка и др.), могут работать в одном направлении, вести действительно к одной цели или продолжать друг друга.

Например, о возможном родстве сказки и науки.

Отметим общее правило сказок: все они оканчиваются хорошо.

Такие сказки, как «Оловянный солдатик» Андерсена, – редкость, да и с плохим ли она концом? Если подумать, то она тоже оканчивается хорошо: ведь солдатик и балерина умирают вместе.

Так почему почти нет сказок с плохим концом?

Не потому ли, что в сказке всегда стараются показать главную мысль: зло обязательно побеждается добром.

Иначе говоря: как утро всегда следует за ночью, так и события (в данном случае – сказочные) всегда приводят к одному результату. А не к разным.

Но ведь это важнейший материалистический закон – основа естествознания! Малыш запомнил сказку, а в школе потом узнал: в науке то же самое. Ну, только выражается иначе.

Вот и выходит: сказка, а ведет в науку. Закон здесь и закон там, получается резонанс – истина плотней укладывается в сознании.

Пример второй: музыка – помощник географии.

Почему в кино играет музыка? Даже если фильм документальный. Ведь в действительности река течет без вальса, а солнце в Африке поднимается без тамтамов. Потому что музыка создает нужный резонанс. Она усиливает настроение от картины и тем помогает глубже все прочувствовать. Значит, и запомнить.

Музыка! А помогает изучать планету.

В этих примерах хорошо показывается особенность человеческой памяти: вбирать событие различными органами чувств, не только одним разумом. Вбирать его головой, кожей, глазами, носом, каждой клеточкой тела, всем существом своим. Откладывать на полочку сознания ком, неизмеримо более богатый, яркий, сложный, чем трехмерное событие на сцене, чем геометрическая стереограмма.

Подобный сложный ком можно назвать чувственной голограммой (от греческого «голон» – целое). Такая голограмма не только смотрится. Она к тому же пахнет, звучит, радует или огорчает, дразнит или смешит, возвышает или принижает – словом, изображает для нас кусочек мира совершенно таким, как его вобрало впечатление: цельным и многогранным.

Человек пришел в картинную галерею. Тотчас остро заработало его зрение: он останавливается перед картинами, впивается глазами в красочные полотна, о которых так много слышал. Но разве автоматически, без ведома его, совершенно бессознательно, одновременно со зрением, не включились и другие органы чувств? Обоняние, потому что есть в галерее свой запах – чистый, свежий воздух. Осязание, так как поверхностью своей кожи он ощущает влажность и температуру помещения. Слух, ибо есть там какие-то приглушенные звуки.

Может быть, даже вкус, особенно если человеку десять лет, и он – девочка, и у нее во рту конфетка.

Участвуют, естественно, и внутренние чувства: и впечатление от картины, и настроение, с каким человек пошел в галерею, возможно, приятное ощущение от публики, и многое другое.

Сложно все запоминая, человек потом так и вспоминает: часто по ничтожному толчку – сложную картину.

Пофантазируем, как могло бы получиться.

Человек родился и прожил много лет в Средней Азии. Потом он стал москвичом и вот однажды на московской улице слышит чуть заметный запах. Человек не заглянул еще в магазин, не увидел там в продаже чарджуйских дынь – гуляби. Но уже голова наполнилась видениями детства: тутовые деревья, арбы, люди в цветных халатах и больших мохнатых шапках. Зажурчал арык, зашпорили гортанные голоса, мальчишки запели свои веселые песни.

Всего лишь слабый аромат, а чего только он не породил мгновенно! И видимость, и звуки, и нежную грусть воспоминаний...

Голограммы, оказывается, замечательная вещь. А ведь они возникают не только случайно. Их можно строить – строить сознательно, разумно.

Не надо лишь забывать, что и их сооружение подчинено определенным законам. Как нельзя написать книгу, беспорядочно расставляя слова, или нарисовать картину, выстреливая в нее красками (хотя, к сожалению, бывает и такое).

В голограмме, где главные действующие лица – кинокадры и музыка, они требуют определенного сочетания. Не всякая музыка, даже очень хорошая, годится для иллюстрации выбранного из фильма кадра. Хотя природа музыки и природа видимости – вещи разные и возбуждение слухового нерва есть нечто достаточно далекое от возбуждения зрительного нерва мозга, но все же в чем-то они, как видно, друг к другу примыкают. Могут даже сливаться в одно целое. Сливаться по какому-то закону – «закону цельности».

Самая большая голограмма, возможная на нашей планете, – это внутренний мир определенного человека, совокупность всех живущих в нем образов и ощущений.

Эта голограмма самая большая, потому что сам человек воспринимает не только чувствами и сознанием, но и подсознательно. Все, что с нами было, мы не просто носим – оно все время явно или неявно на нас влияет. А внешнее, влияющее на нас, приходит только от настоящего (прошлое хранится на полках памяти, во внутреннем нашем мире). Настоящее же просто не успевает вырасти в большую голограмму: то, что мы чувствуем в какое-то мгновение, немедленно вытесняется ощущениями следующего мгновения.

Толчок во внешнем мире, как только что мы видели, способен породить воспоминание: сложную картину внешнего же мира. Толчок

внутри способен породить какую-то картину из мира внутреннего. Разница, пожалуй, в том, что во внутренней голограмме человек может обнаружить много фантастического. Человек, например, спит в душной комнате, ему не хватает воздуха. Если б он задышался наяву, он вспомнил бы, возможно, как полез в водосточную трубу и долго не мог из нее выкарабкаться. А во сне он, может быть, увидит, как его душит Баба-Яга: ведь если б это случилось наяву, у него так же заколотилось бы сердце, так же сдавило бы ему грудь.

Во внутренней голограмме, как и в обычной, не может быть произвольного сочетания частей. Кто как «настроен» (или устроен), тот так и воспринимает. Один настроен «на Чайковского», другой – «на Соловьева-Седого». Третий резонирует и на Бетховена и на современный джаз, а о четвертом все единодушно говорят, что ему медведь на ухо наступил.

Нельзя ругать кого-нибудь за вкусы: они являются последствиями как бы «закона его личности». Они – как весь человек. Можно, правда, воспитывать и вкусы, но решительными средствами: воспитывая человека всего, меняя полностью один его закон на другой.

Очень это важно, чтобы человек, как выражаются, «был цельным». Важно для него самого, потому что с ощущением цельности к нему приходит радость полноты. Важно и для общества, ибо в цельном человеке возникает резонанс, а когда он возникает – человек богаче творчески, он больше отдает другим людям. С ним просто и бывать приятнее: он весь звучит, светится, радуется окружающих.

Радость полноты знакома настоящим художникам, поэтам, изобретателям, всем вообще творческим людям. Правда, не всегда это чувство напоминает обычную радость – ту, от которой смеются, пляшут. Бывает, переживают, чувствуют боль и счастливые. И все же они не променяют ни за что своего переживания на безболезненную, но пустенькую приятность.

Радость полноты – одна из самых высоких, доступных человеку радостей.

Воля только умная хороша

Свобода воли означает... не что иное, как способность принимать решения со знанием дела^[33].

Ф. Энгельс

Разумная воля

Хороший пример того, на что способна свободная воля, приведен в книге «Духовный мир развитого социалистического общества»^[34]. Способность принимать решения показана на событиях периода Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют победоносные наступательные операции, осуществленные в условиях, когда мы еще не имели преимущества перед врагом: «Так, победу под Москвой мы сумели одержать, не имея перевеса над противником в численности войск и техники. Не имели мы численного перевеса и при осуществлении операции окружения и последующего разгрома гитлеровцев под Сталинградом. Эти и другие убедительные факты говорят о неодолимой силе духовных факторов нового общества».

Воля – сила великая, но лишь если она разумная, применяется, как у нас, со знанием дела. Хорошо знать много и уметь глубоко чувствовать. Но тем более важно уметь и управлять в своих владениях толково.

Начинать учиться этому лучше в раннем возрасте.

Вспоминаю, как я впервые задумался над этим.

Чего я особенно когда-то не терпел – это советов, как учить уроки и как проводить свое свободное время. Бывало, все мое тринадцатилетнее мужское достоинство вставало на дыбы, и я обязательно поступал наоборот.

– От четырех до пяти будешь заниматься физикой,– говорила мама.

Я уходил в сад и погружался в Фенимора Купера.

– Теперь можешь часок побегать.

– Что-то хочется еще по алгебре порешать,– отчаянно врал я. – Очень интересно.

Конечно, выигрывать от своего духа противоречия я ничего не выигрывал. Он не давал и ощущения свободы, к которому я стремился. В конце концов это оборачивалось моей же зависимостью от других: поступая обязательно наоборот, я уже тем самым мог до известной степени управляться другими.

Как-то у нас в Чарджу гостил старый папин товарищ.

Они вспоминали юность, ташкентскую гимназию, где вместе учились, называли каких-то бывших одноклассников.

– Н-ну, эти... – с пренебрежением сказал гость. – Что из них могло получиться! Они только дома и были героями. Воображали из себя черт знает что, а сами над собой хозяйничать не научились. Вот и остались бандарлогами.

Помню, я весь похолодел. Ведь это и мне будущее предсказывалось. Не подчиняться другим я научился. А подчиняться себе, подчиняться разуму?

Можно ли задирать нос, если не умеешь собирать в кулак свою волю, свой ум?

Слова о бандарлогах – этих отвратительных обезьянах из бессмертного произведения Киплинга – так меня напугали, что я решил сделать все, что от меня зависело, чтобы самому не стать бандарлогом...

О воле говорят часто и много. Это естественно: она – чрезвычайно важное свойство личности. К тому же проявления воли очень разнообразны. Говорят, что человек действительно волевой, когда он обладает хоть одним из следующих качеств: дисциплинированностью, отвагой, целеустремленностью, решимостью, выдержкой, настойчивостью, самостоятельностью, смелостью, мужеством, стойкостью, последовательностью своих поступков.

Но что такое воля? Большинство, кажется, склоняются к тому, что это – духовная сила человека. Например, Бальзак, великий французский писатель, именно так ее называет. Он писал, сравнивая ее с другой духовной силой – талантом: «Не существует талантов без

большой воли. Эти две силы-близнецы необходимы для сооружения громадного здания славы... Воля может и должна быть предметом гордости гораздо больше, нежели талант».

В обиходе мы тоже молчаливо подразумеваем: «да, воля – это сила». Не случайно не задумываются, как сказать: просто «воля» или «сила воли». Думают об одном и том же.

Однако прислушайся-ка, как осторожно говорят о «силовом» свойстве воли и как подчеркивают некоторые мыслители совсем другое свойство – разумно управлять поступками:

«Твердость (то есть воля. – *В. К.*) есть применение мужества ума: она предполагает просвещенную решимость. Упрямство, напротив, предполагает ослепление» (Вольтер).

«Что же такое воля, как не мысль, переходящая в дело?» (А. А. Бестужев-Марлинский).

«Большая воля – это не только умение чего-то пожелать и добиться, но умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля – это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, желание и отказ...» (А. С. Макаренко).

Мне думается, что в этих высказываниях точнее выражена главная ценность воли. Не сила, а направленность. Не напор, а разум.

Разве все мы не нуждаемся в устойчивости своих «внутренних движений» в такой же мере (если не в большей), как в устойчивости движений своих рук, ног, головы?

Бессилен тот, у кого трясутся руки или голова, у кого ежеминутно подкашиваются ноги. Но не бессилён ли и тот, кто неустойчив в настроениях и желаниях, кто сам не знает – чего хочет?

Есть люди на богатырей ничем не смахивающие. С драконами они не борются, черноморам бород не отрубают. Но воля их нацелена на что-то разумное, – и они побеждают. Таков был, скажем, замечательный русский художник-пейзажист В. В. Крайнов. Он тяжело болел, у него почти не действовали ноги, а руки не могли выдержать тяжести кисти. И все же Крайнов работал: подвязывал руку, чтобы не упала, с трудом, но зажимал в пальцах кисть.

А есть люди противоположные. Воля в них вроде бы есть, да нацеленная странно: либо просто бестолково – в упрямство, в дух противоречия, либо во что-нибудь плохое, например похулиганить. Не скажешь, что человек безвольный, но воля его не украшает.

Не возвышает его, а принижает, выявляет в нем не силу, а слабость духа.

Наделяет его свойством, о котором В. А. Жуковский писал так:

«Упрямство есть слабость, имеющая вид силы; она происходит от нарушения равновесия в союзе воли с разумом... воля, в разрыве с разумом, или не пользуется силой, или употребляет ее во зло; и то и другое слабость...»

Вот и суди – кто истинно волевой человек: тот ли, в чьей воле больше силы, или той, в чьей больше ума?

Конечно, только второй. *Умная воля*, и никакая другая, дает человеку внутреннюю устойчивость, не позволяет ему споткнуться на нелегком жизненном пути.

Только умная воля – надежное до конца оружие борьбы со всякими помехами, трудностями в пути.

Например, с трудностью заставить себя садиться в заранее намеченное время и делать то, что ты наметил. Брать самого себя за шиворот и усаживать работать, не обращая внимания на все протестующие внутренние вопли.

Психолог А. К. Львов писал: «Момент решимости всегда имеет большую, ударную, мгновенную силу, много большую, чем та инерция начала, которую нужно преодолеть. Жалея свои силы, бойся упустить это мгновение».

На процесс «раскачки» или «настройки», в зависимости от воспитания и характера, уходят от трех минут до получаса. Здесь особенно должно проявиться настоящее мужество. Зато как много потом такое мужество дает! Привыкнув еще в юности затрачивать на раскачку мало времени, потом и в зрелом возрасте не прослывешь растяпой.

Некоторым в конце концов удастся вовсе обходиться без раскачки. Таков был, например, И. Е. Репин. Он был настолько поглощен своей работой, что продолжал рисовать карандашом и в присутствии гостей. Если уставала правая рука, он перекладывал карандаш в левую.

Конечно, так увлекаться могут лишь немногие. Но даже помнить о них полезно: это «подстегивает» волю.

Другая помеха, которую преодолевает умная воля – это неаккуратность, неряшливость, особенно на рабочем месте.

Как порой бывает трудно приучить себя к образцовому порядку на рабочем месте – на столе, в шкафу и так далее. Но добиться этого или, в крайнем случае, тянуться к этому по мере силы необходимо каждому.

И тут могут послужить примером известные люди.

Ленин, по свидетельству старого большевика И. Ф. Попова, умел не ища, мгновенно находить каждой вещи должное место в окружающем его обиходе.

У академика В. И. Вернадского книги никогда не были заставлены и не требовали длительных поисков, когда какая-нибудь была нужна.

Поэт Александр Блок сохранял на столе такой идеальный порядок, что, как писал его биограф, «какая-нибудь замусоленная крючковатая рукопись была бы здесь совершенно немыслимой».

Нельзя быть внутренне устойчивым, если у человека слабая память. Интересно, однако, что и память прекрасно воспитывается и развивается. Мне часто попадали в жизни люди, которые рассказывали, что были когда-то рассеянными людьми, а потом постоянной тренировкой выработали в себе нормальную, даже отличную память.

Говорили так и о других.

Никакой, например, особой памятью не обладал в детские свои годы будущий великий геофизик Владимир Иванович Вернадский. А вот образец того, чем стала его память впоследствии.

У академика Вернадского шла консультация о минералах Кольского полуострова. Назвали минерал «виллиомит». «Я признался,– писал биограф Вернадского В. И. Герасимовский,– что просто не знаю такого минерала. Тогда Владимир Иванович сразу же дал характеристику виллиомита и сообщил о нахождении его пока в одной точке земного шара, на одном из островов Лос, возле берега Гвинеи. Затем Владимир Иванович рассказал, когда, кем и где был изучен и описан минерал, привел название журнала. Несколько подумав, он поднялся с кресла, подошел к картотеке, быстро нашел нужную карточку и назвал номер журнала. Тогда меня поразила его огромная эрудиция и память. Дать на память характеристику минерала, известного лишь в одной точке земного шара!»

Хорошая память – результат не столько хорошей наследственности, сколько самодисциплины и воспитания.

Иногда говорят, что людям свойственно забывать, что запоминание, так сказать, «катится вниз», поэтому нужны постоянные усилия для того, чтобы нужное «удержать на поверхности». Исследования ученых не подтвердили этого предположения. Оказывается, у памяти бывают такие особые «точки», когда восстанавливаются даже забытые материалы: например, через 30 минут и через два дня после заучивания.

Как важно в эти именно точки (может быть, они у тебя другие, ну что ж – попробуй их найти!), как важно в эти точки времени взять да и повторить то, что человеку особенно нужно знать.

Исключительно важное значение приобретает волевое воспитание самоуважения для тех, кто остро ощущает отсутствие последнего. Ученые о таких людях говорят: «они страдают «комплексом неполноценности».

«Комплекс неполноценности»... Что за штука такая?

Прямо скажем – неприятная штука. Бывает иногда похуже всякой болезни. Комплекс неполноценности – это неверие в собственные силы, отнесение самого себя к категории «ничем не примечательных людей».

Как правило, здесь нет и тени истины. В самой натуре почти любого человека заложена какая-то примечательность. У каждого где-то пасется собственный конек-горбунок, нужно лишь его выследить и обуздать. Но заболевший «комплексом» не думает об этом. Он сам сочиняет сказку о своей непримечательности.

По тем или иным причинам – от глупого самовнушения, из-за неустранимых физических недостатков, от перенесенных потерь, из-за каких-то неизлечимых (быть может, врожденных) болезней и так далее, – но у человека вдруг появляется чувство крайней самокритики. Он начинает всерьез твердить себе: «Я пустышка, у меня решительно ничего не может получиться».

И у него действительно все валится из рук.

Чаще это встречается в подростковом и юношеском возрасте (вспомните пример в начале книги). Надо бы встать выше невзгод или личных недостатков, а человек не может: не хватает мужества. Возникает мнительность. Какой-то гнусный голос изнутри нашептывает, что все, дескать, тобою помыкают, поэтому и товарищей – или подруг – у тебя нет... Замученный, издерганный человек

выкидывает фортель – совершает два-три и впрямь стыдных поступка. И это часто все завершает: неполноценность без остатка овладевает человеком.

Главное, что получается невероятно глупо. Почти все, кто не поддался странному унынию, излечивались от комплекса неполноценности. Это примечательно.

Назову три имени: Ганс-Христиан Андерсен, Томас Эдисон, Нильс Бор. Знаменитый сказочник, знаменитый изобретатель, знаменитый физик. Вероятно, большинству (если не всем) читателям все имена знакомы. А многим ли известно, что все трое страдали в детстве комплексом неполноценности, плохо читали и писали, не умели в письменной форме выражать свои мысли? Но стали выдающимися людьми, имена их вошли в историю всей человеческой культуры, техники, науки.

Примеры эти полезно всем запомнить. Они весьма существенны, потому что через осознание (мучительное) своих дефектов, через самоунижение в юности, в период созревания проходят многие, если не большинство. И ничего! Потом, смотришь, плеснул пессимист сам на себя холодной воды, встряхнул себя покрепче и неожиданно просиял: «А я, оказывается, вовсе не такой уж безнадежный, что-то во мне все же есть!»

О глупых дурных концах – то есть о примерах победы власти комплекса, – скажу немного. Одни опускаются: утрачивают самолюбие, индивидуальность. Другие ожесточаются, начинают всех обвинять в своей несчастной доле. Объединяет тех и этих их невысокая ценность для общества. Все, что они делают, они стараются делать преимущественно для себя. Остроумно выразился о таких людях декабрист А. А. Бестужев-Марлинский: они «работают, когда нужно, спят, когда можно».

Конечно, все это скверно. Надо всячески стараться не доводить себя до конца дурного.

Всегда ли это возможно?

Всегда. Любой человек способен создать для себя и для окружающего общества жизнь, полную света и радости. Рецепт для этого один: обогащать себя побольше хорошим.

И разумеется, чаще заглядывать в себя. Стараться управлять собою, воспитывать в себе умную волю, а с ее помощью – и

внутреннюю устойчивость.

КОДЕКС РЫЦАРСТВА

Познавай людей

...Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

В. И. Ленин^[35]

Способность видеть свое общество

Поговорим теперь вот о чем: как отражается на внутреннем мире человека то обстоятельство, что он – существо общественное.

«Человек в обществе должен расти согласно своей природе, быть самым собой и единственным, как на дереве каждый лист отличается от другого. Но и в каждом листе есть нечто общее с другими, и эта общность перебегает по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева», – писал М. М. Пришвин^[36].

Нельзя, например, быть свободным от общественных влияний.

В самом деле, ну как от них уберешься? Когда человек пребывает среди людей, они каждодневно и каждочасно вмешиваются в его жизнь. В малом и большом, заметно или незаметно, принужденно или бессознательно – разговор другой. Главное, что вмешиваются повсякому, что человек так или иначе попадает в русло общественных интересов. Одни с ним чем-то делятся, другие – во что-то вовлекают. Вольно или невольно с кем-то он сближается, вольно или невольно отражает то, чем живут все. Посмотрят потом на человека и сразу скажут, откуда он.

Недаром говорится: «с кем поведешься – от того и наберешься», «яблоко от яблони недалеко падает» и т. д.

У внешнего мира нет иной дороги во внутренний мир личности, чем через калитку ее чувств. Личность ставит свою печать на возбуждаемые в ней репликации, но и внешний мир несет свои тона, окрашивает ее в собственные узоры.

Вероятно, прав философ, воскликнувший однажды:

– Если б Аристотель был китайцем, философия его выглядела бы иначе.

Моральное воздействие общества на человека усиливается тем, что тот и материально все больше от него зависит. Поэт Николай Асеев выразил это следующими словами:

От скольких люде» я завишу –
от тех, кто посеял зерно,
от тех, кто чинил мою крышу,
кто вставил мне стекла в окно...
Кто ввел ко мне в комнату провод,
снабдил меня свежей водой,
кто молвил мне доброе слово,
когда еще был молодой...

С каждым поколением, даже с каждым годом, деловое и духовное общение человека с обществом и зависимость первого от второго все возрастает. В наши дни, например, уже не могли бы появиться Робинзоны, отшельники – добровольно или вынужденно утратившие все связи с обществом на годы.

Это утверждение можно проиллюстрировать на примере «последнего отшельника на Земле» – седобородого американца Силвана Харта.

В полном одиночестве Харт несколько десятков лет жил в глуши штата Айдахо на Безвозвратной речке. Он сам себе делал одежду из оленьих шкур. Сам добывал медь, правил и очищал ее, мастерил из нее кухонную утварь. Он даже кремневые ружья и пули к ним выделывал собственными руками.

И все же нет-нет отшельник да и отправлялся в поселок, чтобы купить порох, книги и чай.

Хотя Харт обращался к людям редко, но общество продолжало прямо или косвенно влиять на него.

Общественная атмосфера производит впечатление на человека, даже действуя непродолжительно. Поэтому-то древние греки в период Олимпийских игр устанавливали по всей стране «священный мир». Мудрые люди и в те времена понимали, что человек, угнетенный

думой об угрозе его дому, не появится на соревнованиях в полной форме.

Насколько же глубже проникает, в сердце и сознание людей продолжительное влияние окружающего. А ведь огромное большинство людей находится как раз под таким влиянием.

«Человек – частица общества». Но достаточно ли так сказать?

Человек абсолютно невозможен за пределами общества. Он им создается, в нем живет и соками его питается. Выросший среди людей, трудившийся среди людей и что-то от себя оставивший, человек не умирает до конца, даже уходя из жизни. Покинутый же себе подобными, человек становится, по сути, мертвецом.

Животное может вырасти в лесу, в знойной пустыне, в доме у людей. Но оно всегда останется животным. Собака или лошадь не меняют своей природы, даже когда воспитываются человеком.

Иное дело человек. Едва он вырвался из темного царства зверей, как тут же утратил свойство инстинктивно приспосабливаться к окружающим условиям.

В некотором смысле это огромное преимущество человека: обладая чрезвычайно гибкой и восприимчивой нервной организацией, он способен впитывать в себя огромные знания: его ум может неограниченно расти, развиваться, накапливать «личный опыт» и извлекать из этого пользу.

А в другом отношении это, безусловно, известная ограниченность человека. Он «привередлив». Чтобы из ребенка получился человек, он, как говорилось, со дня рождения должен находиться среди людей. Общество неослабно, неотступно, ежечасно с пеленок должно его воспитывать. Воспитывать словами, примером, помощью.

Известный швейцарский педагог XVIII и начала XIX столетия Иоганн Генрих Песталоцци высказался однажды: «Человека образуют обстоятельства».

Ту же мысль до Песталоцци выражали французские просветители XVIII века Руссо, Гельвеций и другие. Цитируя их, Маркс и Энгельс писали: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими».

Эти слова звучат как призыв, – призыв к лучшей жизни всего человечества. Маркс и Энгельс хотели, чтобы добрые условия

существования для людей воцарились всюду, чтобы все могли воспользоваться преимуществами своей человеческой природы.

Призыв благородный И колоссальный. В нем – задача для истории, для могучих народных масс.

А для отдельной личности? Как пересказывается задача для личности с ее естественно ограниченными силами?

Никак не пересказывается, остается в том же виде. Вовсе человек не столь уж слаб, чтобы нуждаться в снисходительных оговорках. В нем много от возможностей всей человеческой семьи. Родство и взаимозависимость между отдельным человеком и общественной средой гораздо бо́льшие, чем это может и показаться.

Ведь если так очевидно, так разительно выступает роль общества в формировании человека, то можно ли говорить, что индивидуальность, которую он обретает, отражает лишь его – отдельного человека – природу? Ну, конечно, нет.

Индивидуальность человека резко отличается от той, так сказать, одиночной индивидуальности, которой обладают животные. Человек – и в этом главное и решительное его отличие от всех других живых существ – обладает не одиночной, а, если так можно выразиться, общественной индивидуальностью.

Разумеется, личность есть личность, и у людей она значит неизмеримо больше, чем у других существ. Человек, например, отвечает за свои поступки, чего не скажешь о животных. Ведь он имеет разум, он должен предвидеть, к чему приводит тот или иной поступок, животное же действует «импульсивно» – под влиянием толчка, слепого инстинкта.

И все же общественная индивидуальность, которой обладает человек, принципиально новая, имеющая свое единственное на Земле, особое, практическое выражение.

Ведь чем иным, как ни выражением общественной индивидуальности, является наша жизнерадостная ежечасная деятельность, наше мудрое недумание о смерти, наше подсознательное отношение к прошлому, к дорогим нам именам и событиям, как к чему-то никогда до конца не умирающему, а всегда живущему, причем существующему только вместе с нами?

Мы с воодушевлением работаем, шутим, смеемся, строим планы, чего-то добиваемся, что-то остро переживаем, стараемся стать

лучшими. Словом, ведем себя так, как если бы были бессмертными. Никогда, ни у одного здорового, нормального человека, каких бы взглядов он ни придерживался, сознание не омрачается мыслью о конце.

Это ценный дар природы. Правда, он еще не дает нам ясного и простого убеждения: «я никогда не умру». Но приближает к нему подсознательно, приближает, когда человек незаметно отождествляет себя со всем обществом. Говорит «я», а думает «мы», говорит «мы», а в голове четко вырисовывается «я».

Чувствовать так – значит чувствовать себя сильнее. Для этого необходимо воспитывать в себе общественное сознание (или «общественную способность»).

Как?

С одной стороны, выбирая себе друзей, добрую обстановку, круг добрых общественных интересов. С другой стороны, развивая в самом себе умение на все хорошо влиять.

Первое приносит человеку ценные знания, воспитывает в нем разумность. Ведь только так – полезными общениями с людьми перенимает каждый человек духовные богатства общества, культуру.

Особенно обогащается при этом человек социалистического общества. Умение на все хорошо влиять присуще большинству советских людей. Воспитанные на идеях Маркса и Ленина, мы вносим вклад в культуру и своей страны, и всего человечества.

Чтоб пояснить вторую сторону общественной способности, приведу чудесные слова французского поэта Сен-Джона Перса: «Все дороги вселенной берут от нас корм из рук». Каждый, говоря иначе, участвует в большом деле, каждый нужен и для «всей вселенной».

Слова поэта как бы утверждают: делая одно – выбирая в обществе «свое» (и тем молча рассчитывая: «друзья, люди мне помогут»), не забывая другого – что ты отвечаешь за людей тоже, что ты и сам несешь крупицу ответственности за все: и за это вот «свое» и за «всю вселенную».

За «все ее дороги».

Матрос из Чарджуя

Смелость – начало победы.

Плутарх^[37].

Смелость

Ты хорошо знал Шайдакова. Детство рядом провели. Советскую власть в Средней Азии вместе устанавливали.

– О Шайдакове можно слушать без конца, – поддерживает меня Леонид Аркадьевич Костандов. – Необыкновенная жизнь! К тому же он – наше детство...

– Да, – соглашается Александр Тимофеевич Караваев, – имя романтическое. Герой гражданской войны, кумир первых комсомольцев Туркестана. Его имя присвоено улицам в Чарджуе и Ташаузе, теплоходу на Амударье...

Наш собеседник задумывается, а мы устраиваемся поудобней слушать.

Кажется – что общего в наших интересах? Один – министр, другой – контр-адмирал, третий – скромный литератор. Но общее есть – и какое! Все мы выросли в Чарджуе, все учились у моего отца. А Николай Алексеевич Шайдаков – интереснейший человек нашей юности.

– В самом деле, – начинает Караваев, – я и мой старший брат Игнат близко знали Николая. Он был нашим соседом на Уралке, пригороде Чарджуя. Помните Уралку? Низкие мазанки, узкие улицы без тротуаров и освещения, никогда не высыхающие лужи. По улицам мы, впрочем, мало бегали. Больше проводили время на стремительной Амударье. Купались до синевы, грелись на горячем песке и опять плескались. Как наяву, и сейчас вижу ее берега, покрытые густой и высокой зеленью, полями, засеянными главным образом хлопком. Вижу рыбачьи лодки, пароходы Амударьинской флотилии, медленно плывущие по реке. Вы-то их не помните, а я застал, я старше. Сейчас вспоминаю с улыбкой: шесть небольших плоскодонных колесных

пароходов с осадкой чуть более двух футов. А тогда они потрясали. Не только видом, но и громкими названиями: «Царь», «Царица», «Цесаревич», «Великий князь», «Великая княжна Ольга», «Император Николай II»! Видите, помню всю флотилию!

...Тех пароходов я действительно не помню. Но Амударью помню, люблю и я. Для всех чарджуйцев эта была живая нескончаемая сказка.

— Так уж повелось,— продолжал Караваев,— что среди ребят всегда кто-то выделялся, становился мальчишеским вожаком. На Уралке им был Николай Шайдаков: невысокий, плотно сбитый юноша. Карие глаза его смотрели открыто и уверенно. Густые светлые волосы всегда аккуратно причесаны на прямой пробор.

Во время школьных каникул Николай часто ходил в походы с ребятами на правый берег Амударьи, а то и на лодках по реке на остров Кодымкин.

Шел предвоенный 1913 год. И вдруг мы узнаем: Николая призывают на действительную военную службу, на флот. Он уезжает к Черному морю и там, по окончании Одесской школы машинистов, начинает служить на военных кораблях минной бригады кочегаром, затем — машинным старшиной на миноносце «Гаджибей». Незадолго до Октября 1917 года Шайдаков вступает в Коммунистическую партию.

Начинается революция. Николай Алексеевич в составе сводного отряда Черноморского флота под командованием видного большевика В. А. Антонова-Овсеенко участвует в боях против войск белых генералов Корнилова и Каледина. А вскоре и сам возглавляет отряд черноморских и балтийских моряков. Воюет против атамана Дутова под Оренбургом, подавляет контрреволюционный мятеж на землях Бухары, мятеж, возглавляемый самим эмиром Бухарским.

И вот снова родной Чарджуй. Шайдаков — командир первого красногвардейского отряда, сформированного из рабочих порта Амударьинской флотилии.

Сильные бои развернулись 26–27 июля 1918 года в пяти километрах от города в местечке Беш-Арык. В отряде Шайдакова было много и нас, подростков. Нам было приятно сознавать, что командир отряда — бывший наш мальчишеский вожак.

Мы видели и восхищались, как во время атак и контратак поступал наш Николай. Во флотской тельняшке, с лихо заломленной

бескозыркой, с пулеметными лентами наперекрест и маузером в руке, с кривом «Полундра!» поднимал он красногвардейцев в бой.

Бои шли трое суток непрерывно. Наша победа у Беш-Арыка стала началом разгрома белых войск, облегчила положение всего Советского Туркестана...

– Расскажи о подвиге Шайдакова в Хиве.

– Смелость – главное качество, которым отличался Шайдаков, но меня больше всего восхищало, когда он проявлял свою смелость в сочетании с умом и тонкой дипломатией. Как, например, в борьбе с Джунаид-ханом.

– Верховодом басмачей? Главой Хивинского ханства?

– Вот-вот! Знаете его биографию? В конце 1918 года он совершил дворцовый переворот и стал диктатором Хивы. Он завязал связи с англичанами, Деникиным и официально объявил войну Советской России. Сперва он арестовал около ста русских граждан, проживавших на территории Хивинского ханства и забрал их имущество. Чтобы не допустить гибели заложников, в Петро-Александровск направляют Шайдакова. Однако бойцов у Николая мало, и он пытается воздействовать на Джунаид-хана угрозой. Посылает двух парламентариев и требует в ультимативной форме, чтобы хан освободил задержанных.

«В двадцать четыре часа,– писал Шайдаков,– освободите взятых вами в плен русских рабочих и служащих и немедленно отправьте их в Петро-Александровск. Если будет убит кто-нибудь из арестованных или им будет причинено насилие, вы будете отвечать. Советский отряд немедленно перейдет на хивинскую сторону и беспощадно накажет туркменских родовых старшин».

И подействовало, представьте! Русские пленники были освобождены и прибыли благополучно.

Николай Алексеевич возвращается в Чарджуй, но в августе 1919 года его назначают командующим Хивинской (Хорезмской) группой войск Красной Армии и снова посылают в Петро-Александровск. Эта поездка вызвана тем, что Джунаид-хан возобновил подготовку к захвату города. Ему удалось заручиться поддержкой уральских белоказаков и колчаковцев.

Шайдаков первым напал на врага, не дал ему собраться с силами. Бои шли за боями, Николай Алексеевич всегда сам лично руководил

схваткой. Постепенно среди басмачей утвердилось мнение, что он самый умелый и храбрый командир, замечательный кавалерист, отличный стрелок и рубака.

Постепенно революционное движение стало охватывать и левобережье Амударьи. 1 февраля 1920 года части Красной Армии вступили на территорию Хивы, и вскоре там была провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика. Джунаид-хан с остатками войск бежал в пески Каракумов.

И все же нашему земляку пришлось еще раз встретиться с Джунаид-ханом. На этот раз лично!

Произошло это в конце 1923 года, когда Николай Алексеевич работал прокурором в Чарджуе. Неожиданно его вызвали и сказали:

– Все антисоветские элементы опять стекаются в лагерь Джунаид-хана, и он арестовал членов правительства Хорезмской республики. Мы предложили Джунаид-хану встретиться и все уладить мирным путем. Представьте, он согласился, но поставил непременным условием, что такие переговоры будет вести только лично с вами. Подумайте!

– Что же тут думать, – ответил Шайдаков, – я согласен.

Спешно сдав прокурорские дела заместителю, Николай Алексеевич простился с друзьями и семьей и вскоре вместе с кавалерийским полком отправился в Хорезм. Прошло несколько дней, от Шайдакова пришло письмо примерно такое:

«...Получив все необходимые документы, уполномочивающие меня вести переговоры, я в сопровождении моего ординарца, без оружия, направился в стан Джунаид-хана. Недалеко за городом нас встретили два человека, которые сообщили, что им поручено сопровождать нас.

– А откуда вы узнали, что именно сегодня мы должны будем ехать к Джунаид-хану? – спросил я.

– По велению великого и всемогущего хана Джунаида его верные люди находились вблизи тебя, – ответили они.

В пути на все наши вопросы они неизменно отвечали:

– Не знаем, не велено, запрещено.

В басмаческий стан мы приехали поздно вечером. После ужина легли отдохнуть, а утром были приглашены к хозяину. Когда мы вошли

в помещение хана, он тяжело поднялся, подошел ко мне и, пожимая мою руку, стал внимательно всматриваться в мое лицо.

– Вот наконец-то мы и встретились,— сказал он. – Я очень рад видеть тебя моим гостем. Для меня это большая радость. Я очень ценю храбрых и умных воинов, даже если они мои враги.

Он посадил меня рядом с собой, и после обильного угощения мы приступили к переговорам. Я, как мне было поручено, передал Джунаид-хану требование о немедленном освобождении из-под ареста членов Хорезмского правительства. После долгих препирательств и необоснованных обвинений в адрес последних он все же согласился удовлетворить наши требования.

Когда мы прощались, Джунаид-хан, пожимая мою руку, тихо сказал:

– А может быть, останешься у меня?.. Все будет твое...

Эти слова, как огнем, обожгли меня, и я, вырвав руку, быстро направился к выходу...»

– Вскоре,— спокойно окончил свой рассказ контр-адмирал,— от Джунаид-хана к Шайдакову перешла большая конная группа басмачей во главе с Ак-Тельпеком. Будучи дальновидным, уверенным в правоте нашего общего дела и бесстрашным красным воином, Николай Алексеевич взял этого юзбаши (сотника) своим ординарцем, и тот был ему всегда боевым другом.

Один за всех, все за одного

...Поскольку есть у каждого чуткости к страданию за общественные бедствия, настолько он человек.

И. Н. Крамской^[38].

Долг перед другими

Откуда присущие большинству людей чувства острой привязанности к близким и сочувствие к чужой боли, готовность оказать другим помощь и благородная забота о слабых и больных, стремление быть справедливым и осуждение эгоизма?

Все это называют часто результатом социальной, то есть общественной, природы человека. Но ведь проявления иных прекрасных чувств наблюдались и в животном мире.

Об интересном эпизоде рассказал однажды ветеринарный врач М. Ривчун. В одной семье смотрели по телевизору фильм «Ко мне, Мухтар!». Смотрел картину и пес-боксер Джага. Ривчун описывал это так:

«Когда по ходу фильма раздавались команды Мухтару: «сидеть», «стоять», «лежать», Джага незамедлительно тоже выполнял приказания. Услыхав «аппорт!», он бросился к экрану. Не обнаружив «аппорта», боксер пошел за телевизор, но и там было пусто. Его это крайне озадачило. Такую реакцию Джаги можно объяснить хорошей тренировкой, но команду чужого он выполнять не должен бы! Только необычность ситуации может оправдать его.

Мухтар тем временем вступил в схватку с бандитом. Джага бросился на помощь Рванулся к экрану и... заскулил. Увы, он был бессилен. Услыхав стон раненого Мухтара, Джага поднял голову и тревожно и громко взвыл. Потом лег, и все увидели, как у Джаги покатились слезы».

Чем же такое поведение отличается от поведения человека, существа общественного?

Тем, что животное во всех случаях видит только непосредственно видимое, то есть то, что в данную минуту стоит перед его глазами.

Совсем иное – у разумных обитателей планеты. На них действует и невидимое.

Уже у людей каменного века общественный инстинкт был тесно связан с родом. Если тяжело раненный волк настолько перестает существовать для стаи, что она способна его сожрать, то люди даже в доисторические времена помнили не только о живых, но и о мертвых.

– И душили стариков... – напомним мне о варварском обычае.

Да, и душили стариков, чтобы снять обузу с племени.

Душили стариков... и тут же увековечивали их память – запечатлевали образ предков в рассказах и легендах, в наскальных изображениях и изваяниях.

Ушедшие не оставались в долгу перед живыми: они помогали последующим поколениям традициями и правилами, наставлениями и советами, сложившимися на основе опыта и жившими века.

В известном смысле живым помогали и неродившиеся: задумываясь над будущим, стараясь оставить что-то хорошее для потомков, человек поступает в своих делах уже не так, как делал бы для одного себя. Строит долговечные дома и капитальные технические сооружения, заботится о будущем полей и о сохранении памятников искусства.

Потому и выжил человек в неблагоприятных условиях существования: на его стороне было, во-первых, его племя, а во-вторых, люди других поколений. С современниками плечом к плечу в борьбе за жизнь стояли как ушедшие, так и потомки.

Мы знаем этот прекрасный боевой лозунг: «Одни за всех, все за одного». Он прозвучал давно. И помогал людям приобретать ту одухотворенную способность, которая умножала (или возводила в степень) усилия одного. Одного, рвущегося к общей цели.

И сегодня старый лозунг звучит часто. А говорит о чем-то большем, чем в былые времена. Отдельный человек стал сильнее, возможности его несказанно увеличились. Когда он помогает обществу, «идет за всех», он в состоянии сделать нечто значительное, такое, о чем не смели и мечтать его предшественники.

Взросли возможности отдельного человека делать что-то хорошее. А плохое? Увы, подобные возможности увеличились тоже.

«Человек стал гигантом»,— часто пишут бойкие репортеры. Но в том-то и дело, что пока еще нет. Во всяком случае — в массовом масштабе.

Я выразился бы осторожнее. Сказал бы просто: «Человек приобрел гигантский багаж». А уж донесет ли каждый конкретный человек свою поклажу до назначенного места, послужит ли светлomu будущему людей — вопрос особый.

Каждый, вероятно, не донесет.

Увы, разве мало и до сих пор встречается на улицах городов и деревень хулиганов, пьяниц-забулдыг, сквернословов, живодеров... По образованию они наверняка в среднем на несколько классов выше тех, кто буйствовал так же до революции. А разве их назовешь «гигантами»?!

Моральный облик личности не обязательно поднимается на то же число ступенек, как образование.

Особенно это характерно в странах Запада.

Жуткий своими результатами для людей опыт был поставлен Институтом тропических исследований на острове Пуэрто-Рико.

В зоопарке в клетки посадили людей, а обезьян выпустили. Что же произошло? Обезьяны начали вести себя, как некоторые посетители. Они окружили клетки, стали кривляться, тыкать в «царей природы» пальцами, швырять в них объедки и скорлупу от арахисовых орехов...

Люди, сохранившие духовный уровень дикарей, но получившие известное образование, а главное — специальные навыки, страшнее для общества, чем просто людоеды. Цивилизация увеличила их багаж, но какой? Зла, подлости, возможностей «квалифицированно» вредить общественным интересам.

В условиях социализма проявления дикарства — пережитки прошлого. Но надо, чтобы они ушли в небытие совсем. У нас между людьми должны развиваться отношения товарищества, взаимопомощи, взаимной требовательности, честности и искренности, доверия и взаимного обучения.

Принцип «один за всех, все за одного» — один из стержней социалистического общества.

Кто на свете всех сильнее?

Берегите детей и зверей.

Древний афоризм

Долг перед беззащитными

Как-то на Печоре мне рассказали сказку. Это коми-зырянская сказка, вот она.

Тяжела и беспросветна была заячья жизнь. Обижали злые волки, не видели от них зайцы никакого спасения.

Собрались однажды зайцы на лесной полянке и стали жаловаться на свою судьбу.

— Для чего только мы живем на свете! — говорили они друг другу. — День и ночь трясемся от страха, прячемся от ненасытных хищников, не знаем ни минуты покоя. И все равно рано или поздно попадем на волчьи зубы.

— Всего ужаснее, — сказал заяц с разорванным ухом, — что сильнее этих извергов нет никого на свете. Никто им не страшен. А их, наоборот, всякий боится и всякий их избегает.

— Потому они так наглы и с каждым днем становятся все наглее, — вставил заяц с расцарапанным носиком. — Кончится, конечно, тем, что волки сожрут нас всех до последнего.

— Братцы! — в отчаянии воскликнул заяц с перекушенной лапкой. — Раз свет такой, нам в нем не место. Давайте все утопимся.

— Топиться, топиться! — закричали зайцы, и, так как никто не предложил ничего иного, все тут же побежали к реке.

Но только было собрались зайцы прыгать в воду, глазам их представилось поразительное зрелище.

Из густых кустов, бурно разросшихся на другой стороне реки, вдруг выскочил и испуганно заметался по берегу огромный взъерошенный волк. По окровавленным его бокам было видно, что кто-то только что сильно его трепал.

Не успели зайцы опомниться от изумления, как увидели и зверя, оказавшегося сильнее самого волка. Это был могучего вида лохматый пес-волкодав. Выскочив из кустов вслед за волком, он настиг его и, повалив на землю, стал душить.

– Ну, братцы, – сказал заяц с разорванным ухом. – Оказывается, есть кто-то посильнее самого волка. Выходит, свет не так уж плох, раз в нем и на волков находится управа.

– Это собака! – воскликнул заяц с расцарапанным носиком.

– Повременим топиться! – предложил заяц с перекушенной лапкой. – Это мы всегда успеем. Интересно посмотреть, что будет дальше.

Вот на берег вышел человек в высоких сапогах и в потрепанной фуражке. В руке он нес ружье.

Пес тотчас оставил задушенного волка и подбежал к своему хозяину. Тот ласково потрепал его за загривок, и пес, замахав хвостом, весело запрыгал вокруг человека.

– Человек сильнее всех на свете! – закричали зайцы.

– Он добрый! – сказал заяц с разорванным ухом. – Когда я был маленьким, он вынул меня из-под дерева, которое меня придавило, и принес к себе домой. Я прожил у него несколько дней, а потом он сам отнес меня в лес и выпустил.

– Пойдемте к нему! – неожиданно предложил заяц с перекушенной лапкой. – Спросим его: правда ли, что он самый сильный на свете?

Как ни была необыкновенна эта мысль, она всем понравилась. Так как человек успел между тем скрыться, решили бежать к нему домой.

Повеселевшие зайцы понеслись вдоль берега до мостика и, перебравшись на другую сторону, направились туда, где мог жить охотник со своим могучим помощником.

Вскоре они оказались перед небольшим домиком на краю леса и снова увидели человека. Тот сидел на крыльце домика и играл с собакой. Увидев зайцев, человек удивился и спросил:

– Что вам от меня нужно, длинноухие?

Заяц с разорванным ухом выступил вперед и сказал:

– Не сердись на нас, бедных зайцев, но мы пришли спросить тебя: правда ли, что ты самый сильный на свете?

Человек расхохотался и сказал:

– Неправда. Вовсе я не самый сильный. Здесь рядом есть существо гораздо сильнее. Что оно мне прикажет, то я тут же и делаю.

– Какое же это существо? – испугались зайцы. – Может быть, оно страшнее волка?

– Не думаю, – возразил мужчина. – Да вот, послушайте сами...

Из домика прозвучал мягкий женский голос:

– Муженек! Принеси-ка охапку дров. Да смотри, наруби помельче.

– Слыхали? – подмигнул охотник зайцам. – Приказывает! И я не могу послушаться.

Подобрав лежащий на земле топор, он удалился.

Через несколько минут дверь домика открылась, и на его пороге появилась женщина. Она стояла в дверях и, улыбаясь, смотрела на зайцев.

– Так это ты сильнее всех на свете? – закричали зайцы.

Но женщина не успела ответить. В домике кто-то негромко и невнятно залопотал, и женщина моментально скрылась.

Прошло еще небольшое время, и женщина появилась снова.

На этот раз она была не одна. В ее руках, болтая ручками и ножками, сидел веселый маленький ребенок.

– Вот кто сильнее всех на свете! – воскликнула женщина, поднимая ребенка. – Для них мы живем и работаем. Наши дети всех сильнее.

Мораль нехитрой сей повестушки выражена прямо в сказке: *дети всех сильнее*. Сильнее, потому что беззащитные.

Хочу добавить к этой истине, что о ней полезно помнить не только самим взрослым, но и недавно вышедшим из детства. Защита маленьких – начало настоящего повзреления.

Два слова и о других беззащитных, защищать которых – святой долг человека. Это – «младшие братья» людей: зайцы и волки, птицы и рыбы, вообще все живое, включая растения.

Сейчас об этом много пишут, и не удивительно. В мире исчезают безвозвратно ежедневно – один вид животных и каждую неделю – один вид растений. Расцвет техники принес людям не одни удобства. Но и угрозу отравить техническими отходами реки и моря, почву и

воздушное покрывало планеты. Угрозу, усиленную истреблением зверей и птиц бессовестными браконьерами.

Чтобы ничего страшного на планете не случилось, в повзросление людей должно войти и такое чувство, как долг перед всеми беззащитными.

Зеркало, которое говорит

...Каждый отдельный человек должник общества за свое умственное развитие.

Н. Г. Чернышевский

Умение подражать

Маме со мной досталось. Я был упрям, лжив и воровал в саду у старухи Чуйкиной яблоки. К тому же страшно воображал. Меня бесили мамины вздохи («У всех дети как дети») и мамины советы («Не хочешь быть, как Саша, будь хоть, как Яша»). Я отвечал на них, бывало:

– Не хочу быть «другим», хочу быть таким, как есть.

Меня потом так иногда и называли: одни за удобу «Селедкой», другие с обидным смыслом «Такой, Как Есть».

Сейчас вспоминаю об этом с горечью и с усмешкой. С горечью потому, что мучит запоздалое раскаяние (не верьте, когда говорят, что с годами мы забываем близких: они с нами вечно). С усмешкой, так как понял давно, что хорохорился напрасно. Чтобы стать «таким, как есть», надо много перенять у окружающих.

В сущности, вся наша жизнь начинается с подражания. Прислушиваясь к словам взрослых, ребенок начинает говорить. Смотря, как это получается у других, он познает искусство убирать постель и чистить зубы.

Если хорошо подумать, то и учеба в чем-то подражание. Подражают рассуждениям учителей, перенимают у товарищей, как те делают уроки.

По своей способности подражать, учиться, запоминать усвоенное человек не имеет на Земле соперников. Как губка, впитывает он в себя звуки и краски природы, содержание книг и своих занятий, мысли и поступки других людей. Хочет ли он того или нет, он сохраняет на себе след внешней жизни.

Пишу о пользе подражания, а самому так и слышится:

– Выходит, ни в ком нет ничего своего? Все чужое? Но ведь если все будут подражать чему-то одному, то все станут похожими, как котлетки на одной сковороде.

Любопытно, что у опасения такого рода на первый взгляд есть известное основание.

Вот какие опыты ставили некоторые ученые: ленинградец А. Сопиков и независимо от него другие – иностранцы.

Делали так. На двух листиках бумаги рисовали линии – на одном одну, на другом – три. Из тех трех линий, что располагались рядом на втором листе, одна была одинаковой по длине с линией на первом: две другие резко от нее отличались. Все подготовив, спрашивали нескольких человек: какая из трех линий на втором листке, по их мнению, одинаковой длины с линией на первом листке?

Если б всех людей спросили поодиночке, они бы не ошиблись: уж слишком очевидный напрашивался ответ. Но так как раз и не делали, применяли хитрость. Она заключалась в том, что хотя спрашивали каждого по очереди, но в присутствии остальных. Психолог же, проводивший опыт, был в тайном сговоре со всеми, кроме одного – последнего. А все присутствующие, наученные психологом, нарочно подтверждали неправильные оценки.

Как же поступал последний – тот, кто ничего не знал о сговоре и кто единственный – сам того не ведая – подвергался опыту?

Оказывается, он очень чувствовал психологический нажим всей группы. Выполнив ряд опытов (чтобы в каждом проверить одного последнего), ученые убеждались, что более чем треть «последних» отвечали неверно. Испытуемые верили словам других больше, чем собственным глазам! Вслед за другими – разыгрывавшими их – они плели заведомую чепуху.

Поразительно? Пожалуй. И все же этот опыт против подражания не говорит. Он говорит только против слепого подражания.

Пойманные в этих опытах на удочку видели других, себя же самих из-за своей безликости не видели. Настоящий человек, то есть человек, имеющий свою личность, так не поступает. Глядя на другого, он в нем видит также и самого себя (может быть, себя даже видит больше).

Это объяснил Карл Маркс. Вот что он писал о становлении человека:

«Так как он родился без зеркала в руках... то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»^[39].

Что же дает дар «смотреться, как в зеркало, в другого человека»? Да примерно то же, что дает человеку приведение себя в порядок перед обычным зеркалом. Только в смысле внутреннем, духовном.

В обычном зеркале мы видим – и видя, исправляем – свои наружные дефекты: взлохмаченные волосы, плохо повязанный галстук. А глядя на людей, стараемся бороться со своими пороками.

Себе человек склонен прощать многое: присвоенную книгу, обиженного малыша, большое самомнение... Но у других он замечает недостаток немедленно.

Почему же в одно нравственное зеркало смотрясь, на одном «человеке Павле» примеряя свои поступки, люди получают обычно разными?

Потому, что каждый (кроме совсем близких) и в нравственном зеркале, как в обычном, видит вовсе не то, что открывается другому. Он видит себя. А люди разнятся не только внешностью, походкой, рисунком на «подушечках» пальцев. Самые их натуры, характеры, склонности, таланты – всегда неповторимы.

Мы уже говорили: каждый человек – исключительное явление природы. Ни по причинам внешним, ни по причинам внутренним он никогда не может стать полной копией кого-нибудь другого.

Так что бояться заимствовать что-либо у других не следует.

Если, конечно, то, что заимствуется – хорошее.

Пробуждение достоинства

Сознание своего достоинства делает умного человека скромным, но вместе с тем и более стойким.

Ф. Честерфильд^[40].

Достоинство

Что порождает, от какой непостижимой логики у некоторых людей возникает странный взгляд, будто первое проявление своего достоинства – самомнение, яркая самоуверенность?

Почему иные думают, что первым внешним признаком подобного достоинства является выпячивание своего «я», откровенная влюбленность в собственную персону?

Ведь тут нет и тени достоинства. Тут нечто противоположное.

Когда-то было в ходу отвратительное слово «дикарь». Колонизаторы так называли аборигенов – представителей основных народов Африки, Азии, Америки, Австралии.

В том смысле слово больше не употребляют. Освобожденные народы бывших колониальных стран доказали давно, что они не дикари: они создают университеты, академии, музеи. Они учатся и проводят научные исследования, они пишут книги и участвуют в международных конференциях, где рассказывают о своих культурных достижениях.

И все же дикари существуют. Во всех без исключения странах, в том числе и самых цивилизованных. Это люди, не видящие себя со стороны, не понимающие своего убожества. И потому не стыдящиеся себя и не старающиеся стать лучшими.

Обычно у этой публики очень развито то, что в народе называют «грошовым самолюбием». «Самолюбие», образцы которого мы только что приводили. А без кавычек – высокомерие.

Высокомерие – свойство преимущественно пустышек. И часто по одному его наличию можно правильно заключить, что человек беден

духом. Единственное, кажется, исключение отсюда – ложное высокомерие людей застенчивых; но ведь его, по существу, и нет вовсе.

Кто по-настоящему горд сознанием собственной цены (то есть ощущает свое достоинство), тот никогда об этом не говорит, никогда не держится высокомерно.

Напротив, он старается вести себя скромно. Он боится кого-нибудь задеть, обидеть. Чехов говорил: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой». Это справедливо ко всякому достойному человеку вообще. Перефразировав, скажем: достойному человеку бывает стыдно даже перед собакой. Вопреки пословице он заметит скорее соринку в собственном глазу, чем бревно в глазах другого.

Все это надо было сказать, чтобы объяснить, почему часто бывают несправедливы те, кто осуждает людей тихих и робких, застенчивых и нерешительных.

Например, такие:

– Размазня ты, размазня! – обращается папа к сыну. – Делаешь все, словно боишься чего-то. Смотри, какой Коля решительный! За что ни возьмется, раз-раз и сделал!

Учителя расстраиваются, когда у ученика нет ярко выраженного влечения к какому-нибудь предмету. Мечется юнец от одного кружка к другому и нигде долго не задерживается.

Между тем, если речь не идет о каких то ненормальных крайностях (вроде ощущения «комплекса неполноценности»), «тихость» часто бывает лучше иной «уверенности и смелости».

Если под «тихостью» понимают просто скромность, это одно из лучших украшений человека, выражение его душевного благородства.

Совсем неплоха «нерешительность», свидетельствующая о честности человека перед собою, о его глубокой серьезности.

Когда ученик мечется от одного кружка к другому, нигде долго не задерживаясь, не надо торопиться осуждать его за легкомыслие. Человек должен именно найти себя, не взять готовеньким. Найти в результате поиска и проб, а не так, как «находят» адрес за пять копеек в справочном бюро. Ценное не обнаруживается в спешке. Бывает, что мучительно затянувшийся процесс такого поиска приводит к настоящему – большому – открытию.

...И сегодня, как вчера, среди читателей в ходу приключенческие книги. Их авторы – писатели наших дней – часто требуют от своих героев лихих, «сверхчеловеческих» поступков. Беря за образец «сильного человека» из романов Джека Лондона, они облачают его в современные одежды, как бы говорят: «Во все времена таков настоящий человек – уверенный в себе, смелый. Ему следует подражать, он пронизан чувством собственного достоинства».

Обычно мы с удовольствием читаем такие книги. Однако послушайте, что сказал о преклонении перед образом «сильного человека» академик Сергей Львович Соболев, известный математик:

«Джека Лондона и всех певцов могучей личности, которая борется со всем миром и со стихиями, терпеть не могу. Они меня раздражают».

Не все разделяют это мнение. Лондона любят заслуженно, герои его романтичны.

Почему мы посвящаем чувству собственного достоинства специальную главу? Так ли уж оно значительно, чтобы выделять его особо?

Да, это очень значительное чувство. И становление его приходится обычно на такую важную эпоху жизни, как повзросление.

Н. К. Крупская в таких словах описывала период своего повзросления, который начался в год смерти ее отца (Надежде Константиновне тогда было 14 лет):

«Мы остались вдвоем с мамой. Она была очень хорошим, живым человеком, но смотрела на меня, как на ребенка. Я упорно отстаивала свою самостоятельность. Только позже, когда у нас установились уже отношения равенства, мы стали жить дружно»

Повзросление – важный жизненный момент. Для всех заметно, когда отдельный человек вдруг остро и радостно начинает сознавать: «Я – личность. Я – это я!»

Редко, но бывает и так, что эту веху человек не преодолевает. По годам входит в юношество, даже иногда – во взрослость, а по умственному развитию и по знаниям остается на уровне подростка.

Это страшно. Одно дело – сохранять взрослым чистоту и яркость чувств ребенка. Но входить в мир взрослых со знаниями ребенка – страшно.

В заключение несколько слов о достоинстве повзрослевших.

Человек взрослеет. Теперь он ясно видит свои цели, от учебников его не оттащить. Он много читает, думает. Помогает матери во всем, родители им не нарадуются.

Почему же он и тогда не перестает раздумывать о самолюбии, достоинстве? Почему за многое в себе стыдится? Другу признается с горечью, что собой не удовлетворен...

Отчасти потому, что и «взрослое» достоинство можно развивать. Отчасти же потому, что всегда есть опасность незаметно его утратить. Значит, надо постараться лучше понять суть достоинства. А поняв, надо сделать все, чтобы сохранить бесценное человеческое свойство.

Для взрослого многие слова звучат иначе, чем для подростка. Возьмем «пытливость». В мире детства это просто веер любопытства: обдувает со всех сторон впечатлениями, и малыш растет в чистом воздухе. Для ученого пытливость – инструмент науки.

Достоинство «во взрослом смысле» уже не просто самостоятельность. Оно – умение действовать не под влиянием эгоистических требований, а подчиняясь нравственным приказам. По Шиллеру, это выражение благородного образа мыслей. «Власть нравственной силы над влечениями составляет свободу духа, и в явлении она сказывается в том, что мы называем чувством достоинства», – писал знаменитый немецкий поэт и мыслитель в своей философской работе «О грации и достоинстве» (1793).

Когда нехитрым эгоизмом направляется поступок малыша, подростка, доброй девушки 15–16 лет, все это может быть совершенно безобидным, чистым, может не умалять и на крупицу созревающего достоинства юнца, молодого человека.

Совсем иначе выглядит эгоизм у взрослого. Взрослый, руководствующийся в своих поступках не нравственным мериллом, а корыстью, проявляет неуважение не только к другим, но прежде всего к себе, к своему собственному достоинству. Лучшие люди во все времена считали, что это даже хуже, чем неуважение к другим.

«Чувство гуманности оскорбляется, – писал Виссарион Григорьевич Белинский, – когда люди не уважают в других человеческого достоинства, и еще более оскорбляется и страдает, когда человек сам в себе не уважает собственного достоинства».

Многие так высоко оценивали человеческое достоинство, что ставили его выше самой жизни. Известный греческий философ Эпиктет, живший в начале нашей эры (с 50 до 138 года), говорил, например:

«Не то жалко, что человек родился или умер, что он лишился своих денег, дома, имущества: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство».

Приведу еще интересное высказывание советского педагога Василия Александровича Сухомлинского (1918–1970):

«Без самоуважения нет нравственной чистоты и духовного богатства личности. Уважение к самому себе, чувство чести, гордости, достоинства – это камень, на котором оттачивается тонкость чувств».

И с общественной и с личной точек зрения необходимо, чтобы человек постоянно ощущал и ценил свое достоинство. Он должен вечно помнить, что настоящее достоинство проявляется в человеке не тогда, когда он думает: «Я что-то значу для себя». А тогда, и только тогда, когда он начинает понимать: «Я что-то значу для других. Значит, я и действительно стоящая личность».

Поэтическая проза

*В том человека украшение
И честь, живущая века,
Что сердцем чует он значенье
Того, что делает рука.*

И. Ф. Шиллер

Одухотворенность в труде

В детстве я видел в цирке, как человек рисовал пейзаж левой ногой. Для эффекта он рисовал его вниз небом. Потом переворачивал. Нас это потрясло.

– Вот шкет! – неслось из рядов мальчишек. – Ну дает!

Никто из нас не видел еще тогда настоящих художников. И нам казалось, вот он перед нами. Мы дружно приняли циркача за выдающегося живописца.

Сейчас, конечно, и вспоминать смешно. А между тем какое-то мастерство мы все же видели: мастерство фокусничества, ловкости рук... То есть я хотел сказать – ног.

Сейчас я того циркача уважаю уже и по-взрослому. Он был артистом – представителем профессии столь же почтенной, как все другие. И он умел показать ее поэзию, умел вызвать восхищение ею.

Есть ли лучшее доказательство того, что человек нашел себя, решил главную личную задачу всякой жизни: выйти на свое направление к счастью.

Многие убеждены, что для того, чтобы выразить свое поэтическое чувство, надо обязательно писать стихи. Только, мол, с их помощью можно выразить, что лежит на сердце, и донести лежащее там до другого сердца.

«Слово, идущее от сердца, проникает в сердце», – говорил азербайджанский поэт Низами.

В действительности поэтические возможности человека много шире. От сердца начинается любимый труд, и он тоже не может

оставить равнодушным чужое сердце.

Возьмем, например, учителя, представителя одной из самых благородных, но и будничных, «прозаических» профессий. Разве не говорят о некоторых: «Как он великолепно преподает! Он настоящий мастер, он художник своего дела». Что это значит? Это значит, что ученики, затаив дыхание, слушают учителя, что учитель раскрывает им глубину и красоту своего предмета.

Дело, как ты понимаешь, даже не в богатстве знаний. Можно много знать, но не уметь зажигать сердца. Урок такого педагога (перечисление известных фактов, раз навсегда данных истин) тягостен и скучен. Ученики в лучшем случае вызубрят преподанные истины. Но специальность в будущем, конечно, постараются выбирать подальше от знакомой скукоты.

А вот другая область.

Жил-был замечательный советский писатель Андрей Платонов. Сын слесаря-железнодорожника, сам в прошлом рабочий, он некоторое время ездил на паровозе в качестве помощника машиниста. Вот как в одном из лучших своих рассказов «В прекрасном и яростном мире» (подозреваю: биографическом) Платонов описал труд машиниста Мальцева:

«Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним. Глаза Александра Васильевича глядели вперед, как пустые, отвлеченно, но я знал, что он видел ими дорогу впереди и всю природу, несущуюся нам навстречу,— даже воробей, сметенный с балластного откоса ветром вонзающей в пространство машины, даже этот воробей привлекал взор Мальцева, и он поворачивал на мгновение голову за воробьем: что с ним станет после нас, куда он полетит?»

Внезапно Мальцев ослеп, но его помощник даже не заметил этого: настолько машинист сросся с окружающим, настолько ясно «видел», что было нужно, и без глаз.

Иногда считают, что увлеченность своим трудом у поэтов и вообще представителей искусств выступает ярче, чем, скажем, у рабочих. Куинджи, великий русский пейзажист, мог, говорят, заплакать от восторга, увидев восход луны. Лесоруб навряд ли заплачет при виде

сосны, которую вот-вот повалит. Но чувства, обуревающие обоих, могут быть примерно одинаковы.

Кажется, какая может быть красота в работе топором и пилой, в работе, главная цель которой побольше кубометров? Но только тот, кто никогда не видел, как вершат свое дело настоящие лесорубы, способен всерьез задуматься над таким вопросом.

Я видел на нашем Севере и могу заверить: наслаждение смотреть, как они работают. Вот подлинный гимн труду! Гордые лица спокойны и сосредоточенны. Движения уверенны и неторопливы. Чувствуется, что человек наполнен сознанием своей силы и умения, хотя, конечно, не думает об этом.

Конечно же, у истинных лесорубов не одни кубометры и рубли на уме. Они не променяют свою профессию на другую ради того лишь, чтобы больше заработать. Если они подлинные мастера, им доступна поэзия их дела.

Да, дело не в названии профессии. Встречаются художники, писатели, музыканты, которых правильнее считать ремесленниками. Кстати, их совсем немало. Любому попадаются их произведения. С какой стороны к этой публике ни подходи, морально ее труд ниже труда одухотворенного ветеринара.

Вот как в учебнике психологии описывается это высшее свойство труда:

«Одухотворенность предполагает эмоциональную приподнятость отношений человека к другим людям, к жизни. Способность видеть новое и красивое в повседневно окружающих людях и предметах... оптимизм, умение тонко чувствовать комическое и трагическое, творческое отношение к труду, любовь к жизни, целеустремленность – все эти качества личности, самым тесным образом связанные с воображением и чувствами, определяют в целом одухотворенность как черту личности»^[41].

Всего, пожалуй, интереснее в этих словах настойчиво повторяющаяся мысль, что одухотворенность, хотя и начинается с отдельного человека, является «чертой личности», но служит интересам всех: и человеку, и его обществу. Разве не в интересах общества «приподнятость отношений человека к другим людям, к жизни», «способность видеть новое и красивое в повседневно окружающих людях и предметах».

Одухотворенный труд при социализме пронизан пламенным стремлением человека дать людям, своему обществу возможно больше собственных богатств. Художник дела словно сам себя торопит, сам себя старается превзойти. Он мог бы свободно сделать девизом своей жизни слова французского поэта Сен-Джона Перса: «И пускай могучий порыв ветра нас несет до пределов возможного или дальше этих пределов».

Одухотворенный труд есть непрерывно отдаваемая красота. А так как эта красота никогда не возникает сама собой (она высший результат сокровенного преобразования человеком внешней красоты), то мы ту же мысль можем высказать иначе. «Повернув» ее, напишем: среди ценнейшего, во что человек способен превратить впитанную красоту, есть одухотворенный труд.

Чтобы выучиться чему-то простому, механическому, не надо особенно мучиться. Да кто угодно может без особого труда приладиться водить рубанком. Нетрудно научиться мазать кистью по холсту и тренькать на балалайке.

Но в основе настоящего одухотворенного труда никогда не бывает «легкости». Бывает обязательно другое: призвание и ярко, выраженная склонность, усидчивость, воля стать настоящим мастером и бездна, бездна труда. Немножко гениальности и много-много пота, как говорил художник Репин.

(Почему-то крылья за спиной у человека не вырастают сами собою: каждое перышко надо с силой день за днем вытаскивать наружу.)

И обязательно бывает много героического запала. Быть мастером своего дела и не быть одновременно героем (хотя бы в душе) невозможно.

Отражая красоту души труженика, одухотворенный труд отражает и его постоянную готовность к подвигу. К подвигу большой силы.

Однажды в село Утевка, что на Волге, пришло письмо из Югославии.

Автор письма – историк живописи и реставратор Здравко Каймакович сообщил:

«Проводя учет памятников культуры, я обнаружил в селе Пуричиц картину, которую делал ваш земляк Григорий Журавлев. Я подумал, что это произведение художника с академическим образованием, и

текст, написанный белой краской на картине, является обычной мистификацией... Какова же была моя радость, когда через Государственный архив СССР я узнал, что такой феномен, каким был ваш земляк, действительно существовал и, преодолев жестокость природы, сумел подняться до завидных высот художественного искусства. Текст на картине гласит: «Сию картину писал зубами крестьянин Григорий Журавлев в Утевке Самарской губернии. Безрукий и безногий. 2 июля 1885 года».

В селе Утевка до сих пор помнят своего талантливоего земляка. Сохранилась и его фотография.

По рассказам односельчан Григорий Журавлев умел многое из крестьянских дел, даже править лошадьми. Несмотря на свои физические недостатки, он в детстве каким-то образом умудрился посещать школу и удивил учителей каллиграфическим почерком.

Впоследствии у него самого появились воспитанники – дети, он обучал их живописи.

Что в этой истории более всего волнует? Торжество таланта? Победа воли? Это бесспорно привлекает тоже, но мне кажется, главный герой истории – труд, одухотворенный труд.

Пример из мира техники.

В конце XIX века в Курске жил мальчик Толя Уфимцев, поражающий учителей необыкновенной страстью к математике и технике. Трудно сказать точно, что зажгло эту страсть: завалявшиеся ли дома на чердаке старые чертежи деда, самоучки-астронома, или интересные уроки, но факт тот, что какая-то искра воспламенила юное сердце, и мальчик стал усиленно работать в избранном направлении.

Придя домой из школы, Толя Уфимцев забирается на чердак, разбирает там книги и чертежи и мастерит удивительные приборы. В двенадцать лет он самостоятельно построил паровую машину с золотниковым парораспределением. За ней последовали динамомашины и планер, оставшийся, правда, незавершенным: простыню для его обтяжки мальчик стащил у родителей, а они ее нашли и отобрали.

Уфимцеву не удалось получить нормального образования. Он рано познакомился с нуждой, за связь с революционерами подвергался всяческому преследованиям.

Но в нем был могучий внутренний настрой, и лишения его не сломили. Он стал выдающимся изобретателем, создал массу

конструкций самого различного назначения — от патронов для шомпольных ружей до типографской скоропечатной машины и самолетов.

Крупнейшие наши ученые с уважением отзывались об Уфимцеве — Н. Е. Жуковский, В. Г. Шухов и другие. Максим Горький назвал его «поэтом в области научной техники».

Жизнь Уфимцева ничем не походила на жизнь Журавлева. Но одно сближало самородков: их отношение к своему делу, подвиг труда. Одухотворенного.

И знание – сила. И сознание – сила

Для меня нет интереса знать что-либо, хотя бы и самое полезное, если только я один буду это знать. Если бы мне предложили высшую мудрость под неперменным условием, чтобы я молчал о ней, я бы отказался.

Сенека^[42].

Сознательность

О многом говорилось в предыдущей главе. Но в то же время и об одном: что знание (в данном случае – своей специальности) только тогда используется по-настоящему, когда в этом участвует сознание (сознание энтузиаста, поэта дела).

Заметим сразу, что речь идет не о сознании в научном смысле. То есть не о том сознании, которое имеется в виду в выражениях: «материя первична, сознание вторично», «материя – объективная реальность, а сознание – субъективная реальность» и т. п.

Для нашей темы важно слово «сознание» в более житейском обиходном смысле. В смысле «сознательность». То есть в том, что имеют в виду, когда говорят: «Он сознательный человек – ему интересы общества дороже личных»! Или если привести опять же трудовой пример: «У нас в цехе народ сознательный – контролерам можно не проверять работу рабочих».

Словом, будем пользоваться моральным смыслом.

Сознание – это доброе отношение к людям, к делу.

Договорившись о таком понимании слова, мы можем легко провести разницу между знанием и сознанием.

Знание лежит в основе образования, сознание – в основе поступков и ума.

И хотя каждое из этих двух достижений облегчает приобретение другого – образованному легче стать умным, чем необразованному, а

умному человеку легче получить образование, чем человеку глупому,— но в общем-то это вещи разные.

«Не смешивайте, пожалуйста, образование с умом»,— говорят часто.

О разнице между знанием и сознанием можно сказать еще и так: знание больше *мне*, сознание больше людям.

Ну кому, в самом деле, кроме меня, нужны мои аттестаты и дипломы, если я один наслаждаюсь полученными знаниями? Мои драгоценные бумажки приобретают ценность и для других лишь тогда, когда эти другие видят и для себя прок от моих знаний.

Психологи наделяют ум массой всяких свойств^[43]. Тут и пытливость, и глубина, и логичность, и доказательность (то есть умение обосновать свой вывод, свое решение), и гибкость и подвижность ума, и многое другое. Но все служит единой цели: побольше «выудить» из знаний одного для пользы многих.

Что же ценнее: знание или сознание?

На мой взгляд, сознание ценнее.

Приведу пример. Он, правда, из области гипотез.

Вспомним: человечество шло вперед благодаря не столько своим знаниям, сколько сознанию, развивавшемуся вместе со знаниями.

Один английский египтолог, то есть специалист по истории Древнего Египта, сделал интереснейший доклад. Доклад назывался: «Зачем фараоны строили пирамиды?»

Вот его суть.

Всегда и все считали, что фараоны строили пирамиды, чтобы увековечить себя. Однако и раньше и сейчас червь сомнения точил иных ученых: привычное объяснение плохо уживалось с логикой.

Ведь пирамиды строились десятилетиями, а в их строительстве участвовали десятки тысяч человек. Что руководило фараонами?

Честолюбие?

Неужели же у молодых — или в зрелом возрасте — египетских царей не было иных способов утолить свое детолюбие, чем погрузиться на всю жизнь в заботы о собственных комфортабельных похоронах?

Положим, «похоронное честолюбие» овладевало стариками.

Но и тут есть неувязка! Какой фараон в преклонном возрасте мог рассчитывать всерьез дожидаться окончания строительства?

Словом, привычное объяснение исходило из того, что египтяне эпохи пирамид были довольно бестолковы. Но ведь это никак не вяжется с многовековой и высокой культурой Древнего Египта, с его достижениями в области астрономии, математики, сельского хозяйства, медицины, строительного дела...

Где же правда? Зачем фараоны строили пирамиды, если строили их сознательно?

Докладчик выдвинул свою гипотезу. Ссылаясь на достижения египтологии последних лет, он доказывал, что время строительства пирамид (в 3 тыс. до н. э.) было мирным временем.

Войн не было, большинство солдат было распушено по домам. Полевые работы в долине Нила связывались с его разливом и продолжались лишь небольшую часть года.

И вот кое-кто из умных фараонов (или их советников) придумал для них занятие. В периоды межсезонья мужчин стали собирать на стройки гигантских гробниц.

Гробницы сами по себе, конечно, были достаточно бесполезны. Но строительство их принесло свою пользу: оно сохранило египетскую культуру, спасло ее от той разлагающей праздности, которая много веков спустя погубила Древний Рим.

Может быть, гипотеза не подтвердится. Может быть, напротив, будет признана большим открытием. Все равно она для нас интересна. Она убеждает: если так и не было, то та'к могло бы быть.

Когда есть знания, но больше ничего, они могут служить и против людей. Когда есть сознание – наше, социалистическое, – оно работает на людей.

Продолжая наш разговор о понятии «сознание», мы скажем: сознание можно понимать и как благородный настрой души, как то основное, без чего вообще не бывает настоящей общественно полезной деятельности. Знание, конечно, сила, но сама по себе слепая сила. Ее можно повернуть как угодно, и лишь в хороших руках она ценна. Знание – добрая сила, лишь когда ею пользуются сознательно.

У Ньютона однажды упала свеча на ценные вычисления, продукт двадцатилетнего труда, и они сгорели. Он очень долго переживал утрату, был вне себя. Но потом все повторил, восстановил работу. Сделал ли бы это человек, способный только вычислять, но не обладающий невероятным внутренним мужеством, иначе говоря,

сознанием важности своей работы и того, что никто, кроме него, автора, этой работы не восстановит?

Едва ли.

Или вот пример: Николай Алексеевич Островский. Прикованный тяжелой болезнью к кровати, постепенно слепнувший, он написал свою первую повесть Она пропала при пересылке. Островский написал ее вторично, все от начала до конца, не имея копии первого варианта (ее не было вообще). Второй вариант увидел свет и принес писателю известность. Разве и этот случай – не свидетельство великой силы сознания?

Приведу пример развития сознательности из повседневной жизни, из наших будней.

Одного рабочего, слесаря шестого разряда и ученика вечерней школы, спросили на выпускном экзамене:

– Что вы теперь намерены делать? Поступите в институт? Перейдете на более «чистую» работу в контору?

– Ни то и ни другое, – спокойно ответил рабочий. – Останусь в цехе на том же месте, с тем же шестым разрядом.

– Какая же вам польза от аттестата?

– Будто не знаете! Буду себя лучше чувствовать на старом месте. Умнеют разве одни только люди? Умнеют и верстаки...

Парень ответил точно, и понять его нетрудно. Пусть даже на верстаке ничего существенного не изменилось (что, впрочем, маловероятно за заметный срок); но верстак ведь часть завода, а уж завод-то не может непрерывно не повышать свою научную и техническую культуру, не увлекаться общим потоком жизни всей страны. Течение, как на реке, подхватывает вперед все, даже притулившееся к берегу: отдельные устаревшие станки и верстаки, редких чудаков, не признающих современной техники. То на верстак начинают поступать детали новой, сложной конструкции, то стал известен небывалый способ обработки. То, наконец, кто-то вызвал консерватора на соревнование, а ударять в грязь лицом не хочется и консерватору...

Стремление рабочего понятно и похвально. Похвально, когда человек развивает свое сознание сознательно, когда он кропотливо и с умом старается усовершенствовать свой ум.

Где лежит край света?

Может быть, и вправду мир совсем не так обширен и беспределен, как мы думали? Нет. Все-таки нет. Как раз наоборот – в наши дни мир расширился... Пусть нам кажется, что расстояния сократились. Зато впечатления умножились. Все равно, что жизнь удлинилась...

Н. Н. Михайлов^[44].

Чувство современности

Тема географического вечера восьмиклассников одной из школ Ленинградской области звучала поэтически: «Путешествие на край света».

С выдумкой был оформлен зал. Огромная, во всю стену, контурная карта СССР служила главным фоном. С потолка спускалась большая модель компаса. Были и другие модели: самолета ТУ-104, подводной лодки, теплохода, электровоза. Повсюду красовались, сделанные всем классом, рисунки-сопок, восхода и захода солнца, вулкана, часов. Привлекала остроумно составленная викторина «Вокруг света».

Слушались доклады о Владивостоке и о Камчатке, о Сахалине и о Курильских островах, о славном путешествии В. К. Арсеньева и о его книгах...

Не все шло гладко в выступлениях ребят, особенно вначале. И запинки были, и скованность иных докладов: чересчур уж «писаного» придерживались, боялись говорить свое. Но в целом вечер получился, потому что доклады были интересными, показали жизнь удивительного края.

Потом гости разошлись. Их было немало: ученики из других классов, некоторые даже из других школ, соседних по району. Остались устроители, девочки и мальчики из 8-го «А», а с ними

учителя, родственники. Расселись кто куда и принялись делиться впечатлениями.

– Вышло хорошо,— сказала Мария Ивановна, пожилая учительница. – Смотрите, какие вопросы задавали!

– Край света! – воскликнул капитан дальнего плавания, один из приглашенных на вечер. – Вот и манит, дразнит воображение.

– А почему говорят «край света»? – спросила пятнадцатилетняя Таня Сорокина. – Ведь на самом деле там никакого «края» нет. Дальше Тихий океан, Япония...

– Хороший географический образ, вот я его и взяла для вечера,— пояснила Галина Анатольевна. – А вообще-то «край света» перестал быть географическим понятием. Сейчас, мне кажется, так можно назвать любую область, которая манит человека и сулит ему находки и открытия. Я хочу сказать, что у каждого человека может быть свой «край света». В зависимости от того, к чему человек стремится, достичь чего мечтает.

– Вы правы,— сказал капитан дальнего плавания. – «Край света» проходит через сердце каждого. Но разрешите сделать маленькое добавление. Самый интересный «край света» все же у того, кто мечтает о далеком. О *географически* далеком, например, о Сибири, о Крайнем Севере, о Камчатке. Эти районы все же меньше исследованы, чем к нам близкие, поэтому сулят особенно много интересных находок.

– Вы мне напомнили один урок в ленинградской школе,— заметила Мария Ивановна. – Хотите, расскажу? В классе писалось сочинение, тема: «Байкал и я».

Как хочешь, так и понимай. Но, в общем, большинство правильно поняли. Почти все написали, отвечая на вопрос: «Что я стал бы делать на Байкале?»

Все написали разное.

Один заявил, что на одной из рек, связанных с Байкалом, стал бы строить электростанции. Что же, ответ был неплохой. Ученик рассуждал обоснованно. В Байкале так много энергетических возможностей, как ни в одном другом озерном водохранилище мира. Одна только Братская ГЭС на Ангаре, вытекающей из Байкала, смогла бы обеспечить электроэнергией Финляндию, Бельгию и Данию, вместе взятые.

«Я бы стала изучать неповторимый животный мир Байкала», — написала девочка. Понять можно и ее. В этом удивительном озере-море, где собрана одна пятая часть пресной воды всего земного шара, из 1219 видов животных — 708 не встречаются больше нигде.

Другая девочка выразила желание превратить все Прибайкалье в гигантский заповедный парк, куда могли бы приезжать на отдых и для туризма люди со всей страны, даже «хоть со всего света».

Словом, все выдали себя с головой: раскрыли, кто к чему стремится, показали свои склонности. И хотя потом разбор сочинений приковал внимание всего класса, как увлекательная Игра, но, в общем, все было вполне серьезно. Многие подумали о своих будущих дорогах.

— Кажется, результаты урока подтверждают ваши слова, — сказала в заключение Мария Ивановна, с улыбкой обращаясь к капитану. — Байкал далеко, поэтому и интерес к нему такой!

— А мне кажется, совсем не потому, что Байкал далеко, а потому, что, напротив, он к нам сегодня очень близок, — возразил кто-то. — Мы много думаем о нем, пишем, обсуждаем в газетах его дальнейшую судьбу. Байкал стал острой проблемой современности.

В конце концов согласились на том, что самые счастливые те, кто умеет видеть сегодняшний день, нашу современность.

Кто ясно понимает современную ему жизнь, кто остро чувствует, что делают, к чему стремятся люди, кто, наконец, и сам за все это «болеет», тот обладает тем, что называют чувством современности.

Это большое чувство. Оно создает особенно хороший внутренний климат для человека, ищущего свое призвание, и оно на пользу всем: и обществу, и человеку. Обществу, потому что люди счастливые и удовлетворенные своей судьбой лучше ему служат. Человеку, потому что у кого есть чувство современности, тот легче находит свое призвание. Не отвлеченное, не такое, которое трудно осуществить, а призвание в окружающем мире, призвание среди людей.

Расходились поздно, и почти все — в приподнятом настроении.

Для многих вечер стал первым серьезным разговором о жизни.

Возможно, кой-кого из старшекласников он даже научил чуть-чуть смотреть на окружающие дела глазами их соучастников.

Звездные минуты

Гёте говорит:

*– Добро потеряешь – немного потеряешь!
Честь потеряешь – много потеряешь!.. Мужество
потеряешь – все потеряешь, лучше бы тогда совсем
не родиться.*

*Это величайшая истина, и потому-то, когда я
сознаю совершенную потерю духа, я паду.*

А. И. Герцен^[45]

Мужество

Слово «подвиг» чаще всего ассоциируется со словом «война» – и это не удивительно: где, как не на войне, человеку вечно грозит смертельная опасность. В бою он может совершить поступок, который оценят как героизм и который поможет Родине в трудную для нее минуту.

В Советском Союзе много подвигов совершилось на войне. Имена таких людей, как Н. Ф. Гастелло, Александр Матросов, И. Н. Кожедуб, известны всему советскому народу и многим за пределами нашей страны.

Нет-нет и сейчас в газетах и журналах опишут военный подвиг, о котором почему-то раньше знали мало или даже совсем не знали. Находят, в частности, людей, повторивших подвиг Гастелло или Матросова. Так, 1 августа 1974 года в «Вечерней Москве» подробно рассказывали, как шестерка самолетов ИЛ-2, ведомая старшим лейтенантом С. В. Милашенковым, поднялась 14 июля 1944 года в воздух для уничтожения танков и артиллерии гитлеровцев в районе пункта Микуличи. Самолет Милашенкова был подбит, и он направил свою горящую машину на автоколонну противника...

А вот подвиги мирного времени.

Бесстрашно 16-летняя комсомолка бросается в водоворот, чтобы спасти тонущих детей.

Узнав о страшных ожогах товарища, рабочие требуют, чтобы у них немедленно взяли участки кожи для пересадки.

Рискуя жизнью, молодой шахтер предотвратил пожар и взрыв шахты.

Бывают и другие публикации.

...В Тихом океане гибнет итальянское судно «Джиованне Лали Гетти». На судне произошел взрыв и много раненых и обожженных. Людей пытаются спасти, но в районе бедствия – ни одного медика. Капитан советского теплохода «Новиков-Прибой» А. Коротаев от места взрыва далеко, но на его теплоходе есть врач, и Коротаев, быстро оценив ситуацию, приказывает изменить курс. Вскоре советский теплоход пристает к борту норвежского корабля, подобравшего избежавших гибель итальянцев. Врач И. Гильфер переходит с советского корабля на норвежский, чтобы оказать необходимую помощь раненым.

Мы читаем о подвигах и за рубежом.

Вот негритянский священник Мартин Лютер Кинг борется в Америке за права негров. Он часто публично выступает. Он не боится угроз, но падает, сраженный пулей расиста.

В Норвегии устанавливают (в 1967 г.) бронзовую статую десятилетнему мальчику Кнуту Хенингу. За что? Плохо умея плавать, он тем не менее, не задумываясь, бросился в море, чтобы спасти упавшего в волны шестилетнего Оле Андреаса.

Мужество – в природе всякого человека. Даже тот, кто не обладает им и в малой степени, испытывает потребность в мужестве, страдает из-за его отсутствия, как может страдать человек, лишившийся слуха и зрения.

Правда, часто трудно установить: у кого мужество есть, а у кого оно отсутствует. Героическое порой просыпается в человеке неожиданно как для других, так и для него самого.

Лермонтов писал в своей неоконченной юношеской повести «Вадим»:

«В важные эпохи жизни иногда в самом обыкновенном человеке разгорается искра героизма, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он совершает дела, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым даже после он сам едва верует».

Искры героизма в отдельных людях разгораются в важные эпохи жизни и целых народов. Вспомним первые дни после победы Октябрьской революции.

Однажды – это было осенью 1920 года – в молодую Советскую республику приехал знаменитый писатель западного мира Герберт Уэллс. Он встречался с Лениным, разговаривал с ним. Он знакомился с тогдашними Москвой и Петроградом. Потом вернулся в Англию и написал книгу «Россия во мгле».

Книга эта – свидетельский документ, документ тем более ценный, что составил его человек, отнюдь не сочувствовавший революции, даже откровенно к ней враждебный. Но Уэллс сочетал враждебность к революции с остротой взгляда и известной объективностью, желанием увидеть правду.

Вот что писал Уэллс:

«Поразительно, что цветы до сих пор продаются и покупаются в этом городе (Петрограде. – *В. К.*), где большинство оставшихся жителей почти умирает с голоду и вряд ли у кого-нибудь найдется второй костюм или смена изношенного и залатанного белья».

«Как это ни парадоксально, русское драматическое и оперное искусство прошло невредимым сквозь все бури и потрясения и живо по сей день. Оказалось, что в Петрограде каждый день дается свыше сорока представлений, примерно то же самое мы нашли и в Москве»...

«В Доме литературы и искусств мы слышали кое-какие жалобы на нужду и лишения, но ученые молчали об этом. Все они страстно желают получить научную литературу; знания им дороже хлеба».

«В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке... Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевистское правительство стоит на большой высоте. В умирающей от голода России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу».

«Коммунисты же, что бы о них ни говорили, – это люди идеи, и можно не сомневаться, что они будут за свои идеи бороться. Сегодня

коммунисты морально стоят выше всех своих противников...»

Как возникает подвиг? Что к нему ведет?

Во всяком подвиге есть две стороны: внешняя и внутренняя, то есть самый подвиг (его вершина, исполнение) и подготовка к нему (моральное созревание подвига).

Подвиг – минута, звездная минута человека. В сущности, высшая его награда. Подготовка к подвигу – вся жизнь.

Обычно воспевают подвиг. Должно быть, это правильно. Он виден всем и он воспитателен. Он будит лучшие чувства в других.

Но начинается все не со столь очевидного. Подвигу обычно предшествует – пусть потаенная – звездная жизнь. Как плод не вырастает на засохшей ветке, так героизм не озаряет жалкую душонку.

А коли так, то у чего учиться, спрашивается, лучше?

У подвига, то есть у момента, или у жизни, породившей подвиг?

Думаю, у жизни.

У жизни надо учиться еще и потому, что далеко не всякая по-настоящему звездная жизнь (и тем способная многому добру научить) озаряется звездными минутами.

Мне вспоминается судьба одного инженера, захваченного в годы войны врагами. Эсэсовцы требовали от него, чтобы он стал предателем. Его пытали, мучили в лагерях. Убили его жену, мать, сестру, брата, которые также оказались у врагов. И все же он не сдался и даже чудом выжил.

– Это подвиг: выжить в таких условиях, – заметил мой товарищ, когда нам рассказали историю инженера.

– Выжить не подвиг, выдержать – подвиг, – возразил рассказчик.

Вот – мужественная жизнь! А вроде бы даже и сделано «не было ничего».

Впрочем, данный подвиг в том и заключался: выдержать, не сделав низости, не совершив предательства.

Звездная жизнь

*...Люди умные и энергичные борются до конца,
а люди пустые и никуда не годные подчиняются без
малейшей борьбы всем мелким случайностям своего
бессмысленного существования.*

Д. И. Писарев^[46].

Верность избранному пути

Посвятим эту главу примерам из жизни выдающихся ученых, сохранивших, несмотря ни на что, верность избранному пути, своим идеям, своим жизненным принципам.

Возьмем примеры исторические. Они, так сказать, «отстоялись», видны отчетливее, более поучительны.

Образцом терпения и самоотверженности во имя научных целей является многолетняя деятельность знаменитого французского энтомолога (специалиста по насекомым) Жан-Анри Фабра.

Почти без всяких средств (выходец из крайне бедной семьи, он жил на грошовое жалованье сельского учителя), Фабр отдавал все свое свободное время любимому занятию. Лишь на склоне лет он приобрел широкую известность, когда вышли десять томов его «Энтомологических воспоминаний» – результат пятидесятилетних наблюдений. Это полное драматизма произведение – вклад в науку и художественную литературу одновременно. Оно заслужило высокую оценку самых выдающихся людей. Дарвин называл Фабра «несравненным наблюдателем», а бельгийский писатель Метерлинк – «Гомером насекомых».

Впечатляющей, наглядно показавшей значение выдержки и самообладания была история поисков супругами Вальтером и Идой Ноддак элемента № 75 Менделеевской таблицы, названного затем рением.

Рений чрезвычайно рассеянный и очень редкий элемент земной породы. Его запасы незначительно отличаются от запасов радия, но

искать рений еще труднее, потому что он не выдает себя такими свойствами, как радиоактивность.

Супруги Ноддак претерпели много неудач. Впоследствии они писали об этом так:

«Когда принято решение искать неизвестный элемент, то обычно приступают к работе со свежими силами и надеждами. Исследуются все мыслимые вещества. Тысячи раз видят себя близкими к цели. Так случалось со многими, так случилось и с нами... Прошло много времени, прежде чем мы поняли, что открытие новых элементов не может быть даром счастливого часа, счастливой удачей».

И отказавшись от надежды на «счастливую удачу», Вальтер и Ида Ноддак совершили примерно тот же путь, что до них проделала другая супружеская чета – Мария и Пьер Кюри. Ноддаки взяли руду и стали ее медленно обогащать – отбрасывать балластные массы.

Лишь в самом конце исследования в рентгеновском спектре последнего остатка химического анализа среди других линий вдруг появились еле заметные линии рения.

Цель была достигнута ценой невероятного терпения и величайшей самоотверженности.

Замечательный пример самоотверженного служения науке – вся жизнь выдающегося советского биолога и географа Николая Ивановича Вавилова. Немного было на земле людей, которые за сравнительно небольшое время совершили бы столько мировых научных открытий, как Вавилов.

О жизни и научных достижениях Николая Ивановича стоит поговорить подробнее.

Известен случай, когда один ученый, потрясенный работоспособностью Вавилова, спросил его:

– Но когда вы находите время для личной жизни?

– Для личной жизни? – переспросил Николай Иванович. – А разве наука для меня не личная жизнь?

Родился он 25 ноября 1887 года в Москве. В семнадцать лет окончил Коммерческое училище и стал студентом Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Блестяще окончив ее в 1911 году, был оставлен на кафедре частного земледелия у своего любимого учителя, замечательного агрохимика и биолога Д. Н. Прянишникова. Настанет время, и академик Прянишников скажет:

«Николай Иванович – гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник».

Всего за несколько недель до Октябрьской революции Вавилов был избран профессором Саратовского университета. В 1921 году его переводят в Петроград и вскоре направляют в США на Международный конгресс по сельскому хозяйству. Здесь он создает Советское бюро по интродукции ценных растений (интродукция – введение в какую-либо страну растений из области с иными климатическими условиями).

Николай Иванович посещает крупнейшие биологические и агрономические институты Америки, Англии, Франции, Германии, Швеции и Голландии. Привозит домой не только массу важных научных сведений, но и семена многих сортов сельскохозяйственных растений, в которых так тогда нуждалась голодающая страна. Домой возвращается невероятно обносившийся: почти все свои командировочные истратил на продовольственные посылки сотрудницам-матерям. Только одна мать разгневана и не старается этого скрыть при встрече: Александра Михайловна, мать самого Вавилова.

– Позор! – кипятится она. – А еще профессор! И не стыдно тебе так разъезжать по европам: одна нога в салфетке, другая в чулке! Не говори, что не хватило денег! Выкроил бы из одной посылки, если бы захотел...

В 1923 году Николая Ивановича Вавилова избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. А еще год спустя назначают директором Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур в Ленинграде.

В 1926 году он был удостоен одной из первых Ленинских премий. Академиком Вавилов стал в сорок два года.

Николай Иванович был великим мастером обобщений. Ни одно явление природы не вставало перед ним изолированно от остального. Он собирал массу фактов и постоянно стремился обнажить с их помощью взаимопроникающие и всесвязывающие нити.

Не удивительно, что обобщающие выводы Вавилова брались на вооружение учеными разных специальностей.

Имя Николая Ивановича чаще связывают с агрономией и растениеводством. Но вот академик Борис Львович Астауров,

крупнейший специалист по генетике животных и искусственной регуляции (созданию «по заказу») пола, часто ссылаясь на Вавилова, как на своего учителя. Когда Астаурова спросили как-то, что дали идеи Н. И. Вавилова его работам, в частности, он ответил:

– Дарвиновская теория естественного отбора озаряла ярким светом громады уже накопленных знаний об органическом макром мире. Классические исследования Менделя, напротив, лишь приподняли завесу над совсем еще не изведанной областью микромира организмов. Эти исследования задали задачу, возбудили вопросы, на которые предстояло ответить. Николай Иванович дал много ценных ответов как раз на вопросы органического микромира. Если до Вавилова генетика развивалась, исключая из своих познавательных средств теорию эволюции, исторический метод, то теперь, в значительной мере благодаря исследованиям Вавилова, мы получили эволюционную генетику.

Особо стоит рассказать еще об одном достижении Вавилова.

В Ленинграде, в ВИРе, хранится уникальная коллекция *всех* сельскохозяйственных растений, высеваемых народами земного шара, кроме тропических культур, не выносящих похолодания.

Собрали эту коллекцию Николай Иванович и его сотрудники в основном во время путешествий ученого по всему земному шару (он объездил 52 страны!). Образцов коллекции – семян, луковиц, клубнеплодов, отводков – было собрано свыше двухсот тысяч! До Н. И. Вавилова ни в одной стране не было столь грандиозной коллекции, поддерживаемой в живом виде путем пересевов. Все экспонаты в Ленинграде (а с 1975 года и в Кубанском отделении ВИРа) хранятся незасушенными, не в гербарных шкафах. Ведь генетике неинтересно мертвое. Чтобы хорошо исследовать растения, изучать ценности сортов и сравнивать их между собою, генетикам необходимо живое.

Вавилов завещал пуще глаза беречь коллекцию, сохранять ее живое, высевать без пропусков во времени, невзирая ни на что. Его ученики и помощники так и делали, несмотря ни на какие трудности. В войну коллекцию не успели эвакуировать. Как быть? Горстка сотрудников, шестнадцать человек из постоянных трехсот с лишним, выполнила наказ с честью, даже во время блокады Ленинграда.

К важнейшим подвигам жизни Н. И. Вавилова надо отнести воспитание им талантливейших ученых.

Когда однажды академика сельскохозяйственной академии Петра Михайловича Жуковского спросили, что его больше всего поражало в жизни и научной деятельности Вавилова, он ответил:

– Во-первых, неисчерпаемость идей Вавилова, их актуальность на все времена, даже возрастающая. В этом смысле Николай Иванович напоминает мне вулкан Стромболи в Средиземном море, который вечно действует и всегда служит морякам естественным маяком. А во-вторых, умение Вавилова собирать не только гены растений, но и гены одаренных людей. Заметьте: ведь все ученики Николая Ивановича стали выдающимися людьми. Многие теперь самих называют классиками ботаники, селекции и генетики.

«Своим» Н. И. Вавилова давно перестали считать одни агрономы и биологи. Сегодня дань уважения и восхищения ему отдают на всех континентах люди самых разных направлений и специальностей: географы и этнографы, историки и философы, археологи и языковеды.

Именем Н. И. Вавилова названы улицы во многих городах Союза: в Саратове, Краснодаре, Владивостоке и других. Решением Международной комиссии одна из гор на Луне названа именем братьев Вавиловых: Николая Ивановича и Сергея Ивановича – президента Академии наук с 1945 по 1951 год.

Талант и неусыпный труд

*Неусыпный труд все препятства
преодолевают...*

М. В. Ломоносов

Трудолюбие

Не буду объяснять, что значит «трудолюбие». Смешно даже предположить, чтобы нашелся хоть один, хоть самый юный читатель, который этого слова не понимал бы. Особенно в нашей стране – самой трудолюбивой и деятельной на свете.

Но, может быть, именно потому, что качество это у нас знакомо всем, читателю будут интересны примеры – на что способно трудолюбие, как много оно может. Возьмем две разные эпохи, две страны и покажем, как напряженный труд талантливых энтузиастов, обращенный к источникам народной мудрости, способен привести к крупнейшим достижениям науки.

Сперва пример из жизни всем знакомых и любимых всеми братьев Гримм.

«Каждый день я сижу за рабочим столом по меньшей мере двенадцать часов кряду, и еще хочу напомнить, что тому, кто это делает, скоро исполнится 68 лет».

Это писал Якоб Гримм, крупнейший немецкий филолог-исследователь XIX века. Так же мог написать о себе и его родной брат Вильгельм, моложе брата на год, тоже филолог-исследователь. Не удивительно, что они так много сделали за свою жизнь. Можно понять слова восхищения Генриха Гейне:

«Неоценима заслуга обоих исследователей перед наукой о немецких древностях. Один Якоб Гримм для языкознания сделал больше, чем вся Французская академия со времен Ришелье... В самом деле, человеческой жизни и человеческого терпения не могло хватить, чтобы собрать эти глыбы учености...»

Однако для широких народных масс, для большинства людей во всех концах земного шара братья Гримм – сказочники! Авторы чудесных народных сказок!

Якоб Гримм (1785–1863) и Вильгельм Гримм (1786–1859) родились в маленьком немецком городке Ганау в семье юриста. В 1791 году отца перевели в город Штейнау, и этот городок, где прошло их детство, все шестеро детей юриста считали затем своей родиной. В 1796 году на большую дружную семью Гриммов обрушилось несчастье – умер их отец. Главой семейства был признан старший – энергичный одиннадцатилетний Якоб, а заботы о дальнейшем образовании детей возложила на себя их родственница. С ее помощью Якоб и Вильгельм поступили в Кассельский лицей, затем – в 1802 году – в Марбургский университет.

В 1804 году Якоб Гримм едет в Париж и там собирает и изучает материалы по истории права. В парижских архивах и библиотеках он находит интересные, древне-германские рукописи. Брату Якоб так пишет о своих находках: «Я думаю, если мы обратим на это внимание, то соберем сборник чудесных вещей! Понятно, в будущем мы многое сделаем из этого, но только вместе, потому что, милый Вильгельм, мы уже больше разлучаться не будем. И условимся: захочет один что сделать – другой должен высказаться».

Призыв нашел сердечный отклик, и братья до последних дней соблюдали принятое условие: всегда делились между собой творческими замыслами.

В 1812 году выходит первый том «Детских и семейных сказок». В 1815 году появляется второй том. А в 1822 году издание завершается третьим томом.

Чем объяснилась внезапно пришедшая, но устойчивая, глубокая популярность «Детских и семейных сказок»? Да тем, что Гриммам в своих сборниках удалось сохранить все обаяние подлинно народных сказок, изложить их почти так, как их рассказывают простые люди. По словам Энгельса, это настоящие «создания народной фантазии».

«Только с тех пор, как я узнал северогерманскую степь, – писал Энгельс в 1840 году, – я по-настоящему понял «Детские и семейные сказки» братьев Гримм. Почти на всех этих сказках замечен отпечаток того, что они возникали здесь, где с наступлением ночи исчезает все

человеческое, и жуткие, бесформенные создания народной фантазии носятся над землей...»^[47]

Братья Grimm старались сохранить сюжеты сказок в их истинно народных, по возможности уцелевших с давних времен формах и вариантах. «Настало время,— говорили Гриммы,— спасти древние предания и сказки, чтобы они не исчезали в беспокойных днях наших, как искра в колодезце или роса под горячим солнцем».

Считая себя собирателями этих случайно уцелевших в бурях веков колосьев, братья Гриммы много лет ездили по стране, разыскивая сказочников и записывая их сказки.

Постепенно «сказочный» труд обогащал их и как ученых. Они издавали признанные затем классическими грамматические и филологические труды. Их избирают профессорами Геттингенского, затем Берлинского университетов. В 1841 году оба брата становятся членами Академии наук.

Работали они после этого еще долго и много сделали для науки. Им заслуженно поставили памятник в Ганау. В городке, где они оба родились.

Василий Степанович Пустовойт родился 15 января 1886 года в многодетной крестьянской семье в селе Тарановка Харьковской губернии. Сперва он ничем не выделялся из других крестьянских детей; пас гусей, учился в школе-трехлетке. Став чуть постарше, уехал на заработки в Харьков и там работал посыльным на паровозостроительном заводе. Двадцати двух лет он окончил земледельческое училище под Харьковом, в Деркачах, и вскоре уехал на Кубань, которая с тех пор стала ему родным краем.

Не сразу нашел свое призвание Пустовойт. Много и напряженно трудился на разных направлениях агрономии. Но даже и став селекционером, он не сразу разглядел то растение, усовершенствуя которое прославился на весь мир.

— Мое имя обычно связывают с подсолнечником,— говорил Василий Степанович. — Но, честно говоря, мне трудно было перестать заниматься пшеницей. Я и сейчас хлеб люблю по-прежнему, по-крестьянски...

До революции к подсолнечнику относились с пренебрежением. Так, академик Севергин писал о нем в начале века: «Сие растение

почитаются способным исцелять раны. Наибольшее употребление семени есть в пищу попугаям. А пережженные семена имеют запах кофе и производят наливку почти столь же приятную».

Почему же все-таки Пустовойт всерьез занялся подсолнечником? Не рассчитывал же он на то, что в России вдруг разведутся тучи попугаев, которых надо кормить, или что все сегодняшние пьяницы неожиданно бросят пить и станут требовать у трактирщиков: «Кофейную наливку, да поскорее!»

Несомненно, главную роль сыграли местные условия. На Кубани перед первой мировой войной засеивалось около сорока процентов всего засеваемого в России подсолнечника. Кубанцы любили эту культуру и умели добывать из нее на маслобойках душистое подсолнечное масло. В народных сказках и преданиях часто о нем упоминалось, и герои сказов спорили – кто делает масло лучше.

Пустовойту помогла и интуиция, его «селекционное зрение», по выражению агрономов.

С помощью такого зрения он увидел в «солнечном цветке» две важные особенности. Во-первых, особо высокое качество пищевого масла, добываемого из подсолнечника. Во-вторых, то, что масличность этой культуры можно повышать выше естественных тридцати двух-тридцати трех процентов.

С установлением на Кубани Советской власти резко изменились к лучшему условия работы. Опытное поле «Круглик» под Краснодаром, где работал Пустовойт, было преобразовано в опытно-селекционную станцию по масличным культурам. А затем, на базе этой станции, был основан научно-исследовательский институт. С 1935 года Пустовойт заведовал отделом селекции и семеноводства этого института.

А сколько поистине героических усилий приложил ученый в тяжелые послевоенные годы, когда на почти пустом месте он восстановил свою лабораторию и с группой молодых ученых продолжил селекционные исследования.

Василий Степанович много ездил по полям Украины, на Северном Кавказе, под Воронежем, в Средней России. И всюду отбирал лучшие семена подсолнечника. Со своими сотрудниками он боролся с многочисленными врагами культуры: был побежден сорняк зарази́ха, создан своего рода богатырский панцирь, предохраняющий семена подсолнечника от прожорливой моли.

В результате великий селекционер чуть ли не удвоил содержание масла в ядре семени подсолнечника.

В 1964 году В. С. Пустовойта избрали действительным членом Академии наук СССР.

Пустовойт прожил долгую и очень плодотворную жизнь. Сегодня у нас в стране под посевами подсолнечника занято примерно пять миллионов гектаров, что в пять раз больше, чем до революции. Почти все эти площади засеваются сортами Пустовойта или выведенными по его методу. А трудился Василий Степанович почти до последних своих дней. Когда его, уже почти 70-летнего, спросили как-то: «Какие у вас сейчас увлечения, хобби, чем вы занимаетесь с наибольшим удовольствием после работы?» – он ответил:

– Хожу по полям и смотрю, как растет подсолнечник.

Жизнь Пустовойта – пример сочетания таланта и трудолюбия.

Человек человеку брат

*Где бы в человека ни стреляли,
Пули – все! – мне в сердце попадали.*

Э. Межелайтис^[48].

Сострадание

Все ли ценят это качество? Все ли понимают значение его для воспитания в человеке человеческого?

Увы, не все, к сожалению.

На свете много возвышенных, добрых людей. Многие безотчетно бросаются на помощь другим в беде (сострадание определяется психологами, как участие в боли и страдании другого человека). К сожалению, тут же рядом с ними водятся и иные... Люди, которым нет никакого дела до чужой жизни, чужой заботы.

До сих пор у нас не в диковинку услышать сложившиеся в мрачные времена заповеди мещанства: «моя хата с краю», «своя рубашка ближе к телу» и тому подобные, являющиеся перепевом знаменитой заповеди всех эгоистов: «человек человеку волк».

Есть люди, которые убеждены, будто самоотверженность и сострадание, бескорыстная забота о других и доброта – качества «противоестественные», что они мешают человеку пробивать себе дорогу в жизни.

Упрощая и опошляя учение Дарвина о «борьбе за существование», такие люди переносят в мир разума законы джунглей, то есть законы, гласящие, что сильный побеждает слабого, хищник стоит над жертвой, а жестокосердие – над мягкосердечием.

В действительности жестокосердие всегда было противно человеческой природе.

Даже просто равнодушие к чужим несчастьям и судьбам противоестественно для существа разумного. Кто может спокойно пройти мимо чьей-то беды – не просто отвратителен: он опасен. Ведь

он ненадежен, он не может быть настоящим другом. Он бросит в час испытания, даже подтолкнет, поможет врагу.

Можно понять М. Е. Салтыкова-Щедрина, выражавшегося особенно резко:

«Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего...»

Когда свет разума озарил впервые мозг нашего далекого предка, это одновременно был свет добрых чувств. Сегодня, кажется, уже никто из антропологов не сомневается в том, что выжили и вступили на тропу развития не сильные и жестокие племена людей, а, наоборот – те, где была взаимопомощь и великодушие.

Приведу на этот счет слова крупнейшего современного антрополога американца Лорена Айсли:

«Ведь, в общем, человек выжил не благодаря жестокосердию – этого не могли доказать даже великие эволюционисты Дарвин и Уоллес, – а, наоборот, его спасло мягкосердечие. С вершин своего высокомерия человек может кричать, что дело сильных – бороться, а дело слабых – любить и страдать. Однако, вопреки распространенности таких идей, суть заключается в том, что, если бы человек не проявлял нежности к своему ближнему, не был существом, способным любить по-своему, по-человечески, – его кости давным-давно обглодали бы шакалы, бродившие по степям Африки, той Африки, где он впервые приобрел человеческий облик».

В самом деле, каким иным, как не добрым, может предстать перед лицом себе подобных нормальный человек, если окружающим его с детства он обязан всем, что есть в нем хорошего и сильного, что ведет его властно вперед – к совершенству, ко всяким успехам.

Даже удары, даже несправедливости, порою выпадающие, быть может, на его долю, не ломают настоящего человека, не превращают его в озлобленное ничтожество.

Не удивительно, что сострадание было вряд ли не самым первым моральным качеством, которое люди стали воспитывать сознательно.

Говорят, строители представляют древнейшую и распространеннейшую на Земле профессию. О распространенности спорить не берусь, но всех древнее все же, кажется мне, не строители, а врачи. Вряд ли люди научились строить шалаши на деревьях раньше, чем уже умели облегчать страдания друг другу: прикладывали

целительные травы к ранам соплеменников, лечили недуги или просто утешали, как могли.

Из бессознательных моральных побуждений наших диких предков возникла тысячи лет назад непрофессиональная медицина.

Проявляя мудрость, унаследованную от предков, уже первые руководители первых медицинских школ стали предъявлять большие требования к тем, кто избрал труд лекаря делом жизни. Постепенно вырабатывался – вряд ли не первый на Земле – моральный кодекс: нормы поведения людей, добивающихся нравственного совершенства.

В этом, кодексе говорилось, что высокий гуманизм и нравственная безупречность, умение внушить к себе доверие больного и держаться с тактом, самоотверженность и бескорыстие должны отличать настоящего врача; человек, не внушающий доверия и не уважаемый больным, не преуспеет на медицинском поприще.

Ученики знаменитой школы асклепиадов (то есть служителей древнегреческого бога врачевания Асклепия) с острова Кос, виднейшим представителем которой был «отец медицины» Гиппократ, приносили присягу, в которой в числе прочего обязывались:

применять свое искусство только на пользу и ни в коем случае не во вред больному;

хранить как профессиональную тайну все, что будет обнаружено в процессе лечения.

Воспитанники школы должны были вести себя достойно.

Доверие своих больных они обязывались завоевывать не при помощи искусных, вызывающих удивление приборов или популярных медицинских лекций, изобилующих цитатами из поэтов, а частыми посещениями, заботливостью и приветливостью.

Возбранялось торговаться о гонораре до начала лечения, чтобы не запугать больного, не вызвать в нем недоверия и не ухудшить тем его состояния. В тяжелых случаях врач должен оказать помощь, не думая о гонораре.

Моральный кодекс обращался лишь к врачам. Позднее он превратился в то, что сейчас называется врачебной этикой. Но в самом его возникновении можно увидеть нечто большее: что люди чувствовали живую, острую потребность во взаимной поддержке, в деятельном сострадании. Им нужны были такие соплеменники, к

которым можно прийти и все им рассказать. Такие, кто бескорыстно заступится за самых бедных и принижённых.

Эти качества, развитые в социалистическом обществе, стали одной из граней морального кодекса строителя коммунизма.

Партия считает, что моральный кодекс строителя коммунизма включает такие нравственные принципы:

- преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;
- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;
- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
- высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;
- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат;
- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;
- нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;
- братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Вернемся к вопросу, как же воспитывалось сострадание? Когда я думаю об этой нравственной способности, я вместе с этикой врачей вспоминаю сразу то, что называют «рыцарством».

Слово «рыцарь» появилось в XI–XII веках. Его первоначальный смысл не таил в себе и намёка на великодушие. Слово «рыцарь» произошло от немецкого «риттер» – всадник. Среди настоящих, живых риттеров было немало гуляк и разбойников, насильников и угнетателей.

Но постепенно в рыцарской среде (особенно в XIII–XIV веках) были выработаны понятия о благородстве, долге и чести, о сострадании, распространилось другое, не буквальное значение этого слова. То, которое в наше время в энциклопедиях выражают так: «Рыцарь – самоотверженный, благородный человек, деятель на каком-либо поприще».

Рыцарство в своем лучшем виде подняло уважение к женщинам и бедным людям, к слабым и беззащитным. Странствующие рыцари бросали вызов сильным мира сего и, воодушевленные светлыми идеалами, бесстрашно отправлялись на подвиги.

Самый, кажется, знаменитый из них – Дон-Кихот – существовал лишь в воображении. Образ его нарисован с иронией, и потешаться над неудачником на Россинанте не устают поныне. Но сколько настоящих побед одержал этот вымышленный герой! Сколько миллионов людей стали выше, чище и достойнее, покоренные благородной выдумкой Сервантеса!

Мужество и сострадание – основные свойства рыцарской натуры. Однако есть немало и других возвышенных свойств, помогающих развиваться главным двум и всегда присутствующих с ними. Поэтому, когда в наше время произносят слово «рыцарь», то в воображении встает человек, наделенный не только мужеством и состраданием, но и

...готовностью беззаветно служить людям;

...богатством внутренним вообще (ведь тот, кто хочет много давать, сам должен иметь много);

...добротой.

Особенно ценно это последнее свойство. Вспомним Чехова, слова в рассказе «Крыжовник»:

«Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, бодры, не уставайте делать добро».

Добро в коммунистической морали «отражает все многообразные требования, которые предъявляются в социалистическом обществе к человеку, его действиям и мотивам, к различным социальным явлениям»^[49].

Доброта – одно из самых благородных качеств человека. Вершина доброты – душевная щедрость.

Как важно, получая помощь, не чувствовать усилия дающего. Рыцарская помощь – это щедрость, льющаяся через край, щедрость, не

принижающая достоинства получающего, а часто остающаяся им не замеченной. Это нечто вроде доброты Пьера Безухова, так описанной в «Войне и мире»:

«Наташа бессознательно чувствовала эту нежность обращения и потому находила большое удовольствие в его обществе. Но она не была даже благодарна ему за его нежность. Ничто со стороны Пьера не казалось ей усилием. Пьеру, казалось, так естественно быть добрым со всеми, что не было никакой заслуги в его доброте».

Что же прибавить к перечисленному?

...сердце, открытое другим;

...великодушие;

...снисходительность к человеческим слабостям;

...необидчивость;

...неудовлетворенность собой;

...вечная жажда самоусовершенствования — морального, разумного;

...чувство справедливости;

...готовность служить людям.

Образцом такой готовности был известный рабочий-новатор Алексей Григорьевич Стаханов. В 1927 году он начал работать на шахте «Центральная-Ирмино» в Кадиевке (Донбасс) коногоном и с 1933 года — забойщиком. В ночь с 30 на 31 августа 1935 года Стаханов установил рекорд, добыв за смену 102 тонны угля, то есть 14 норм. 19 сентября 1935 года Стаханов установил новый рекорд, дав в смену 227 тонн угля. Трудовой подвиг Стаханова встретил горячий отклик в Донбассе, а затем по всей стране. С него началось стахановское движение — массовое движение новаторов социалистического производства.

В 1978 году Кадиевка, где совершил свой первый трудовой подвиг Алексей Григорьевич, переименована в город Стаханов.

Иногда относят к достоинствам и чувство жалости. Это прекрасное чувство. Только проявлять его надо очень бережно. Большинство не любит, когда их «жалеют» (в этом есть что-то снисходительное, ущемляющее достоинство). Открыто жалеть хорошо только слабым: маленьких детей, больных стариков.

И все же уметь жалеть надо обязательно. Жалеть, как жалеют добрые — не злые. Злые, к слову говоря, не только жалеют, но даже

любят испытывать это чувство. Оно дает им ощущение собственного превосходства.

Надо уметь жалеть, чтобы бескорыстно, добро помогать слабым при случае.

«Если бы добро всегда вознаграждалось,— писал Н. Н. Михайлов,— какая бы была ему цена?»

У великого таджикского поэта Фирдоуси (934–1020 гг.) есть прекрасные стихи, славящие человека:

В цепи человек стал последним звеном,
И лучшее все воплощается в нем,
Как тополь, вознесся он гордой главой,
Умом одаренный и речью благой.
Вместилище духа и разума он,
И мир бессловесных ему подчинен.

Сострадание и другие высокие чувства, конечно, надо добавить к «лучшему» в человеке.

Как дать сдачи?

Самообладание в минуту гнева не менее высоко и не менее благородно, как и самообладание в минуту страха.

Адам Смит^[50].

Самообладание во гнев

Человеку свойственно тянуться к доброте. Но вот одна ее форма ему обычно не дается: доброта к обидчику.

У большинства потребность противоположная: немедленно дать сдачи. И по возможности с довеском. «Чтобы неповадно было».

Это чувство так прочно связано с человеческой натурой, что в древней книге, написанной задолго до нашей эры, прямо говорится: «Око за око, зуб за зуб».

С начала христианства сей ясный принцип был заменен другим. Почему-то стали рекомендовать делать по-иному: «Тебя ударили по левой щеке, а ты подставь и правую, чтобы дали и по правой».

Понятно, что, если не считать немногих, никто так поступать и не думал. Древний принцип сохранялся с той несущественной поправкой, что его облачили в современные (для тех времен) одежды. Ввели, например, понятие «кодекс чести», один из пунктов которого гласил: «тебя оскорбили – швырни оскорбившему перчатку, вызови на дуэль». Возникла родовая кровная месть – вендетта (классический образец в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»). Поэты средневековья превозносили «священную месть» как добродетель.

Сейчас дуэлей нет, не слышно и о вендеттах. А чувства древние – дать сдачи, – как сказано, остались.

Что же с ними делать? Заглушать? Удовлетворять? Как удовлетворять?

Ведь каждый день нас не только чем-то радуют, но и чем-то задевают. Мы улыбаемся каждый день, но не реже стискиваем зубы и думаем о ком-то: «Что бы с тобой сделать?»...

Как же решается щекотливая проблема «сдачи»?

Пожалуй, чаще всего следующими двумя способами: «сознательным» и «несознательным».

Вот образцы первого: «скажу маме», «скажу папе», «скажу Мариванне» (учительнице), «пожалуюсь водителю», «напишу в газету», «пристыжу Катю (обидчицу), объясню ей, почему нехорошо называть меня «шпентиком».

А вот примеры «несознательных» решений: «дам по морде», «запущу в него (в обидчика) камнем из-за угла», «утащу у него книжку, авторучку, перочинный нож».

Бывает и такое: «Подговорю большого дурака Лешку, он маленьких бить любит, накостыляет Ромке».

...Так как же давать сдачу: «сознательно» или «несознательно»?

— А вы убеждены, что дать нужно обязательно? — спросит читатель.

Убежден. Я не за христианское решение. Не за то, чтобы подставлять правую щеку, когда бьют по левой.

Отвечать на обиду нужно. И по возможности покрепче.

Вопрос только: как отвечать? Это вопрос серьезный.

Лично я не за вульгарную, не за грубую сдачу: «запустить камнем», «утащить авторучку или нож», «позвать дурака Лешку»!.. Это сдачи трусов. Сам не сумел — позвал товарища! Или отомстил исподтишка!

Я за то, чтобы расплатиться с обидчиком лично. С открытым, как говорят, забралом. Чтобы тот знал точно — от кого получает. Расплатиться с достоинством... и — современно.

Скажут: «Но так не всегда возможно, обидчик может быть сильнее, одному с ним не справиться». Или: «Так не всегда достаточно, проступок слишком велик — он украл или уничтожил что-то ценное, нанес тяжелое увечье»?..

Согласен. Есть случаи, когда надо сразу, не медля ни минуты, обращаться в совет отряда, к старшим, куда-нибудь еще (если там люди добрые и понимающие). И ябедничеством не назовут. Просто справедливым должным возмездием.

Нельзя, мне кажется, пренебрегать совсем и «несознательными» решениями. Порой и оплеуху дать полезно, особенно при столкновении с хулиганом. Отрезвляет, действует воспитательно.

И все же там, где нет полнейшей недоступности обидчика или где почему-то (может быть, из гордости) хотят разделаться наедине, в подобных случаях особенно хорош «третий способ»: не «сознательный» и не «несознательный».

Какой же?

Умный. Или, как я его еще назвал бы: «с самообладанием». «Жан-вальжановский».

Помнишь, чем изводил Жан Вальжан – герой романа Виктора Гюго «Отверженные» – своего неусыпного преследователя – полицейского сыщика Жавера (даже довел в конце концов того до самоубийства)? Великодушием, своим жан-вальжановским нравственным превосходством. Вот настоящий способ мщения! Могущественнейший! Не опускаться до того, чтобы платить обидчику *его* монетой, а заплатить *своей*. Показать свою силу и его ничтожество. *Только показать* – и этим ограничиться.

Когда так получается – эффект мести наибольший.

Во-первых, она для твоего противника всего чувствительнее. Он либо напугается изрядно, либо раскается, либо изойдет в тупой, бессильной злобе.

Во-вторых, умный путь ведет не к разжиганию ссоры, а к окончанию ее, причем ведет так, что последнее слово остается за обиженным. Если обидчик тоже умный человек и если не чересчур плохой, он обязательно первым пойдет на мировую, сам постарается загладить им содеянное.

А это тоже хорошо, потому что действие по принципу «око за око» всегда чревато последствиями. Стара как мир истина: любой удар навлекает контрудар, любое действие – противодействие.

Ответь противнику вдвойне. И можешь быть уверен, что мысль его уже работает над тем, как отплатить тебе вчетверо. А возмущаться больше тебе не следует: ты потерял моральные преимущества обиженного. Отныне обидчик – ты.

«Кто раздувает пламя ссоры и ворочает головни, – говорил Франклин, – тот не должен жаловаться, если искры попадают ему в лицо».

Знаю, можно засомневаться: найдет ли в себе сил *всякий* человек ответить «по-жан-вальжановски»? Всегда ли достанет ума и доброй

воли, чтобы одержать верх над грубыми преимуществами (вроде физической силы) обидчика?

Конечно, человек человеку рознь. Но, думается, возможности есть у любого. Природа вложила в каждого все необходимое, чтобы постоять за себя с достоинством.

Как именно – вопрос особый. Решать его приходится различно. Зависит и от обиды, и от характера обиженного, и от характера обидчика: полезно знать – на что и как тот впечатляется. Один почувствует стыд и от язвительного слова, другой болезненней воспримет холодное презрение.

Был случай – восьмиклассники Игорь и Марьяша нашли на улице пятирублевку. Вернее, нашла и подняла Марьяша, но ей и в голову не пришло жадничать. «Чур наше! – воскликнула девочка. – Возьми Игорек, только дома ничего не говорим. Подумаем до воскресенья – что купим». Но думать много не пришлось. Игорь сам, ни слова не говоря, взял и купил себе футбольный мяч за три с полтиной, а на остальное – сборную модель самолета. «Еще раз найдем – поделимся», – объяснил мальчик Марьяше. Девочка была потрясена. Игорь ей нравился, казался рыцарем. Он покупал ей дважды мороженое, так хорошо рассказывал о книгах.

Она не стала жаловаться, не стала объясняться. Лишь положила ему на парту 38 копеек, стоимость двух мороженных, и равнодушно сказала:

– Тебе деньги нужнее, чем мне...

Бывает, надо с кем-нибудь порвать. Однако если сделавший плохое не до конца испорчен, разумно проявить сперва великодушие: раскается – отлично для обоих, замкнется в злобе – пострадавший будет по-жан-вальжановски отомщен. Обидчик сам себя замучит. Особенно, когда вдобавок убедится, что другой в чем-то морально его выше.

Не требует ли умная месть слишком строгого сознания, «взрослого» ума? Доступна ли она подросткам?

Нет ни малейшего сомнения, что да. Даже в дерущихся мальчишках – в отличие от взрослых – обычно много жан-вальжановского: они быстро мирятся, забывают драки и обиды. Проявляют инстинктивное великодушие.

А как часто они «мстят» лишь на словах! И добиваются результатов больших, чем кулаками.

У меня есть нечто вроде дневника одиннадцатилетнего школьника. Только форма недневниковая: отдельные записи с заголовками. Автор разрешил мне воспользоваться одной записью.

Привожу ее без малейшего редакторского вмешательства, кроме небольшого орфографического. Вот она:

Будущий преступник

Под этим заглавием я подразумеваю ученика Никитинской школы в Чарджуе Василия Тихонова. Он и в самом деле походит на преступника. Лицо нахальное и злодейское. Волосы как у закоренелого преступника, рыжие. Прибавьте сотни веснушек на его лице, и вы получите полный портрет Василия Тихонова.

Есть тысячи примеров его злодейского характера, но это займет очень много места, и я привожу только один пример.

Однажды два одноклассника Тихонова – Филатов и Богун шли из депо. Прямо перед ними шел герой этого рассказа со снопом клевера. Не доходя до угла Центрального бульвара, он вдруг бросил свой клевер и побежал вперед. Филатов поглядел на причину тревоги разбойника и увидел двух мирно игравших детей около арыка. Мальчик 8 лет (с которым, несмотря на его лета, играл 11-летний Филатов) и сестра Филатова – Наташа. Мальчика звали Вовой Абросимовым. Тихонов подошел к ним и ударил Вову со всего размаха в лицо. Вова жалобно заплакал, но немилосердный разбойник продолжал его бить.

У двух свидетелей этой детской драмы на глазах навернулись слезы. Они бросили ведра, которые несли, и бросились со всех ног к углу. Филатов закричал, что было силы: «Ей ты, рыжая борода, чертова образина!» И еще так, как не полагается писать на бумаге. Тихонов обернулся и в злобе, что ему не удастся избить Вову, столкнул его в арык и убежал.

Бил он его за то, что вчера кинул в Вову камнем и не попал, а Вова без уплаты навернул тому сдачи камнем по затылку.

Таково было преступление Васьки Тихонова. Наказание было очень строгое. Мамаша погладила его по головке и сказала:

– Не шали, мой миленький!

У Вовы был выбит 1 зуб, разбиты нос, лоб и сотни синяков на лице. Вдобавок он был по пояс в грязи. И кровь, текущая из носа и рта, смешалась с грязью.

Один тип моих врагов описан.

В этом драматическом описании мне мерещится не драматическая и тем не менее по-своему страшная месть.

Представляю, с каким упоением читалось в классе – переходя из рук в руки – это сочинение.

Как оно навредило его «герою» и как без драки мог быть удовлетворен мститель – одиннадцатилетний Филатов!

Скажи, – спросил я у автора дневника, давно уже взрослого человека, – что же, вы с тем Васькой расстались злейшими врагами?

– Что ты, что ты! – замахал руками мой собеседник. – Дружьями на всю жизнь.

Человек по имени «Ты»

Мне мои личные вкусы ближе и понятнее, чем вкусы, не совпадающие с моими. Я люблю сирень и равнодушен к резеде. Говядина мне кажется вкуснее, чем баранина... На все это я имею право, но при одном условии если я не буду пытаться свои личные вкусы, которые, как сказано, мне дороги и близки, объявлять единственно правильными и обязательными для всех.

Н. П. Акимов^[51].

Уважительность к людям

Когда однажды Паустовского спросили, какое качество человека он считает самым высоким, писатель ответил: «Деликатность». «А кто, по-вашему, самый противный человек?» – не унимался спрашивающий. Константин Георгиевич сгорбился, растопырил руки и крикнул, сделав страшное лицо: «Индюк!»

Об индюках, то есть надутых дураках, писать не хочется, а вот о деликатности поговорить надо непременно. Деликатность – высшая форма уважения к людям: не «к людям вообще» (когда их по отдельности не видно), а к каждому отдельному человеку.

В красивом московском доме на десятом этаже расположились мастерские художников. В одной работает художница Лена, и ее все любят; она не только рисует хорошо, она и человек прекрасный. Художники носят бороды, а Лена ездит на мотоцикле и умеет, сверх того, паять, строгать, слесарить, штукатурить, плотничать и малярничать.

Как-то прохожий ткнул пальцем в проносившуюся мимо «керосинку», как сама художница называла свой старый мотоцикл, и загоготал: его развеселила мотоциклистка – белокурая, стройная женщина на «мужской машине» («Я такого не встречал!»).

А меня развеселил тот гоготун. Я смотрел на него и думал о чудаках. Нет, не о тех, кто чем-то внешним – одеждой, поведением, привычками – *безобидно* отличается от других. А о тех, кто видит в этом предмет осуждения или насмешки.

Известный французский композитор прошлого века Джакомо Мейербер любил писать свою музыку на чердаке, особенно когда на дворе бушевала непогода – гром, молния, ветер, проливной дождь.

Вдохновляла сильная непогода и знаменитого баснописца XVII века Жана Лафонтена. Говорят, он не сочинял свои басни иначе, как при мощном дожде. В дождливые дни он снимал шляпу и парик и часами разгуливал по улицам, твердя во весь голос стихи, споря сам с собой, неистово топая ногами и размахивая руками.

О Дени Дидро, крупнейшем французском философе и писателе, рассказывали, что, когда он творил, он походил на одержимого. Бегал по комнате, размахивал руками и кричал на весь дом. Очень помогал ему во время работы парик. Он с силой срывал его с головы, подбрасывал вверх, топтал ногами.

А вот Жорж Бюффон, известный естествоиспытатель XVIII века, любил совсем иную творческую обстановку. Готовясь писать, он разряжался как на бал. В завитом и напудренном парике, при шпаге и в кружевных манжетах, он торжественно шествовал из комнаты в комнату. В каждой из них стоял стол с письменным прибором. Ученый на минуту присаживался, набрасывал несколько строк, затем также медленно и чинно двигался дальше...

Нет, далеко не все талантливые люди рождаются чудаками.

Внешняя непохожесть на других необязательный спутник людей, увлеченных своей работой, творческой или нетворческой. Но когда эта непохожесть есть и, повторяем, безобидна, она не заслуживает осуждения. Мы уже говорили о неприменном внутреннем своеобразии людей, неодинаковости их личностей, что же удивительного в том, что иногда она прорывается наружу и принимает форму внешнего своеобразия!

Это даже хорошо, если помогает утолить какие-то неглавные стремления человека (как у художницы Лены) или если помогает вдохновению (как в примерах с писателями и музыкантами).

(Замечу только вскользь для тех читателей, кто вдруг решит, что само по себе чудачество помогает развивать таланты: «Кричали,

работая, Лафонтен и Дидро, может быть, и я стану гениальным, если буду кричать, решая алгебраические уравнения». Нет, вы не поняли. Бывает не так. Не сперва кураж, чудачество и от него талант. А наоборот: сперва талант, отнюдь не порожденный криками, потом у некоторых чудачества. Не у всех.)

Не с насмешками и не с осуждением подходит умный человек ко всем безобидным проявлениям чужой индивидуальности, а только с пониманием и уважением.

У Л. Н. Толстого есть великолепное деление людей, в зависимости от того, как они относятся к мыслям и чувствам своим и других. Толстой писал:

«Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека, который живет чужими мыслями и своими чувствами. Из различных сочетаний этих 4-х основ, мотивов деятельности – все различие людей.

Есть люди, не имеющие почти никаких ни своих, ни чужих мыслей, ни своих чувств и живущие только чужими чувствами; это самоотверженные дурачки, святые. Есть люди, живущие только своими чувствами – это звери. Есть люди, живущие только своими мыслями – это мудрецы, пророки; есть – живущие только чужими мыслями – это ученые глупцы. Из различных перестановок по силе этих свойств – вся сложная музыка характеров».

Что это значит: «жить чужими чувствами» (одновременно живя своими мыслями), – свойство, по мнению Толстого, самых лучших из людей?

Это значит уметь понимать другого, уважать его видение мира, то есть его чувства.

Мы приводили выше несколько раз слово «уважение», но приводили его, разбирая другие внутренние ценности. Поговорим теперь о нем специально. Поговорим, имея в виду не только уважение добрых чудаков, но уважение всякого достойного человека, уважение как внешних, так и внутренних черт его индивидуальности.

Начнем с того, что приведем научное определение понятия «уважение». Вот оно.

«УВАЖЕНИЕ – одно из важнейших требований нравственности, подразумевающее такое отношение к людям, в котором практически... признается достоинство личности. Сложившееся в моральном

сознании общества понятие уважение предполагает: справедливость..., доверие к людям, внимательное отношение к их убеждениям, устремлениям; чуткость, вежливость, деликатность, скромность»^[52].

Уважение к людям начинается с уважения отдельного человека и складывается из уважения многих отдельных личностей. А если говорить не о том уважении, что проявляет к людям коллектив (семья, школа, пионерская и комсомольская организация, партия, государство), а о чувстве, проявляемом отдельным человеком, то мы об этом чувстве скажем: человек, желающий выразить уважение к другому, должен бы это делать в каждой мелочи, строго оценивая каждое свое слово, каждый – пусть незначительный – свой поступок.

Кто видит в других людях только свои вкусы, мысли и чувства, тот не умеет уважать их.

Подруга Аня судит подругу Соню. То за одежду: «Ишь, как вырядилась! Да я бы никогда такого не надела!» То за книгу: «Какую дрянь ты читаешь! Не выношу этого писателя!»

Прежде всего «я», всюду «я», кроме «я», ничего другого.

Чем неинтеллигентней, чем малокультурней человек, тем, как правило, категоричнее его суждения о других, особенно о морально выше его стоящих. Самые категоричные – самые духовно бедные. Своей наготы они не видят, не стыдятся, а все, выходящее из рамок их понимания и ума, воспринимают с неотразимой яростью.

Впрочем, дело не в уме только. Чтобы хорошо понять другого, нужна особая внутренняя тонкость – не знаю, как ее и назвать. Может быть, интуиция? По Гёте, интуиция – это «откровение, развивающееся изнутри человека».

Любопытно, что малыши часто лучше понимают взрослых, чем взрослые малышей, это факт бесспорный. Но ведь не скажешь, что малыши умнее! А вот какая-то «тонкость» у них есть. Может быть, детское зрение, о котором мы говорили?

Да что там малыши! Я сам слышал лично, как один зоолог, не знаю уж, в шутку или всерьез, сказал:

– Односторонняя связь с животными уже установлена: они нас понимают. Они оказались умнее, чем мы думали. К сожалению, двусторонней связи пока нет: мы их не понимаем. Мы оказались глупее, чем думают о нас животные.

Не берусь судить об истинности этих слов (или разбирать их юмор). Но полагаю, задуматься над ними не мешает. Они привлекают внимание к трудностям взаимопонимания (между живыми существами), а также к тому, что для подобного взаимопонимания одних ума и знаний недостаточно.

Вернемся к «уважению».

Что нужно, чтобы лучше понимать другого и научиться уважать его чувства, мысли, его видение мира?

Мне думается, первым делом нужно научиться как бы превращать интересующих нас людей в своих собеседников, о тех, кого в отдельности можно бы назвать: «Человеком Ты». Поясню, что это значит.

Люди входят в наш внутренний мир по-разному.

Одни – как почти безликие «Они». Именно их мы имеем в виду, когда, например, говорим: «Расписание уроков изменили», «Нас хорошо встретили в пионерском лагере» и т. д. Делали-то живые люди, уважаемые (добрые и умные) «Они». Но, произнося те фразы, мы людей не видим. Мы видим не их, а их дела. Живые люди за делами как бы незаметно ступшеваются.

Гораздо более чувствительно входят в наше сознание другие: «Человек Он», «Человек Она», «Люди Вы» (когда перед нами свыше одного) и «Человек Вы» (когда перед нами один, но *мне* не очень близкий). Таких людей мы видим несравненно лучше, чем «Людей Они», и почему-то чувство уважения к ним, когда оно возникает, ощущается сильнее.

Почему это?

Потому ли, что человек по самой своей природе нуждается в четкой личности, чтобы проявить к ней высокие симпатии и уважение? Или потому, что, уважая человека с именем и фамилией, мы рискуем меньше, чем уважая просто «Одного из...» (ведь какой-нибудь «Один из...» может оказаться не таким достойным, как его товарищи)? Во всяком случае, это так, и, следовательно, говоря о многих, полезно *видеть их по одному*.

Но всего лучше в наш внутренний мир входят наши «собеседники»: люди по имени «Ты». Не по обращению «ты», хотя может быть и такое, а по самому факту общения с ними и «по моему» к ним влечению.

Если «Я» – «первая» личность для каждого (ведь человек «из себя» начинает познавать другие личности, как и все окружающее), то «Человека Ты» можно бы назвать условно «второй» личностью. «Второй» потому, что он всех других («третьих») ближе. Ближе и физически: он в данный момент собеседник, стоит рядом. Ближе и потому, что к нему испытываешь доверие, симпатию. Ближе, наконец, и потому еще, что если «я» его уважаю, то, следовательно, по-настоящему признаю его индивидуальность, личность, признаю, что и он – полноправный «Человек Я». То есть как бы «моей породы».

«Человек Ты» производит наибольшее впечатление, потому что мы его не только с внешней стороны видим. И судим о нем не лишь со слов других людей. Он нам самим раскрывается. Мы видим этого человека и изнутри, а когда нам что-то остается непонятным, мы задаем ему вопросы, проверяем собеседника на деле.

Лучше всего нам дано познать «Человека Ты». И лишь к нему всего полнее раскрывается заслуженное уважение.

Какой отсюда вывод?

Он прост. Больше всего выполняет свой долг уважения к людям тот, кто умеет видеть в других не безликих «Они», а своих собственных собеседников, «Людей Ты».

Счастье для живущих рядом с кем-то, если тот умеет видеть в людях «Человека Ты», умеет проявлять к ним должное уважение.

Грустно жить с людьми, не обладающими таким даром.

Впрочем, и у таких людей жизнь пуста и сиротлива.

Ведь если подумать хорошенько, то относиться с уважением к другим важнее даже «мне», чем «им», этим «другим людям». Глава о «Человеке Ты» скорее учит не альтруизму, а... эгоизму, правда, эгоизму добродушному, никого решительно не задевающему.

У французского писателя Андре Моруа есть такие слова:

«Если мы хотим, чтобы другие нас любили, надо говорить не о том, что интересует нас, но их. А что же интересует их? Они сами. Невозможно наскучить женщине, беседуя с ней о ее характере, красоте, расспрашивая о ее детстве, о том, что ее печалит. Невозможно наскучить мужчине, заставляя его говорить о себе...

Другой способ нравиться, вполне честный, – хорошо отзываться о людях. Если им это передадут, они обрадуются и будут склонны хорошо думать о Вас.

Взаимность существует. Из-за сердитой фразы, переданной недоброжелателем, люди становятся лютыми врагами».

Тот, кто имеет «Человека Ты» (особенно – много, много их), тот, научившись хорошо познавать других, сам скорее раскроется с наибольшей полнотой, проявит себя в наилучшем врожденном качестве.

Искать в людях хорошее

*...Если человек сам стал хуже, то все ему хуже
кажется.*

М. Ю. Лермонтов

Доверие к людям

В раздевалке школьного спортзала исчезли часы. Это было тем более неприятно, что ни о чем подобном в школе раньше и не слыхивали. Можно было (и в девяти случаях из десяти так бы, видимо, и поступили) немедленно вызвать милицию. Но директор школы не торопился. Он долго думал, вычеркивая мысленно из списка вероятных похитителей одного за другим: этот не мог, и этот тоже... Наконец, остался один. Складывая все возможные побудительные мотивы, педагог пришел к выводу: да, это он. На следующее утро «его» пригласили в директорский кабинет.

– Слушай, ты принесешь часы, – директор взглянул на свои, – через двадцать минут (их было достаточно, чтобы сбегать домой и обратно). Обещаю: первое – никто не узнает, как они нашлись, второе – ты никогда больше не услышишь об этом.

Двадцати минут действительно хватило. С тех пор прошло десять лет. Похитителю теперь двадцать пять. Он юрист и человек безупречный...

Есть одна – давно установленная – истина: каждый человек старается быть таким, каким его видят другие. Не всегда и не так, чтобы уж слишком откровенно. Но – большей частью достаточно отчетливо.

Когда в Москве, затем и в некоторых других городах Советского Союза, появились автобусы и троллейбусы без кондукторов, «зайцев» стало меньше. Как говорят работники городского транспорта, практически сейчас все берут билеты, правильно опуская в кассу деньги и предпочитая лучше переплатить, чем недоплатить.

Люди, не сговариваясь, словно благодарят за оказываемое им доверие.

А вот еще пример. Приведу его для курьеза и для контрастного сопоставления.

Несколько веков назад власти Франции ввели жесточайшую кару за воровство: пойманным отрубали руку. Вероятно, больше всего от нового закона пострадали не настоящие воришки,— они осторожны. Пострадал в основном голодный люд, случайные и незначительные виновники. И что же: пока действовал этот закон, во Франции было самое высокое в истории страны число краж на душу населения!

Вывод прост: лучше, по возможности, думать хорошо о людях. В крайнем случае, стараться думать хорошо. Добрые последствия обычно сказываются.

Ну, а если сталкиваешься действительно с плохими?

Начнем с вопроса: существуют ли плохие люди?

Несомненно. Но!..

Во-первых: их не слишком много.

Во-вторых: большинство их исправимо.

У каждого человека есть свое хорошее. И оно может быть открыто. И часто это делают доверием, уважительностью.

Вспомним, как к человеку, хорошему по своей биологической природе, приходит плохое. Оно приходит от плохой среды, дурного воспитания, легковерия, при отсутствии самоконтроля. Порой приходит также от дурной славы.

Есть поговорка: «На час ума не станет — навек дураком прослывешь». Если ее слегка переиначить, то можно сказать так: «На час хорошего не станет — на век плохим прослывешь».

Это укор не оступившемуся, а окружающим.

Оступаться, то есть ошибаться, может каждый. Точнее — нет таких, кто не ошибался бы.

...«Не ошибается тот, кто ничего практически не делает»,— говорил Ленин^[53].

Но всегда ли за ошибку следует карать дурной славой?

Нет, я не против наказаний, не за то, чтобы «всем прощать». Наказывать порою надо. Но, во-первых, без озлобленности. Во-вторых, с учетом истинной весомости проступка, а главное — с учетом

всех последующих душевных метаморфоз, то есть – изменений в психике человека.

Да, среди людей это распространено – давать другим характеристики: устные и письменные, хорошие и плохие, выполнять чье-то поручение и по собственной потребности. Дают человеку характеристику в глаза, чаще дают заочно. Дают, испытывая неловкость, дают и испытывая радость.

Чему же практически служат характеристики?

Если характеристика казенная, стандартная – она ничего о человеке не говорит.

Будучи нестандартной, – «творческой», она куда полнее раскрывает того, кто пишет, чем того, о ком пишется.

Психолог по характеристике без малейшего труда узнает отношение пишущего к описываемому, внутренний мир, широту и ограниченность автора. Об описываемом он узнает много меньше. В лучшем случае увидит схему, но ведь людей-схем не бывает. Самый с точки зрения плохой характеристики малоценный человек был и остается человеком.

Работал в прошлом веке в Голландии, в Утрехтском ветеринарном училище молодой доцент Якоб-Гендрик Вант-Гофф. Он сочинил новую гипотезу: так называемую стереохимическую гипотезу о том, как атомы веществ располагаются в пространстве.

Как же отозвался о гипотезе Вант-Гоффа его коллега профессор Адольф Кольбе?

Вот слова-характеристика профессора:

«Некому доктору Вант-Гоффу, занимающему должность в Утрехтском ветеринарном училище, очевидно, не по вкусу точные химические исследования: он счел более приятным сесть на Пегаса^[54] (вероятно, взятого напрокат из ветеринарного училища) и поведал миру то, что узрел с химического Парнаса, достигнутого им в смелом полете, – о расположении атомов в пространстве вселенной».

После такой характеристики молодого ученого следовало бы вроде с работы снять, перевести его на что-нибудь попроще, ненаучное. А что получилось?

О Кольбе сегодня знают лишь специалисты. А имя Вант-Гоффа записано в ряду имен крупнейших мировых ученых. Он стал одним из

основателей науки – физической химии и стереохимии. Нет старшекласника, который не знал бы Вант-Гоффа.

Не убеждаю никого, но твердо верю: основная достойная задача характеристики – выискивать и отмечать в человеке хорошее. Служить доброй славе человека. Говорить, как о главном: на что человек способен. Аттестовать его примерно так, как это делают дипломы и аттестаты специальных учебных заведений: «Лобанов Андрей Витальевич может служить санитарным врачом». И больше ничего.

И больше ничего, если нет каких-то совершенно исключительных причин упомянуть попутно и о пятнах.

Интересно, что по-настоящему большие, выдающиеся люди в большинстве своем не любят глубоко копаться в недостатках ближних (хотя, естественно, у людей немало антипатии). А вот выискивать таланты, возможности других они ужасно любят. И любят всячески поощрять подобные возможности, стараются, где могут, сказать что-то хорошее, дельное о человеке.

Иначе говоря, в противоположность людям недалеким светлые умы тяготеют к творческим положительным характеристикам.

Более десяти лет в середине прошлого столетия работал Чарлз Дарвин над своей теорией о естественном отборе. Неожиданно он получил рукопись незнакомого ему естествоиспытателя Альфреда Уоллеса. Рукопись называлась «О стремлении разновидностей к неограниченному уклонению от первоначального вида». Автор излагал свою теорию, чрезвычайно похожую на ту, что разрабатывал сам Дарвин.

Дарвин оказался в сложном положении. Опубликовать работу неожиданного соперника – значит самому способствовать признанию Уоллеса автором эволюционной теории. Не печатать? Поступить некрасиво?..

Дарвин сделал так: статью Уоллеса он напечатал и как редактор расхвалил. Только сопровождал ее краткими выдержками из собственной работы.

Как же события развивались дальше?

Уоллес познакомился с работой Дарвина и сам публично заявил, что его редактор сделал больше, что Дарвина следует считать по справедливости основателем теории. Уоллес к этому добавил, что единственной заслугой собственной работы считает то, что

опубликование ее послужило поводом к опубликованию материалов Дарвина.

«...Я не знал тогда,— признавался позднее Дарвин,— сколько великодушия и благородства в характере этого человека».

Вернемся к главной теме.

Пример, подчеркивающий значение доверия к другим, казалось бы доверия не заслуживающим.

Советская наука становилась вместе с Советской властью. Революционные бои лишь разгорались со всей страстью, когда был составлен В. И. Лениным – весной 1918 года – «Набросок плана научно-технических работ». Вождь Октября предлагал «организовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России».

Но где взять специалистов?

Большинство либо эмигрировало, либо работало спустя рукава. Некоторые саботировали.

И вот Ленин попросил Максима Горького посредничать между новым строем и интеллигенцией. «Скажите интеллигенции,— говорил Ленин,— пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения»^[55].

Доверие нашло свой отзвук. Интеллигенция пошла к Советской власти. Не вся, правда,— небольшая ее часть. Но малые числом, первые попутчики революции – ученые, художники, писатели – необычайно много сделали для научно-культурного обновления страны.

Магия приличий

Воспитывать.. самая трудная вещь. Думаешь все теперь кончилось! Не тут-то было: только начинается!

М. Ю. Лермонтов

Воспитанность

Воспитанность не все относят к глубинным ценностям души. Она ведь чувствуется внешне, ее не утаишь. Она настолько четко обозначается в словах, манерах, сдержанности, во всем поведении человека, что ее постоянно путают с таким вроде бы чисто внешним качеством, как вежливость.

В действительности смешивать их нельзя. Вежливость лишь часть воспитанности. Хотя если вежливость стала для кого-то привычкой, если она вошла человеку в плоть и кровь, если она окрашивает все его поступки, то такую вежливость и впрямь трудно отличить от воспитанности.

И все же вежливость – это внешнее проявление воспитанности. Цель ее – украшать нашу повседневность, наши будни.

В этом смысле в ней есть что-то общее с красотой одежды: та ведь тоже украшает повседневность и наш быт. Красивая одежда украшает внешний вид людей, а вежливость – их поступки.

Я бы сказал, пожалуй, так: одежда придает достоинство фигуре человека, а вежливость – достоинство его поведению.

Итак, воспитанность и шире и глубже вежливости. Корни воспитанности – во внутреннем мире людей.

Приведем примеры, чтобы показать рельефнее, чем оба качества отличаются друг от друга.

Представим следующее. Человек обращается к кому-то и говорит:
– Хочу заниматься в вашем фотокружке. Можно мне рассчитывать, что вы меня возьмете – сейчас или позднее? Можно – буду ждать, ничего искать не буду. Нельзя – поищу другое.

Человеку очень важен ответ, хотя бы отрицательный (неопределенность всегда хуже всего). А ему только улыбаются и что-то добродушно говорят. Только не о деле, не о возможности быть принятым.

Пришедший нервничает, пытается пробить стену тупого добродушия. Он мысленно восклицает: «Ну, хоть соври что-нибудь, только не крути! Я так мечтаю научиться фотографировать, мне так надо поскорей начать заниматься!»

А ему – ничего! Хоть лопни – ничего! Одни любезности, улыбки... Либо тот, с кем говорят, решать сам ничего не может, а признаться в этом из самолюбия не хочет. Либо нравится упиваться хоть крохотной, да властью!

Вежливость как будто налицо. А воспитанность? Даже ни капельки! Одна невоспитанность. Та отвратительная ее форма, которую прямые люди называют «хамством».

Другой пример: лживое обещание.

Кто их не знает – обольстительных трепачей!

– Достать билет в театр? Достану, достану, бога ради не беспокойтесь.

И – ничего!

– Куплю, куплю вам в комиссионном дешевые коньки! У меня так: сказал – значит, сделал...

И тоже ничего! Пустая болтовня, украшенная предупредительностью, внешним проявлением симпатии.

Вежливость в какой-то степени мирится с сознательным обманом, воспитанность – никогда.

Воспитанность – вид красоты, живущей одновременно и в помыслах человека, и в его поступках. Она и своего обладателя облагораживает, и облагораживающе действует на других.

Поэт Владимир Солоухин, сетуя на недостаточное внимание людей к воспитанности, к воспитанию, верно сказал:

«Конечно же... моральный облик зависит главным образом от воспитания. Сейчас можно услышать: «Он защитил диссертацию, он кандидат наук», «Он прекрасно развит физически», «Он отлично учится», «Он замечательный актер». Но возьмите книги наших классиков, найдите те места, где авторы характеризуют своих героев. Одним из первых качеств человека всегда называлось: «Он хорошо

воспитан». Теперь вспомним и я, и вы, читатель, когда в последний раз мы произнесли фразу: «Хорошо воспитанный молодой человек».

Я не хочу сказать, что у нас нет вовсе хорошо воспитанных людей. Как-то само собой получается, что они есть. Но для меня несомненно, что мы об этом думаем меньше, чем об образовании, меньше, чем о физической подготовке и других подготовках. А ведь это огромная область взаимных отношений человека – не с вещами, не с приборами, не с машинами, не с наукой, не с искусством, не с природой даже, но со всеми другими людьми».

Из чего же складывается воспитанность? Что ее определяет?

Я назвал бы в первую очередь следующие качества: хорошие манеры, приветливость к людям, уважительное обращение с ними, особенно с теми, кто послабее (с женщинами, стариками, детьми, больными) или кто от нас зависит, сдержанность в словах и поступках, культурность языка.

Что все это значит?

Начнем с манер.

Манеры или, точнее, хорошие манеры замечательная печь. Это как бы немая вежливость, вежливость всем внешним видом, вежливость жестами. Хорошие манеры – это умение скромно (не обязательно незаметно) держать себя на людях; сидеть как полагается за столом; правильно пользоваться ложкой, ножом; красиво идти по улице; красиво держаться в кино, в театре, на вечеринке.

Все, что угодно, можно сказать о манерах, только не то, что они пустяки. Это очень существенная часть общественного поведения человека. Можно лишь пожалеть, что мы до последних лет мало уделяли им внимания, а ведь с хороших манер начинается и вежливость, и настоящая воспитанность.

Можно понять, почему Петр Великий, занимаясь благотворными реформами, не обошел манер. Бесподобны и по стилю, и по своей конкретности, не оставляющей никаких неясностей, предписания Петра насчет одежды!

Мужской:

«Нами замечено, что на Невском Прошпекте и в ассамблеях недоросли отцов именитых в нарушение этикету и регламенту в гишпанских камзолах и панталонах с мишурой щеголяют предерзко.

Господину полицмейстеру С.-Петербурга указую впредь оных щеголей с рвением вылавливать, сводить в Литейную часть и бить кнутом, пока от гишпанских панталон зело похабный вид не окажется, на звание и именитость не взирать, а также на вопли наказуемых».

И женской:

«Замечено, что жены и девицы на ассамблеях являющиеся не зная политесу^[56] и правил одежды иностранной, яко кикиморы одеты бывают. Одев робу и фижмы ни аталасу на грязное исподнее потеют гораздо, отчего гнусный запах распространяют и гостей из иностранных в смятение приводят.

Указую впредь перед ассамблеями мыться в бане с мылом с рвением и не токмо за чистотой робы, но и за исподним также следить усердно, дабы гнусным видом не позорить жен российских».

У нас сейчас учебники хороших манер и правил хорошего тона издаются редко. А жаль! Я верю, что пробел заполнят.

Конечно, нам не годятся ни петровские, ни более поздние, но все же несовременные учебники. Однако современные-то ох как нужны!

Недавно – в 1975 году – вышла книга «Основы эстетического воспитания». В ней есть глава «Эстетика поведения и быта». В ней говорится, в частности: «Умелая организация занятий по развитию навыков правильного поведения (будут ли то беседы, диспуты, вечера или другие формы) поможет учащимся сформировать в себе разумное отношение как к поступкам товарищей, так и своим собственным». Надо бы об этом побольше: специальные учебники, правила...

В последние годы у нас повсюду усилилась тяга к вежливости. Об этом говорит молодежь, на эту тему высказываются старые рабочие.

Характерно в этом смысле выступление представителя старшего поколения строителя города Электросталь Героя Социалистического Труда Ивана Васильевича Ялагина. Вот слова заслуженного рабочего:

«Я думаю, что возможны и полезны собрания «О вежливости». Носить они должны, конечно, поначалу остроконкретный характер, то есть «отталкиваться» от соответствующего тревожного повода... А потом можно и «вообще» поговорить! Почему бы, к слову, старым людям не рассказать о тех добрых традициях народной вежливости, о которых забывает порою наша молодежь?

Да мало ли о чем можно с пользой потолковать. Хотя бы о том, что иногда (я вот не раз замечал) и хочет юноша оказать почтение

старику или женщине – ну, уступить место или дорогу, а удерживает его боязнь показаться смешным в глазах товарищей. Живет еще этакое дурацкое ухарство, любование собственной развязностью... Живет и влияет даже на хороших ребят.

А ведь мы должны создать такую общественную атмосферу, чтобы смешной выглядела именно невежливость. Чтобы человек, не уступивший места женщине, безразлично, молодой или старой, вызывал смех, далеко не добродушный. Надо смеяться над этим также зло и мастерски, как мы уже научились смеяться над пьяницами, дебоширами, бездельниками...»

Трудно с этим не согласиться.

В воспитанности, так же как и в других качествах, нет ничего вечного. Нормы поведения меняются в зависимости от господствующих взглядов, социального и экономического уклада общества.

«Если женщине подал пальто человек вашего круга,— говорилось в одном из наставлений, изданных до революции,— обязательно поблагодарите его. Если же пальто подал швейцар, его не благодарят. С лакеем, горничной не здороваются и не прощаются».

Правила хорошего тона буржуазного общества, предписывающие делать вид, казаться не тем, кто вы есть, высмеяны Гоголем, Чеховым, Толстым.

Воспитанным мы считаем человека, освоившего принципы коммунистической морали, вобравшего в себя все самое лучшее, что накоплено человечеством за всю его историю.

Маленькие ключи от большого сада

*В человеке должно быть все прекрасно: и лицо,
и одежда, и душа, и мысли...*

А. П. Чехов

Приветливость

— ...И обращение с другими,— сказал один читатель библиотечарше, которая не ответила на его приветствие. При этом он показал ей на плакат со знаменитыми чеховскими словами (поставленными нами в эпиграфе), висевший тут же.

Среди основ общественного поведения личности внешне выделяется одна: приветливость.

Приветливость помогает людям установить между собой отношения симпатии.

Когда человек тебе незнаком или знаком поверхностно, то с приветливости к нему начинается доброе общение. Она как бы ключ от калитки в сад души незнакомца.

А если человек знакомый? Быть может, даже очень? Тогда тем более необходимо обращаться с ним приветливо. Это очень чувствуется, постоянно ценится и друзьями.

Как никогда и никому еще на свете не надоело слышать простенькую фразу от дорогого человека: «Я тебя люблю», так не родился еще тот чудака, который на приветливую улыбку друга вдруг огрызнулся бы или состроил рожа. Тоже улыбнется, и обоим станет лучше и уютнее.

Кстати, об улыбках.

Многие не подозревают, а ведь в улыбках в самих по себе таится очень много.

В Америке я слышал поговорку: «Улыбайся утром час, и у тебя весь день будет превосходное настроение».

Рецепт совершенно точный. Всякий может проверить его на себе.

Людям нравится, когда к ним обращаются приветливо. К ним хорошо обращаются, и они стараются показать, что заслуживают этого, что так обращаются к ним не зря.

Исполненные благодарностью, и они отвечают приветливостью сами.

Вот и получается, что приветливость, как, скажем, то же доверие, – невод для «выуживания ценностей» из чужой души. Доверие как бы заставляет того, к кому его относят, быть порядочным; приветливость побуждает его вести себя с достоинством.

Высокую мудрость проявили наши отдаленнейшие предки, создавшие обычаи гостеприимства почти восемь тысяч лет назад! Вот когда поняли цену приветливости!

Остановимся на пресловутой неискренности вежливых обращений.

Широко распространено мнение, что приветливость вежливых людей чуть ли не всегда принципиально покоится на лжи.

Положим: я приветствую кого-то мне противного, говорю ему: «Здравствуйте», а сам тут же думаю: «Чтоб тебе провалиться!» Уступаю место в автобусе злой старухе, а самого свербит: «Какого лешего ты в часы «пик» едешь! Лежала бы себе в постели до одиннадцати, успеешь на базар».

Что сказать на это? Вроде бы и впрямь выходит, приветливость – ложь. Благородная, но ложь.

А копнуть поглубже – лживого здесь нет и в помине.

Разве, когда мы говорим «здравствуйте», мы вкладываем в слово смысл: «Я требую, чтобы все твои болезни – грипп, кашель, насморк, перебои в сердце и тому подобное, немедленно испарились»? Да ничуть, конечно, не бывало. Даже встречая задушевного своего друга, мы, произнося приветствие, подразумеваем только – скромно и доброжелательно: «это я»^[57].

Кажется, в одном-единственном случае оно становится чуть красноречивее: когда приветливо и первым здоровается сильный или старший в чем-то человек (а старший – возрастом или положением – человек, если он культурный, часто здоровается первым). В таком случае к основному смыслу «это я» как бы добавляется: «только ты меня не бойся, я не тигр, а ты не антилопа».

О какой же лжи может идти речь, когда оба одинаково понимают, что говорит другой? И когда вдобавок каждый знает, что другой понял точно взаимное приветствие.

Лгать, конечно, лгут порою (пример с фотокружком), но не потому, что вежливы, а потому, что недостаточно воспитаны.

Обратимся к следующему свойству воспитанности: к уважительному обращению с людьми. В чем оно заключается?

Конечно, не в выпренних выражениях, не в неестественных словах любезности.

Никто, например, сегодня не потребует (и было бы смешно), чтобы люди вдруг начали разговаривать с изысканностью, принятой когда-то на Востоке. Как именно, можно судить хотя бы по бланку в старинной пекинской газете «Цзин-Пао», служащему для возвращения авторам непринятых рукописей. Содержание бланка таково:

«Преславный брат Солнца и Луны!

Раб твой распростерт у твоих ног. Я целую землю перед тобой и молю разрешить мне говорить и жить. Твоя уважаемая рукопись удостоила нас своего просвещенного лицезрения, и мы с восторгом прочли ее. Клянусь останками моих предков, что я никогда не читал ничего столь возвышенного. Со страхом и трепетом отсылаю ее назад. Если б я дерзнул напечатать это сокровище, то президент повелел бы, чтобы оно служило образцом и чтобы я никогда не смел печатать ничего, что было бы ниже его. При моей литературной опытности я знаю, что такие перлы попадают раз в десять тысяч лет, и потому я возвращаю его тебе. Молю тебя: прости меня. Склоняюсь к ногам твоим.

Слуга твоего слуги, редактор (подпись)».

В таком духе в наши дни, вероятно, не объясняются и на Востоке.

А как обращаться друг к другу нам?

Чрезвычайно просто: надо в основном почаще вспоминать такие выражения, как «будьте добры», «очень вас прошу», «пожалуйста», «спасибо», «благодарю вас», «вы так любезны» и т. п.

Большую роль для выражения уважительности к людям играет интонация. Интонация голоса, с которой один человек разговаривает с другим.

«Есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ это написать»,— остроумно заметил

английский драматург Бернард Шоу.

Разрешите представить тебе крупного специалиста в области интонации – того самого артиста и режиссера, Николая Павловича Акимова, которого мы уже вспоминали.

Вот что он как-то высказал по этому поводу в одной из своих статей (пересказываю с маленькими сокращениями):

До сознания большинства людей уже дошло, что чрезмерное повышение голоса может считаться обидным: «А вы на меня не кричите!» Тут уже нет претензий к тексту, а только к силе звука. Но обидеть можно, оказывается, и произнося вполне приличный текст, не повышая голоса. Таковы неограниченные возможности подтекста и вытекающая из этих возможностей ответственность.

Представьте себе самый обычный случай: вы в чужом городе, ищете нужную вам улицу, встречаете прохожего.

Вы. Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу Горького?

Прохожий (останавливается, улыбается). О! Это совсем недалеко. Все прямо, потом первая направо. Там на углу сквер, вы сразу увидите!

Вы. Спасибо.

Прохожий. Не стоит. (*Еще раз улыбается и удаляется.*)

В этой несложной сцене содержится очень много существенного. На ваш отклик прохожий остановился и обратил к вам приветливый, вопрошающий взгляд. Вам уже приятно, что незнакомый смотрит на вас с симпатией. Он рад вам сообщить, что это недалеко. Он сообщает вам дополнительную примету, которая облегчит вам находку нужной улицы. Он подчеркнул, что его не стоит благодарить, и вы расстаетесь с ним, не только узнав, куда вам надо идти, но и с общим приятным впечатлением от этой случайной встречи с человеком, которого, вы, вероятно, никогда больше не встретите.

Но возьмем другой вариант этой сцены.

Вы. Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу Горького?

Прохожий (не останавливаясь, через плечо). Чего?

Вы (смущенно). Простите, я спросил, как пройти на улицу Горького?

Прохожий (совсем отвернувшись). Первая направо. (*Ушел.*)

Практически вы, конечно, узнали дорогу, но вы остались с ощущением, что почему-то внушили неприязнь этому человеку, что он не одобряет ваше желание пойти на улицу Горького, что вы вообще вызываете у встречных отвращение и что спрашивать дорогу у таких занятых людей – неделикатно.

Может быть, тяжелое ощущение скоро пройдет, и даже наверное пройдет, но какая-то минута в жизни у вас испорчена. А ведь в описанном варианте разобран самый обычный, самый безобидный случай.

«Сдержанность в словах и поступках» – так мы называем следующее важное достояние воспитанных людей.

Воспитанность украшает человека не только тем, что раскрывает лучшие стороны его души. Но и тем еще, что она подавляет дурные порывы. Например, гнев. Как это важно, особенно если человек – по природе или из-за пережитого – вспыльчив!

У гнева есть одна противная особенность: он часто разрастается, как лавина. Когда оба поссорившиеся – петухи, то их ссора быстро переходит границы. Они говорят друг другу вполне бессмысленные вещи, объективное выяснение истины их перестает интересовать. Они вообще очень скоро забывают, из-за какого пустяка началась ссора. Их мозги переключаются на куда более важное: как можно унижительнее оскорбить, как можно больней ударить.

И унижают! И ударяют!

К чему приводит лавина гнева, мы все прекрасно знаем. И каждый по собственному опыту. И по всевозможным классическим образам, вроде грустной истории об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, поведенной нам Гоголем.

Но как бороться с гневом, особенно с его последствиями?

Над этим задумывались еще древние. Они находили иногда неплохие (к сожалению, пригодные в основном лишь для своей эпохи) решения.

В Афинах в незапамятные времена был суд, пользовавшийся большим авторитетом. По легенде, сами боги спускались иногда с Олимпа, чтобы предстать перед мудрыми афинскими судьями и тем поднять их значение.

Так вот, внимание афинского суда было обращено и на последствия гневных вспышек. Судьи заранее исходили из того, что

сделанное или сказанное в гневе почти никогда не основывается на правде. Они руководствовались мудрым законом: конфликт, возникший в результате ссоры, не разбирался, если жалоба писалась ранее чем через десять дней после конфликта. В результате огромное большинство дел, могущих быть возбужденными, не возбуждалось.

У древних греков был, между прочим, еще один умный закон: непосредственно перед началом судебного заседания истцы и ответчики в обязательном порядке принимали холодный душ.

Сейчас это выглядит наивно. Давно все пришли к выводу, что важнее не допустить конфликта, чем потом как-то пытаться уменьшить его последствия.

И вот тут-то оказалось, что лучшим средством «гашения искры» является исходная воспитанность человека, его сдержанность.

Человеку сдержанному легче обойти подводный камень, сохранить собственное достоинство и не оскорбить достоинства противника (что тоже очень важно, чтобы не оставлять в нем осадка, желания «отплатить»). Очень характерно в этом смысле признание Льва Николаевича Толстого:

«Я всегда старался не раздражаться и уступать в ссоре, чем достигал умиротворения, а потом уже в спокойном состоянии дело улаживалось само собою. Почти всегда приходится жалеть, что ссора не была прекращена вначале».

В заключение два слова о таком признаке воспитанности, как «культурность языка».

Очень важно хорошо говорить, чтобы производить на людей приятное впечатление. Полезно запомнить еще одно правило: главное в языке культурных людей – его естественность.

Не то страшно, когда в язык вливается что-либо из так называемого просторечья: «пошто», «нешто» и т. д. Просторечье никогда не коробит слуха, а иные народные слова вдруг прочно вливаются в язык культурного человека, становятся украшением культурного языка.

Повстречалась мне как-то «модернистка»: девушка, старающаяся блеснуть своею тонкостью и умением выражаться «модно». Надо сказать «шкаф», она – «шифоньер». Особой изысканностью считала вставить в разговор: «я вас недопоняла» (вместо «не поняла» или «не

совсем поняла»). Телеграмму родственникам сочиняла так: «хочу предпринять то-то» (вместо просто «хочу сделать»...).

Вот образцы отвратительного языка! Отвратительного своей вычурностью, неестественностью. Никогда ни один культурный человек, конечно, так не говорит.

Подобных выражений и слов должен избегать всякий, претендующий на воспитанность. Потому что употребление хорошего русского языка стоит рядом с хорошими манерами. И с глубокой культурой поведения вообще.

Думаю, о языке достаточно. Вероятно, читатель знаком с великолепными выступлениями на этот счет Корнея Ивановича Чуковского. Особенно с его книгой «Живой как жизнь» (разговор о русском языке)^[58]. А что существенного тут добавишь?

Можно только посоветовать на всякий случай: тем, кто не читал упомянутой книги, полезно попросить ее в библиотеке. Она почти наверняка там есть.

Воспитание порядочности

При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков).

Конфуций^[59].

Порядочность

Слышал об одной старинной семье. Кого только из нее не выходило: известные ученые и инженеры, художники и педагоги, руководители крупных предприятий и писатели, путешественники и музыканты. Род славится талантами, а еще – суровыми традициями. Едва кто-нибудь из юных его членов оканчивал школу, родители тут же, почти без денег, отправляли его в далекий город. Подросток, чуть не плача, бешено работал. Он поступал учиться, а вечерами что-то чинил, строил. Или мыл посуду. Или носил тяжести. Незаметно на смену отчаяния приходило утешение. В человеке развивались мужество и воля, злость на собственные слезы и упрямство, самолюбие и жажда знаний. Развивались сдержанность и страстность, находчивость и фантастическое трудолюбие (рабочий день в одиннадцать часов казался чуть ли не днем безделья). Проходило десять-пятнадцать лет, и в стране появлялся еще один профессор. Или талантливый инженер. Или скульптор, чьи прекрасные статуи начинали украшать площади городов и сады курортов.

Теперь уже *эти люди* твердили своим детям: «Мы из таких-то, не забывай! Окунись и ты в Глубины Учения и загляни в Высоты Послушания»...

Теперь уже дети следующего поколения, становясь семнадцатилетними, с тревогой и слезами покидали дом родной.

Многие критиковали те традиции. Говорили об их жестокости, сравнивали с нелепым способом учить плавать, бросая неумеющего в

волны. Сомневались в их разумности, приводили довод: «Раз талант уже заложен, неужели он и дома не распухнет?!»

Но кой-кому традиции нравились. «Потому все в этой семье и добивались успеха, что с ранних лет учились преодолевать препятствия. Эти традиции – прекрасная почва для расцвета великого свойства личности – *порядочности*».

Такое говорили не случайно. Все было разным у членов рода – профессии, характеры, живые судьбы... Все, кроме одного: неспособности совершить что-либо недостойное, кристальная чистоплотность во всех делах. В этом они все были совершенно одинаковы.

Родители, возможно, не задумывались о нравственных последствиях воспитания своих детей нуждой, физическим трудом, общением с рабочими и простой, но благородной моралью простого люда. А результат всегда был один: такое воспитание облагораживало детей. Они выходили на дорогу взрослых честными, порядочными людьми. Семена эгоизма и корыстолюбия, низменных побуждений и алчности к деньгам, семена вообще всего недостойного, попадая в них, как способны попасть в любого, тщательно вымывались из их душ чистой водой трудовых забот и честных человеческих взаимоотношений.

Прекрасно понимаю, что традиции, описанные выше, не годятся для широкой популяризации. А вот о нравственном воспитании трудом, скромной обстановкой не сказать нельзя. Почему? Потому что это лучший способ нравственного образования. А если его нет – или оно недостаточно, – то человек не вправе считаться образованным, какие бы он школы ни кончал, в каких бы институтах ни учился.

Человек должен быть тем порядочней, чем больше обыкновенного – умственного, профессионального – образования он имеет. В противном случае он остается полуобразованным, а полуобразованность за счет нравственных недостатков куда страшнее полуобразованности за счет обычных знаний.

Поясню, что значит «зло полуобразованности». Начну, чтобы проще все понять, с нехватки обыкновенных знаний.

Как-то на экранах нашей страны шел веселый кинофильм «Айболит-66». Там были пираты, и они пели песенку:

Мы безграмотные очень,—
Сотворим чего захочем.

Если б песенка была серьезной, можно было бы возразить:

— Не получится! Совсем безграмотные многого не сотворят. Силенок не хватит: ума, умений, знания.

Естественно, в нормальном, социалистическом обществе не сотворят много зла и грамотные: нормальный человек редко делает что-либо сознательно во зло другим, да еще ничего дурного ему не сделавшим людям.

Кто в самом деле сотворит «чего захочет», так это полуграмотные. Они как тот горе-мастерской, который научился нажимать кнопки у сложного станка, а управлять им не научился. Ни хороших деталей на нем он делать не умеет, ни сразу правильно реагировать на неполадки.

Такой «полудокарь» и станок в два счета может загнать, и цех спалить, и людей покалечить.

Что же сказать о *нравственной полуобразованности*?

Жил во Франции в XVI веке писатель и моралист Мишель Монтень. Он считал, что самые благородные и порядочные люди на земле — это крестьяне и философы. «Прекрасные люди крестьяне, прекрасные люди философы»,— говорил Монтень.

Можно было бы возразить: «При чем же тут занятие? Разве не бывает сколько угодно прекрасных людей — представителей других занятий?»

Бывает, разумеется. Вряд ли и сам Монтень сомневался в этом. Интересно, однако, разобраться в его логике, найти ответ на вопрос — почему он так выразился? Что хотел сказать?

А хотел он сказать, что крестьяне и философы — каждые по-своему образованы и это ставит их на большую моральную высоту. Крестьяне нравственны, потому что «живут по нравственным традициям прошлого, не пытаюсь их объяснить». А философы нравственны, потому что это «люди, живущие по законам разума».

И те и другие гармоничны по-своему, у тех и у других есть свои сдерживающие силы.

Иное дело — нравственно полуобразованные. Это — люди страшные.

Они хватили просвещения настолько, чтобы оторваться от здоровых традиций простых крестьян. Но не настолько, чтобы своим умом доходить всякий раз до того, «что можно, а чего нельзя».

На нравственно неполноценных не распространяется древняя истина: «Мудрому не нужен закон, у него есть разум». У полуобразованных нет ни разума, ни закона.

Каков у человека разум, таков должен быть у него и нравственный фундамент.

А если он ничтожен нравственно, даже, может быть, злодей?

Тогда и разум будет развиваться в нем уродливо, пагубно для людей. Знания его не облагородят.

Проиллюстрирую на одном примере.

Перед войной я работал некоторое время главным инженером небольшого механического завода в городе Ухта в Коми АССР. В кузнечном цехе трудился – судившийся до того не раз – бывший крупный домушник, то есть специалист по обиранию квартир. Как-то он придумал остроумное приспособление: с его помощью рабочий мог ловчее подводить детали под боек пневматического молота.

Я похвалил рационализатора, сказал, что он «умно придумал». Вот что он ответил мне вдруг на это:

– А наш брат и должен быть умным, что еще остается! Жулику приходится шевелить мозгами почаще честного. За того закон заступает, а за нас только башка собственная.

Он острил, понятно. Ведь он и жуликом больше не был, его идея была продуктом честного, рабочего ума. И все же слова его можно понять и серьезно.

За преступником охотятся, он должен изворачиваться. Значит, ум его все время тренируется. Но *какой* ум? Отрицательный, преступный!

Выходит, нравственная неполноценность не только может превосходно сочетаться со способностью быстро находить решения, разбираться в очень многом. Но иногда и подстегивает такие способности, увеличивает возможность зла.

Никто не говорит, что ум подстегивается только низкими моральными качествами. Неизмеримо больше благородных причин его развития: любознательность, трудолюбие и так далее.

Но как в физике одного-единственного, «пустякового» нарушения закона достаточно, чтобы опровергнуть его весь, так в области,

которую мы разбираем, вероятно, одного примера дружбы зла и ума достаточно, чтобы смело утверждать: сам по себе ум добра в себе еще не содержит.

И все же какая-то зависимость между нравственностью и образованием существует, не сказать об этом несколько слов просто невозможно.

Мы различаем полуобразованность в знаниях и нравственную полуобразованность. Между тем они притягивают одна другую, влияют друг на друга.

Мне рассказывали как-то о мальчике, который все хорошо начинал – и плохо кончил. Был умным, гордым, старательным – и вдруг все растерял. Попал в компанию подонков-лоботрясов и сам стал таким же. Кругом недоучился, не сделался ни студентом, ни рабочим, и вот – печальный результат. Возможно, ничего значительно плохого он не совершит. Но все равно доверия больше не вызывает. Чести нет, гордости и воли – тоже.

Кто знает – что может вдруг выкинуть общественно неполноценный человек. Книга эта была уже написана, когда я прочитал в газете «Правда» (7 августа 1977 г.) рассказ И. Шатуновского с примерами элементарной невоспитанности среди людей определенно обладающих какой-то образованностью. Замечательно прокомментировал известный советский фельетонист такие случаи:

«У нас порою путают начитанность человека с подлинной интеллигентностью, а образованность с воспитанностью. Между тем школьный аттестат или диплом вуза свидетельствует иногда лишь о степени выученности его владельца. Мы увидим, что данным лицом изучалась физика или химия, но так и не узнаем, остановит ли дипломированный специалист машину, заметив плачущую женщину у обочины».

Чтобы человек стал ценным, настоящим членом общества, мало насыщать его одними знаниями; надо одновременно воспитывать в нем нравственность.

Человек должен быть гармоничным: знания должны в нем расти вместе с порядочностью.

Не сотворят намеренно зла только люди в широком смысле образованные, то есть и знающие достаточно, и нравственно стоящие высоко, обладающие богатыми глубинными ценностями.

Им, и только им одним, дано ощутить великую гордость слов и знающих и достойных – единственных богачей на свете:

«Звездное небо надо мною и закон нравственности во мне».

Идеал – гармония

Природа дала человеку в руки оружие – интеллектуальную и моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону; поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом самым несчастным и диким, низменным в своих... инстинктах.

Аристотель [\[60\]](#).

На протяжении всей книги мы рассматривали, одно за другим, различные свойства внутреннего человеческого мира. Вероятно, в заключительной главе всего естественней поговорить о том, что значит для человека гармония – *согласие*, созвучие их всех.

Как выглядит гармоничный человек?

Лично мне это сочетание двух слов впервые пришло в голову, когда я много лет назад познакомился с Валерьяном Павловичем Правдухиным.

Сейчас его имя мало говорит большинству читателей. А между тем это был хороший писатель, яркий представитель зарождающейся советской литературы. Его книгой на охотничьи темы «Годы, тропы, ружье» зачитывались во время моей юности все (в 1968 году эта книга выходила вновь в издательстве «Советский писатель»). Он воспитал немало начинающих талантов, в том числе талант своей жены, известной писательницы Лидии Николаевны Сейфуллиной.

Мы часто собирались в их маленькой двухкомнатной квартире в проезде Художественного театра, в Москве: директор театра, специалист по проектированию парков культуры и отдыха и я – начинающий инженер.

Сначала шла болтовня – обо всем на свете, – потом Лидия Николаевна потчевала нас чаем с печеньем. После чая мужчины садились играть в распространенную в те времена карточную игру, преферанс, а хозяйка дома, «поболев» немного за чьи-то карты, удалялась на свою половину.

Как я был влюблен в Валерьяна Павловича! Он мне представлялся идеалом человека.

Высокий, статный, как говорится, «косая сажень в плечах» (он был, если не ошибаюсь, из оренбургских казаков), он, кажется, сочетал в себе все лучшее, что выпадает на человеческую долю. Был превосходным спортсменом – одним из лучших теннисистов столицы. Любил природу и охоту, пользовался авторитетом у охотников. Был превосходным редактором и организатором (вместе с Емельяном Ярославским, старым большевиком, основал выходящий и поныне журнал «Сибирские огни»: кстати, в том журнале Сейфуллина опубликовала свою «пробу пера», весь пронизанный многоточиями первый рассказ «Четыре главы»). Был добр и честен. Был тонок и умен...

– Гармоничный человек! – говорил мне о нем «дядя Ваня» (И. М. Сметании, директор театра), когда у нас заходил разговор о маленьком семействе в проезде Художественного театра.

Можно ли сказать, что гармоничный – это тот, в ком всего много: нравственного и умственного, званий и умения с ними обращаться?

Конечно, такой человек гармоничен тоже, как В. П. Правдухин. Но «гармония» значит «соответствие», «пропорциональность». Когда произносят это слово, обсуждая чей-то внутренний мир, подразумевают не столько количество достоинств, сколько их согласованность, единство. И значит, цельность личности.

О цельности мы уже писали (в главе «Цельный человек, цельный мир»). Здесь – об идеалах этой цельности, о том, к чему и цельные натуры – часто незаметно для себя – стремятся.

Они стремятся к всесторонней образованности: умственной и нравственной. Они все больше понимают, что лишь в такой гармонии образуется человек, и тянутся к ней, как могут.

А как добиться этого? Где путь к достижению такой гармонии?

Мне кажется, это путь интеллигентности.

Как выглядит интеллигентный человек?

Иногда первым делом хочется отметить его скромность.

Если говорить о внешнем, видимом, это совершенно верно. Всесторонняя образованность – это достоинство, а достоинство, как мы помним, неотделимо от скромности. Чем человек возвышеннее своими помыслами и делами, чем он больше знает и умеет, тем он

действительно скромнее в личной жизни. Чем больше человек по-настоящему стоит, тем меньше, как правило, ищет для себя. Это святая истина.

Ленин жил в простой и скромной квартире. Единственное, пожалуй, что там было в достатке, – это книги.

В маленьком двухэтажном домике среди деревьев и кустов американского университетского городка Принстона жил до самой своей смерти Эйнштейн – крупнейший физик нашего столетия.

Люди больших дел и чувств обычно далеки от мелочных утех, ценимых чаще всего там, где нет иных утешений.

И все же скромными в идеальном смысле нельзя назвать даже самых возвышенных, самых увлеченных людей.

Идеально скромными, то есть во всем решительно отодвигающими себя в тень, никогда не бывают люди, имеющие что сказать. Они всегда стремятся выразить себя, поделиться своим с *другими*. И те, другие, лишь выигрывают при этом. Выходит, что не только скромность украшает человека; бывает, и какая-то «нескромность» тоже.

По-моему, главные черты интеллигентности надо искать не в видимости. Хотя живущее в глубинах личности не может не вырываться на поверхность, но основное все же остается там, внутри.

Смысл интеллигентности раскрывается в самом этом слове.

Само по себе слово «интеллигентность» происходит от латинского «интеллегере», что значит «постигать, схватывать, быть знатоком». Но смысл, который в него – и в слова «интеллигенция», «интеллигент» – сегодня вкладывается повсюду, во всех языках, имеет чисто русское происхождение.

Сто лет назад русские писатели взяли у французов слово «ентеллижан» (смышлелый, умный, понятливый) и придали ему смысл: всесторонне духовно развитый, возвышенный, тонко чувствующий (людей, вещи, явления). Затем слово – только уже с русскими окончаниями и в русском смысле – вернулось во французский язык и стало считаться – бывают же такие чудеса! – французским, заимствованным в русском языке.

Сейчас, однако, у нас широкое распространение получил другой смысл слов «интеллигентность», «интеллигенция», «интеллигент». Его относят к людям, для которых умственный труд является источником

существования. То есть к врачам, ученым, художникам, инженерам, актерам, учителям, журналистам и другим.

Нетрудно показать, что подобный смысл часто резко противоречит первоначальному: тот, о ком с полным основанием говорят в одном смысле: «он – интеллигент», характеризуется со столь же полным основанием, как «неинтеллигент» в другом смысле.

Вот пример.

Жил в прошлом веке немецкий рабочий-кожевник Иосиф Дицген. Он не имел даже среднего образования: окончил в деревне народное училище, потом два класса городского училища. Проработал большую часть жизни рабочим и мастером.

Кто же был Дицген: интеллигент или неинтеллигент?

– Неинтеллигент, конечно, – должен бы ответить всякий, стоящий на распространенной точке зрения. – Умственный труд его не кормил.

Но вот другая сторона личности Дицгена. Он самостоятельно пришел к диалектическому материализму и написал несколько, ставших потом знаменитыми, философских книг. С ним постоянно переписывались Фейербах и Маркс. Маркс даже как-то приезжал к нему.

Очень уважал Дицгена как мыслителя и Ленин. К 25-летию со дня смерти этого рабочего Ленин написал специальную статью.

Конечно же, Дицген был интеллигентным человеком.

Еще больше интеллигентных рабочих в наши дни.

А наряду с ними можно встретить инженеров, даже профессоров, настоящей интеллигентности в которых не рассмотришь и под микроскопом.

Здесь уместнее просто «специалист». Или: «работник умственного труда».

Как же обозначить емким словом ту гармонию между «наружной» просвещенностью и просвещенностью «внутренней», о которой говорилось в книге?

Я не нашел выражения лучшего, чем «интеллигентность», в его первоначальном, духовном – русском – смысле. Лишь в такой интеллигентности раскрывается точный смысл общей культуры человека.

Думаю, что такая именно интеллигентность указывает человеку путь к гармонии, к тому, чтобы стать по-настоящему достойным

членом общества.

Много прекрасного для личности и для окружающих ее людей открывается на этом пути.

---

notes

См.: В. Келер. Приглашение к открытиям. М., «Детская литература», 1967.

Г. Л. Смирнов. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., Политиздат, 1973.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903–1958) – советский поэт.

Леонардо да Винчи (1452–1519) – итальянский мыслитель, ученый, художник.

Выходила в издательстве «Детская литература» в 1968 году.

Фейербах Людвиг (1804–1872) – немецкий философ-материалист.

Фалес (около 624–547 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-материалист.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 226–227.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

Нансен Фритьоф (1861–1930) – норвежский полярный исследователь, океанолог, зоолог.

Пример я взял из книжки Яна Жабинского «Возможность взаимопонимания», изданной в Польше на русском языке. Она есть в библиотеках. Книжка очень интересная, со множеством фотографий.

Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) – средневековый ученый, философ и чернокнижник.

Подробнее о связи ума с сознанием смотри во второй части в главе «И знание – сила. И сознание – сила».

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – русский революционный демократ, мыслитель и литературный критик.

Мартынов Леонид Николаевич (р. в 1905 г.) – советский поэт.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21, с. 79–80.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 433.

Демокрит (около 460–370 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-материалист.

Словарь по этике. М., Политиздат, 1970, с. 290.

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – русский художественный и музыкальный критик.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат. 1956, с. 566.

Глюк Кристоф Виллибальд (1714–1787) – немецкий композитор.

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) – немецкий поэт и драматург.

Словарь по этике, с. 29.

В. Анучин. Встреча и переписка с Лениным. – «Сибирские огни», 1947, № 2.

Фриц Майхнер. Гадкий утенок. М., «Детская литература», 1967.

Блейк Уильям (1757–1827) – английский поэт и художник.

«Ундина» – поэма Фридриха Фуке (1811), в России была известна главным образом по блестящему переводу В. А. Жуковского; «Джен Эйр» – роман английской писательницы Шарлотты Бронте (1847); «Антон Горемыка» – повесть Д. В. Григоровича (1847).

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – русский критик и публицист.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1957, с. 107.

Духовный мир развитого социалистического общества. Сборник.
М., «Наука», 1977.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) – советский русский писатель.

Плутарх из Херонеи (около 46–126) – древнегреческий писатель-историк, моралист.

Крамской Иван Николаевич (1837–1887) – русский художник.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 23, с. 62.

Честерфильд Филипп (1694–1773) – английский политический деятель и писатель.

Психология. М., «Просвещение», 1966, с. 216–217.

Сенека Луций Анней (род. между 6 и 3 гг. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ, писатель и политический деятель.

См., например, учебное пособие для педагогических институтов. Психология. Раздел «Качества ума» (см. 249 и далее).

Михайлов Николай Николаевич (р. в 1905 г.) – советский писатель и путешественник.

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – русский революционер-демократ, писатель и философ-материалист.

Писарев Дмитрий Иванович (1810–1868) – русский критик, философ-материалист, революционный демократ.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, с. 75.

Межелайтис Эдуардас Бельяминович (р. в 191 г.) – советский поэт.

Словарь по этике, с. 73.

Смит Адам (1723–1790) – английский экономист.

Акимов Николай Павлович (1901–1968) – советский режиссер и художник.

Словарь по этике, с. 326.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 475.

Пегас – в древнегреческой мифологии – крылатый конь, символ поэтического вдохновения. Появился из крови Медузы, обезглавленной героем Персеем (см. начало главы «Волшебные отражения»).

Наука и молодежь. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1958, с. 225.

То есть правил поведения.

Как «спасибо» давным-давно звучит «благодарю», а не «спаси бог». Или как, допустим, английское слово «утро» (morning), сказанное знакомому при встрече, значит даже не «доброе утро» (good morning), а опять же как по-русски «здравствуйте», то есть «это я».

Выходила, в частности, в издательстве «Детская литература» в 1968 году, объединенная с книгой «От двух до пяти».

Конфуций (551–479 гг. до н. э.) – древнекитайский философ и моралист.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) – великий древнегреческий философ.